

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2019

Ежеквартальное издание

№ 4

Основен в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*временно исполняющий обязанности главного редактора*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИВГУ, 2019
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2019

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2019

Quarterly

№ 4

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Editorial Board

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Acting Editor-in-Chief*)

Prof. **Yuriy Voronov**, Dr. of Politics

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Grigoriy Smirnov**, Dr. of Philosophy

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2019
© Ivanovo State University, 2019

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- А. А. Данилов** Институт всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
- Д. И. Польшанский** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

Yu. M. Voronov	Ivanovo branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
A. A. Danilov	Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
O. V. Zolotaryev	Syktvykar State University named after Pitirim Sorokin
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical Institute
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
G. V. Korzenko	Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)
I. V. Kuptsova	Moscow State University named after M. V. Lomonosov
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiryakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
F. H. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State Technological Institute
V. L. Soskin	Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Юркин Н. Г.* Профессиональные школы Петра I:
новаторство или продолжение традиций? 9
- Гусева М. А.* Средневековые муниципальные чиновники
как тип управленческой протоинтеллигенции
(На примере Англии XIV—XV вв.) 31
- Евсеев В. А., Кучин Я. С.* Образ европейских народов
в журналах «Зритель» и «Фригольдер» 39

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Кислицын С. В.* Современные трансатлантические
отношения в идеологии Республиканской партии США 61

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Ахунзянова Ф. Т., игумен Петр (Ерышалов).* Поиски
«национального характера» в контексте социокультурной
реальности России рубежа XIX—XX вв. (На примере
образа Сергия Радонежского) 73

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Самодетельные объединения интеллигенции в позднем
СССР: клубы любителей фантастики
(публ. *В. В. Комиссарова*) 82
- Кирюхин Д. В.* «История жизни и достижений Генриха VII»
Бернара Андре как источник биографических сведений
о членах королевской семьи и представителях
придворной интеллигенции 98

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Литовченко Е. В., Болгова А. М.</i> «Слово против меча»: позднеримская школа в новых исторических условиях. Рец. на кн.: <i>Тюленев В. М.</i> Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново, 2019	104
Аннотации и материалы для цитирования	111
<i>Содержание журнала за 2019 год .....</i>	134
<i>Информация для авторов .....</i>	138

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Yurkin N. G.* Professional schools of Peter I: innovation or continuation of traditions? 9
- Guseva M. A.* Medieval municipal officials as a type of administrative protointelligentsia (On the example of England of the 14th — 15th centuries) 31
- Yevseyev V. A., Kuchin Ya. S.* The image of European nations in the journals «The Spectator» and «The Free-holder» 39

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Kislitsyn S. V.* Contemporary transatlantic relations in the ideology of US Republican Party 61

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Akhunzyanova F. T., Abbot Peter (Eryshalov).* The search for «national character» in the context of socio-cultural reality of Russia at the turn of the 19th — 20th centuries (On the figure of St. Sergius Radonezhski's example) 73

FROM ARCHIVE FUNDS

- Informal associations of intelligentsia in the late Soviet Union: clubs of fans of science fiction (publication by *V. V. Komissarov*) ... 82
- Kiryukhin D. V.* «The History of Life and Achievements of Henry VII» by Bernard Andre as a source of biographical information about members of the royal family and representatives of the court intelligentsia 98

MAKING CONCLUSIONS

<i>Litovchenko E. V., Bolgova A. M.</i> «A word against a sword»: the late Roman school in new historical conditions. Review to: <i>Tyulenev V. M.</i> Roman school in the late Antique Latin West (Southern Gallia in the 5th — first half of the 6th century). Ivanovo, 2019	104
Annotations and materials for citing	119
<i>List of articles published in the journal in 2019 .....</i>	134
<i>Information for authors .....</i>	138

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Н. Г. Юркин

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ПЕТРА I: НОВАТОРСТВО ИЛИ ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ?

Введение

В научной литературе установилась точка зрения, что в первой четверти XVIII столетия Петр I начинает создавать систему образования в соответствии с европейскими стандартами. Это подчеркивали как дореволюционные, так и современные исследователи¹. Вместе с тем какого-либо сравнительного анализа учебных заведений в России и зарубежных странах не проводится. Подобное мнение основано на двух не совсем верных посылках.

Первая посылка заключается в том, что Петр I во время Великого посольства познакомился с европейской системой образования и это знакомство оставило глубокий след в душе юного царя. Что касается первого соображения, то краткость визита и разнородность целей посольства² вряд ли позволили Петру Алексеевичу глубоко проникнуть в особенности организации системы образования в Европе. Более того, мы согласны с В. О. Ключевским, который отмечал: «...у Петра не было ни охоты, ни досуга всматриваться в политический и общественный порядок Западной Европы... он прежде всего забежал в мастерскую ее цивилизации

© Юркин Н. Г., 2019

Юркин Николай Георгиевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории управления, Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь редколлегии журнала «Интеллигенция и мир». n_yurkin@mail.ru

Yurkin Nicolay Georgiyevich — candidate of historical sciences, docent, Associate Professor of the Department of Management Theory, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

и не хотел идти никуда дальше...»³ То есть Петр во время своего путешествия увидел лишь внешнюю оболочку западного мира, не углубляясь в детали, и его представления о системе образования были весьма отрывочными. Поэтому мы не можем согласиться с точкой зрения тех исследователей, которые утверждают, что «путешествия за границу... сделали для Петра понятным смысл западной культуры, помогли ему разобраться в наиболее пригодных формах и средствах перенесения этой культуры в родную стихию»⁴. Определенные сомнения в западноевропейском характере модернизации русского образования в XVIII в. порождает и тот факт, что Лейбниц, с которым Петр I познакомился во время этого путешествия и который, несомненно, оказал сильное воздействие на мировоззрение царя, неоднократно критиковал устройство западных университетов⁵.

Второе суждение — почти полное отсутствие профессиональных образовательных учреждений в допетровской Руси. В частности, А. В. и В. А. Гришины подчеркивали: «Старая, древнерусская школа служила исключительно орудием церковного просвещения, не поднималась выше уровня элементарного образования. <...> Древнерусской школе были чужды задачи светского профессионального образования»⁶. Однако и эти умозаключения не кажутся нам убедительными в силу того, что хотя учреждений образования в допетровской Руси было немного, но они существовали и решали главную задачу обеспечения государства кадрами, необходимыми для гражданской службы⁷. Обратим внимание на интересную деталь: нередко сведения о профессиональных учебных заведениях, существовавших в XVII в., приводят при характеристике эпохи Петра I⁸, что также кажется нам неверным.

Целью настоящей работы является сравнение материально-го, кадрового и иного обеспечения профессиональных школ первой четверти XVIII в. с государственной политикой, реализуемой в XVII столетии в Московском царстве. Насколько изменились подходы государства в регулировании образования по сравнению с деятельностью предшественников Петра в этом направлении? Для ответа на данный вопрос использовались нормативно-правовые акты, деловая и личная переписка того времени и другие источники личного происхождения.

Поставленная задача предопределила методологию исследования, которая представлена историко-сравнительными и сравнительно-правовыми методами. Исследование выполнено с учетом принципов историзма, объективности и научного подхода к рассмотрению изучаемых проблем. Исходным материалом являются выводы, сделанные автором данной статьи в одной из своих публикаций, в которой он попытался сравнить образовательную политику России до XVIII столетия с западноевропейскими стандартами. В результате были сделаны следующие заключения. Хотя на Западе и в России исходная точка развития систем образования является единой — монастырское образование, в дальнейшем пути их развития расходятся. В Европе значительную часть образованных людей потреблял негосударственный сектор экономики, поэтому и учебные заведения возникали без поддержки государства и приобретали организационную и финансовую самостоятельность. В России же выпускники учебных заведений в основном были востребованы государством и церковью, что объясняется низким спросом на специальную подготовку в русском обществе. Поэтому в учреждаемых государством учебных заведениях процесс обучения финансировался государством, хотя привлечение дополнительных средств из частных источников и было возможным. В результате государство не только контролировало кадровую политику в сфере образования, но и регламентировало учебный процесс и его содержание⁹. Попытаемся сравнить данные особенности учебных заведений с организационными основами первых учреждений профессионального обучения Петровской эпохи.

Частично этот вопрос мы уже затрагивали, характеризуя цели образовательной политики Петра I¹⁰. Поэтому имеет смысл пояснить предмет нашего исследования в данной статье. В упомянутых публикациях изучались прежде всего цели создания образовательных учреждений. Объектом исследования в этой статье, как и в предыдущих, являются первые профессиональные школы Петра I, в которых обучались специалисты для военной и гражданской службы. Однако предмет исследования был нами немного изменен. Здесь изучаются особенности материально-технического, кадрового и иного обеспечения данных учебных заведений. Кроме того, в одной из предыдущих работ нами была

рассмотрена фактологическая сторона вопроса — процесс создания профессиональных училищ Петра I¹¹. Поэтому возвращаться к нему мы не будем.

Материально-техническое оснащение школ

Одним из первых профессиональных учебных заведений становится школа «мореходных хитростно искусств учению» (далее — навигационная школа), открывшаяся в 1701 г.¹² Задумав ее, Петр I первоначально отвел под школу двор в кадашевских мастерских палатах (в Замоскворечье) и повелел «всякия нужныя в нем потребы» строить из доходов Оружейной палаты¹³. Однако учителя признали данный двор негодным для нужд школы, поскольку он был расположен «в неудобном месте», где «в обсервацию усмотреть невозможно», не имел «покоев и погребов, где б... питье держать», а также помещений, где можно было «учеников учить и начертание и чертежи делать», и, наконец, далеко находилась церковь («...нам холопам твоим в церковь Божию... ходить далече»). И просили выделить двор на Покровской и Мясницкой улице¹⁴. В результате Петр I отводит под школу Сretenскую (Сухаревскую) башню¹⁵. Она находилась в северо-восточной части Москвы на земляном валу, окружавшем в то время столицу. По валу тянулись стрелецкие слободы, где был расквартирован полк Л. П. Сухарева. Отсюда и название башни¹⁶. Из ведомости о расходе денег на навигационную школу мы узнаем, что в период с 1699 по 1703 г. на строительство было израсходовано 4385 рублей 19 алтынов 1 деньга.

Другие школы также размещались в казенных зданиях. Например, московская школа «цифири и землемерия» (родоначальница инженерного образования) была расположена на Пущечном дворе¹⁷. Ее преемница, организованная в 1701 г., размещалась на этом же вновь отстроенном дворе¹⁸. Морскую академию поместили в доме А. Кикина, имущество которого было конфисковано после его осуждения по делу царевича Алексея Петровича¹⁹. При этом на замечание Сент-Илера, первоначально назначенного директором Морской академии²⁰, о необходимости постройки нового дома государь пишет: «Учинить на Кикина

дворе, а вновь делать трудно»²¹. Правда, впоследствии его достраивали за казенный счет²².

Кроме этого, государство производило закупку учебного инвентаря для навигационной школы²³. Подобная практика распространялась и на другие учебные заведения²⁴. Но по окончании курса обучения все розданное отбирали, иногда и силой. Например, в 1708 г. Л. Магницкий, докладывая об инструментах, отобранных у учеников, посланных в Англию, говорит, «что отбирали у них на поле, с великою их противностью»²⁵.

Значительную часть средств, шедших на развитие материально-технической базы учебных заведений, составляли расходы на учебную литературу. Одной из первых попыток наладить книгоиздательскую деятельность является жалование грамоты Ивану Тесенгу, в которой последнему давалась привилегия печатать в Амстердаме «земные и морские картины, и чертежи, и листы, и персоны и математические, и архитектурские, и городостроительные, и всякия ратные и художественные книги на Славянском и на Латинском языке...», а также торговать ими на территории Российского государства²⁶. При этом оговаривалось, что богослужебные книги печатать запрещено, поскольку они «печатаются в Нашем царствующем граде Москве»²⁷. Впрочем, данное предприятие окончилось без особого успеха. Это предсказывали и современники Тесенга, говоря, что хотя у него «привилегия на 15 лет, но он очень еще мало сделал, да и нет у него к тому способностей»²⁸. Известны и другие попытки наладить печатное дело за рубежом. Из указанной выше грамоты узнаем, что подобное право было пожаловано несколько ранее Елизарию Избранту, который специализировался на издании «Сибирскому Нашему Царствию и Китайскому владению городам и землям и рекам»²⁹. П. П. Пекарский, опираясь на иностранные источники, называет еще несколько имен предпринимателей, которые занимались изданием учебных книг для России: Илья Федорович Копиевский, Иван Иевлев Молодой (Ян Юнг)³⁰.

Параллельно налаживалось печатное дело и в Москве. Уже в 1703 г. вышло первое издание арифметики Магницкого. Судя по ее заглавию «Арифметика, сиречь наука числительная, с разных диалектов на Славянской язык переведенная, и во едино собрана, и на две книги разделена»³¹, это собрание различных

греческих, латинских, немецких и других источников. Впрочем, нельзя назвать ее простой компиляцией. Например, А. П. Юшкевич считает, что Магницкий, собрав рукописный и печатный материал более раннего времени, обработал его и составил «новый оригинальный труд с учетом знаний и запросов русского читателя»³².

Нам вместе с тем интересно не само содержание данного издания, а то, что оно было создано по повелению государя и автор в награду за его составление получал кормовые деньги со 2 февраля 1701 г. по 1 января 1702 г.³³, а после завершения работ по написанию книги был оплачен также труд переписчиков, живописцев «за письмо всяких фигур и к началам заставиц» и переплетчика³⁴. В целом во время царствования Петра I по его инициативе и при его активном участии было открыто несколько крупных типографий, в частности гражданская типография В. А. Киприанова, которая как раз специализировалась на выпуске учебной литературы и других книг светского направления, вышло в свет около 380 гражданских книг, в том числе 350 на русском и 30 на иностранных языках³⁵.

Как несложно заметить, все перечисленные примеры свидетельствуют о предпринимательской деятельности отдельных лиц: основной доход владельцы должны были получать от продажи изданий. Например, в челобитной В. А. Киприанова читаем: «В прошлом 1705 году майя с 30 числа, вашего величества повелением велено мне заводить... типография гражданская *на моих кошах* ради тиснения и продажи разных ко гражданству потребных книг...» (курсив мой. — *Н. Ю.*). При этом на первые три года он освобождался от налогов, а впоследствии предполагалась пошлина в размере десятой части от «продажи всяких тисненных вещей ежегодно». Однако ниже он обращается к царю с просьбой: «...на завод оното дела (прошу. — *Н. Ю.*) дать мне денег две тысячи рублей на время, которья вашему величеству повинен я заплатить, исправясь после прошедших трех лет погодно в четыре года, на год по пятьсот рублей кроме десятиствования с продажи, потому что я иждивением маломочной...» Кроме того, он просит пристроить библиотеку у Спасских ворот за счет государственной казны для продажи книг³⁶. Таким образом, первичные расходы брал на себя государственный бюджет. Продажа

книг была несколько ограничена. Следы такого ограничения можно увидеть в выписке из Оружейной палаты, где указывается, что «книг число довольноное и продаются в народ по *цене указной*» (курсив мой. — *Н. Ю.*)³⁷. По-видимому, речь здесь шла о том, что ценообразование регламентировалось государством. При этом иногда напечатанные книги и вовсе продавать не разрешалось³⁸, т. е., очевидно, царь отправлял их для использования в учебном процессе. Неслучайно Василий Киприанов, владелец гражданской типографии, в 1716 г. в допросе по поводу недоимок по налогам семьи Киприановых указывал, что «в школу означенных наук (морских и навигационных. — *Н. Ю.*) записан он в 1701 году... для издания книг арифметика словенским языком и изображения протчих картин и листов, а торг овощным товаром имеет брат и сын ево... А он Василей никакова торгу не имеет»³⁹.

В целях обеспечения работы типографий государь организовал поиск и покупку литературы за рубежом. Об этом свидетельствуют указы государя о поиске книг по разным наукам, которые мы неоднократно встречаем среди писем Петра⁴⁰. Нередко подчеркивается учебное назначение «книг, с которых учатца с основания того мастерства»⁴¹. По прибытии в Москву книги на иностранном языке переводились⁴² и печатались⁴³. Учебный характер издаваемой литературы отмечается в письме, адресованном Ивану Никитичу Зотову. В нем император наказывает уделять особое внимание переводу тех фрагментов, которые «учат, как делать»⁴⁴.

Только в 1713 г. было приказано из жалованья школьников брать пропорциональный ему вычет на покупку инструментов и «школьные всякия починки»⁴⁵, но он не покрывал всех расходов. Вследствие дефицита бюджетных средств был введен налог, взыскиваемый с лиц знатных дворянских фамилий («царедворцев»), оплачивающих свой отказ от «служб и заморской посылки». И эти деньги также шли на финансирование навигационной школы⁴⁶. Впрочем, их объем был незначителен. Так, по данным 1719 г., денежные средства, собираемые на нужды школ с денежных дворов, составляли более 22 тысяч рублей, а налог с царедворцев составил в то же время 2720 рублей⁴⁷. Таким образом, можно говорить о том, что большую часть расходов на деятельность вышеназванных школ взяло на себя государство.

Организационно-кадровое обеспечение учебного процесса

Первыми учителями навигационной школы стали уроженцы Англии: А. Д. Фарварсон, профессор Абердинского университета, знавший русский язык, С. Гвин, с чьим именем связано введение арабских цифр в России⁴⁸, и Рыцарь Грыз. Из их челобитной следует, что они были приглашены Петром I непосредственно для организации данной школы⁴⁹. Как они ценились царем видно из того, что только с момента основания школы до 1703 г. они получили жалованье и подъемные в размере более 2500 рублей. Для сравнения: русский учитель (по-видимому, Л. Магницкий) получил за тот же период чуть больше 180 рублей⁵⁰. Однако впоследствии была сделана ставка на привлечение учителей из числа русских подданных. В частности, уже упомянутый Магницкий преподавал в навигационной школе 38 лет, а после отъезда Фарварсона и Гвина в Морскую академию фактически заведовал этой школой.

Те же тенденции заметны и в артиллерийских школах: первоначально преподавательский состав состоял из педагогов из-за границы. Однако позднее их начинают вытеснять сами выпускники артиллерийских школ, которые попадали на преподавательскую работу после получения опыта нескольких военных кампаний⁵¹. Например, М. В. Данилов, поступивший в артиллерийскую школу в 1737 г., вспоминал, что «для показания одной арифметики» первоначально были назначены «из пушкарских детей два подмастерья; потом определили... штык-юнкера Алабушева». Среди учителей он называет также капитана Гринкова, «у которого не было левой руки по локоть»⁵².

Что касается обеспечения студентов, то тут вопрос неоднозначен. В указе об учреждении навигационной школы говорится об установлении «неимущим во прокормление поденный корм»⁵³. Указывая на этот факт, Ф. Ф. Веселаго предположил, что воспитанники школы, родители которых были обеспечены (имели в собственности более пяти крестьянских дворов), учились и проживали за свой счет, не получая никаких видов довольствия из казны⁵⁴. Размер кормовых денег зависел от успеха в обучении: «...ежели кто сыщется отчасти искусным, по 5 алтын в день, иным же по гривне и меньше, разсмотрев коегождо [каждого]

искусство учения»⁵⁵. Исходя из этого, С. А. Князьков, полагал, что учение приравнивалось к службе⁵⁶, т. е. это, по сути, было жалованием. Неслучайно, А. А. Кизеветтер подчеркивал, что ««дворянское учение»... получило все черты государственной службы»⁵⁷. Подтверждение этому мы находим и в расходных ведомостях за 1699—1703 г. В них указывалось, что в 1702 г. «ученикам 200 человекам разными в дачах определениями (роздано. — *Н. Ю.*) 2187 рублей 10 алтын 1 деньга», а в следующем году им же выдано 2730 рублей, 20 алтынов 2 деньги⁵⁸. Как мы помним, всего в это время в школе числилось как раз 200 студентов. И в именной росписи учеников, обучавшихся морской науке в 1705 г., мы также не обнаружили ни одного человека, который не получал бы кормовых денег. Да, их размер мог быть минимальным (4 деньги, т. е. 2 копейки), но кормовые получали все школяры⁵⁹.

С другой стороны, И. Г. Дуров, опираясь на архивные данные, показал, что учителя ежегодно представляли в Оружейную палату списки учеников, являвшихся душе- и землевладельцами, с указанием конкретного количества крестьянских дворов⁶⁰. Значит, имущественное положение действительно учитывалось. Повидимому, такое разделение на «своекошных» и «казеннокошных» студентов появилось уже позднее. В частности, в ведомости 1711 г. учеников, получающих кормовые, было 506 человек, а «знатных особ с детьми 524 человека»⁶¹. С точки зрения задач нашей статьи нам интересен не столько вопрос о материальном обеспечении школяров, сколько то, что студенты обучались за счет государства, поскольку у нас нет данных о том, что для тех, кто «кормился» за собственный счет, устанавливалась какая-либо плата за обучение. Тем более, как указывалось выше, традиции профессионального обучения XVII в. не исключали права учеников питаться за собственный счет. Но еще раз подчеркнем, «кормление» за собственный счет не являлось оплатой обучения. Неслучайно И. В. Соколовский подчеркивает, что «правительство никогда почти не брало денежной платы за учение», напротив, взяв на себя расходы, старалось «обязать учащихся вознаградить обучавших и содержавших его — правительство или частных лиц — службой или вообще трудом по окончании ученья»⁶².

Насколько привычна была для россиян ситуация, когда учебные заведения финансировались за счет государства, видно из письма комиссара адмиралтейской канторы, заведовавшего московской навигационной школой. Обращаясь к генерал-адмиралу Апраксину, А. Беляев решительно требовал: «...ежели школе быть, то потребны на содержание ея деньги, а буде даваться не будут, то истинно лучше распустить понеже от нищенства и глада являются от школяров многие плутовства»⁶³. Насколько можно судить, той же точки зрения придерживался и государь. Во всяком случае, когда упоминавшийся уже Сент-Илер в проекте об учреждении Морской академии предложил взять на себя расходы на содержание данного училища, Петр I ответил: «Сие невозможно, и лишнева не надлежит брать, ибо то комиссарское дело»⁶⁴.

Учитывая объем средств, которые направлялись в учебные заведения, можно понять, почему государство старалось контролировать набор преподаваемых дисциплин. Например, один из биографов Петра I указывает, что проект образования навигационной школы был разработан им совместно с Фарварсоном⁶⁵. Позднее можно найти и документальные подтверждения роли государя в разработке программ обучения. В частности, в собственноручно написанной записке (1715 г.) царь определяет состав преподаваемых дисциплин Морской академии: «Детей учить: 1 арифметике, 2 геометрии, 3 фект или приему ружья, 4 артиллерии, 5 навигации, 6 фортификации, 7 географии, 8 знание членов корабельнаго гола и такелажа, 9 рисованью, 10 на произволение, танцам для постуры»⁶⁶. Правда, Ф. Ф. Веселаго, ознакомившись с рукописью этой записки, утверждает: написанного «в 10-м пункте нельзя разобрать; но из других дел видно, что в нем было приказано учить драться на рапирах»⁶⁷. Подтверждение данной точки зрения находим в утвержденном докладе от 11 января 1719 г. «О науках, предназначенных для преподавания в Морской академии». В нем перечислены все науки, упомянутые в записке, за исключением указанных в пунктах 4 и 8, а пункт 3 изложен как «воинским обучением, мушкетами и на рапирах». Кроме этих наук, в докладе добавляется еще и астрономия⁶⁸. Хотя основы такелажа в данном документе и не фигурируют в качестве самостоятельной дисциплины, тем не менее их по-прежнему

изучали. Это видно из вопросов, выносимых на экзамен в Морской академии⁶⁹.

Та же нацеленность на контроль за учебным процессом наблюдается в том, что бразды правления в школах вручались доверенным лицам Петра, хотя в качестве учителей были приглашены иностранцы. Так, руководить навигационной школой был назначен боярин Ф. А. Головин «с товарищами», которые получили полномочие на оценку деятельности учителей. Например, А. А. Курбатов, дьяк Оружейной палаты («товарищ» боярина), в одном из писем указывает: «...дело из них признал я совершенно в одном Андрее Фарварсоне, а те два [Гвин и Грыз] хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья (Магницкого. — Н. Ю.) наукою не дошли»⁷⁰. То же самое можно отметить и позднее в прошении дьяка Приказа воинского морского флота Беляева (этому приказу был поручен контроль за школой). В документе чиновник, указав, что жалованье С. Гвину увеличено до 400 рублей, просил Апраксина: «...благоволи и Магницкаго беднаго милостию своею призреть и учинить ему оклад против Гвина в полы 200 рублей, а истинно *труд его во ученьи есть*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁷¹. Однако справедливости ради надо сказать, что критическое отношение к преподавателям-иностранцам не отражалось на их карьере.

Что касается самого учебного процесса, то, по-видимому, учителя были вполне самостоятельны. Это становится понятным из конфликта, который возник между Сент-Илером и Фарварсоном, переведенным в Академию из Москвы. Первый потребовал от Фарварсона повинования, а тот возражал, говорил, что «под послушанием его бароновым быть не хочет», поскольку сам знает, как «учить» свой предмет, а барону, которой «той науки сам не сведом», в преподавание ее вмешиваться нельзя. Кроме того, Фарварсон указывал, что назначен по указу «особно», а не в подчиненные к Сент-Илеру. Конфликт зашел так далеко, что Матвеев предлагал «для избежания “неудовольствий”» отвести Фарварсону с учениками место вне Академии⁷². Это показывает, что, работая в навигационной школе, Фарварсон привык к самостоятельности.

Таким образом, Петр перешел к форсированному формированию учебных заведений, которые в первую очередь были нужны государству. При этом в отличие от западноевропейского

эволюционного пути становления вузов в России профессиональное образование насаждалось сверху⁷³. Но оказались ли данные усилия востребованными обществом?

Востребованность образования

Обратим внимание, что в указе об учреждении навигационной школы ставится задача обучения соответствующим наукам молодых людей, «добровольно хотящих, *паче же с принуждением набираемых*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁷⁴. Другими словами, государство надеялось на лучшее, т. е. на то, что желающие учиться найдутся, но готовилось к худшему — применению насилия для привлечения учеников. Это стало очевидно Петру I еще со времени командировки дворян для обучения «за море». Например, неготовность к обучению можно увидеть в письме князя М. Голицына: «...житие мне пришло самое бедственное... Наука определена самая премудрая: хотя мне все дни живота своего на той науке себя трудить, а не принять будет, для того — не знамо учитца языка, не знамо науки... про меня вы сами можете знать, что кроме природнаго языка, никакого не могу знать, да и лета уже мои ушли от науки»⁷⁵. Впрочем, Петр не был озабочен неподготовленностью дворян к обучению за рубежом. Это становится очевидным из ответов Петра I на вопросы И. Б. Львова, который наблюдал за «русскими навигаторами» в Англии. В частности, Львов задавал следующий вопрос: «Многие из тех дворян никакого другого языка не знают, кроме Русскаго; отдавать ли прежде их тамо учиться языку, понеже не знаючи языка не возмугут правильно выучиться положенному на них делу?» В ответ Петр I наложил резолюцию: «Как матрозы Русские выучились, таким образом и оным учиться»⁷⁶. Это нежелание учиться отмечали у русских дворян и иностранцы. Так, голландец Петцольд писал своему современнику: «Притом же москвитяне... нисколько тем [изучением наук] не интересуются: они все делают по принуждению и в угоду царю, а умри он — прощай наука!»⁷⁷

Косвенным образом подтверждает нежелание дворян учиться запрет на перевод денег командированным на обучение под страхом большого штрафа, «дабы никто не имел дерзновения переводить туда векселей собою» в обход Адмиралтейского

приказа. Этот запрет законодатель объясняет следующим образом: «...уведомились Мы, что к посланным за море в науку... детям... отцы их... и прочие свойственники, для довольства им вексели чрез иноземцов на великое число денег (отправляют. — *Н. Ю.*) мимо Адмиралтейского приказа... от чего они там живут в воле и гуляют, а ученья принимают мало...»⁷⁸ Размах русских кутежей можно представить из записки уже упомянутого князя Львова: Львов просил не посылать больше навигаторов в Англию, «для того что и старые там научились больше пить и деньги тратить». Он жаловался, что не может оплатить их долги и указывал, что за них навигаторов хотят «уже в тюрьмы сажать»⁷⁹.

Об этом же свидетельствует и факт появления указов, в которых предписывались за отказ от обучения различного рода санкции. Например, именной указ от 15 января 1708 г. гласил: «Поповым и диаконовым детям учиться в школах Греческой и Латинских. А которые в тех школах учиться не похотят, и их в попы и во диаконы, на отцовы места и никуда посвящать, и в подьячие и в иные ни в какие чины, кроме служилаго чина (военной службы. — *Н. Ю.*), принимать не велено...»⁸⁰ Позднее этот указ подтверждался⁸¹.

Как бы то ни было, можно констатировать, что в целом спрос на образование со стороны общества был по-прежнему, как и в XVII в., минимальным. Эта тенденция сохранилась и при преемниках Петра I. Например, упоминавшийся ранее М. В. Данилов вспоминал, что из 700 недорослей, записанных в артиллерийскую школу в 1736 г., «через четыре года разошлось оное большое собрание, без позволения школьного начальства, по разным местам... а осталось только некоторая часть дворянских детей, кои прилежали охотно и хотели учиться»⁸². Об этом же идет речь в одном из указов Анны Иоанновны (1736 г.): «Мы... повелели... учредить школы и определить жалованье, чтоб все молодетные служилых отцов дети... обучались, кто к каким наукам приклонность иметь будет, дабы со временем не токмо Государству полезны быть, но и сами себе чрез те науки довольное пропитание сыскать могли; но не взирая на такую Нашу Императорскаго Величества Высокоматернюю милость, и не желая собственной своей пользы, от наук убегают»⁸³.

Конечно же, в обществе XVIII в. были люди, отличающиеся высоким уровнем образования. Сам государь был окружен неординарными личностями, знающими людьми. Достаточно вспомнить Г. И. Головкина (в совершенстве знал латынь), Я. Ф. Долгорукого («был отлично образованным человеком»⁸⁴), Ф. А. Головина, А. Д. Меншикова, Я. В. Брюса, Б. П. Шереметева, А. Б. Куракина, П. А. Толстого, А. К. Нартова, А. В. Макарова, Ф. Прокоповича, А. М. Черкасского, «вступившего в службу В. Н. Татищева и других сподвижников, именуемых “птенцами гнезда Петрова”»⁸⁵. Но в целом и аристократия, и народ не чувствовали потребности в образовании. Возможно, именно это имел в виду В. Н. Татищев, когда в ответ на просьбу лейб-медика Блументроста подыскать в Швеции ученых для Академии наук сказал: «Напрасно ищите семян, когда самой почвы для посева еще не приготовлено»⁸⁶.

Студенчество Петровской эпохи: всесословность образования

Нельзя не отметить, что вследствие низкого спроса на образование в обществе школы первой четверти XVIII в. испытывали дефицит студентов. Это подтверждается следующими фактами. Если в указе о создании инженерной школы предполагалось набрать «100 человек, или 150 из которых чтоб *две трети*, или по нужде были из *Дворянских детей*» (курсив мой. — Н. Ю.)⁸⁷, то из сенатского указа от 19 ноября 1713 г. (т. е. фактически через 2 года) узнаем, что в ней числилось 23 человека и необходимо было «набрать... из *всяких чинов людей*... 77 человек» (курсив мой. — Н. Ю.)⁸⁸. Следовательно, чтобы обеспечить минимальную комплектность школы, требовались не только дополнительные меры, но и отказ правительства от преимущественно дворянского состава учащихся.

Всесословной стала и навигационная школа. Это связано с тем, что каких-либо требований к социальному происхождению учеников не предусматривалось. Известна даже челобитная сына крестьянина «Государева дворцоваго села Петровскаго» Алексея Морева о принятии его на учебу в эту школу, поскольку он «к той науке усердное желание» имеет. Это прошение в результате было удовлетворено⁸⁹. По нашим подсчетам, среди студентов, обучавшихся в 1705 г., 25,8 % составляли выходцы из приказных людей,

22,6 % — «всякого чина» церковные и монастырские люди, 19,1 % — представители аристократии, в том числе 2 князя, 18,6 % — выходцы из посадских и дворовых людей, 7,2 % — из людей боярских, 6,7 % — из солдатских стрелецких детей⁹⁰. Те же тенденции проявляются и впоследствии⁹¹.

В письме А. А. Курбатова адмиралу Головину от 16 июля 1702 г., в котором он отчитывался, что в московской навигационной школе обучалось 180 человек, подчеркивается: «А ныне многие из всяких чинов и пожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдают в те школы детей своих, а иные и сами недоросли и рейтарские дети и молодые из приказов подьячие приходят с охотою не малою»⁹². Это позволило даже ужесточить требования к набираемым ученикам. С 1710 по 1714 г. в школу принимали умеющих не только читать, но и писать⁹³. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что если аристократия не выражала восторга от образования, то представители незнатных сословий видели в нем возможность сделать карьеру. Это вполне коррелируется с наблюдениями других исследователей. Так, Л. А. Черная пишет: «Как только Петр I начал отправлять своих пенсионеров в Европу, И. Волков вместе с другими служащими Посольского приказа подал челобитную о посылке за границу сразу трех своих сыновей»⁹⁴.

Впрочем, нельзя абсолютизировать эти данные. Как показывала практика, некоторые представители простого народа шли в школу «обнадеженные» кормовыми. Об этом свидетельствует тот факт, что многие поступившие в навигационную школу после получения кормовых бежали из нее: «...ученики от школьного учения отбыли самовольно с 707 г., которых сыскивают солдаты, а кормовые ж деньги даваны ж им...» Таких в школе насчиталось 54 студента, и лишь один из них был из боярских детей⁹⁵. Бегство учащихся являлось настоящим бичом и для других школ⁹⁶. Об этом же свидетельствуют и карательные меры, предусмотренные в инструкции Морской академии (1719 г.), в которой за нехождение в школу предусматривалось наказание — «бить багатами и вычитывать за каждый день втрое против получаемого жалованья»⁹⁷. Школьные побегі стали хроническим недугом русского народного просвещения⁹⁸.

Таким образом, училища Петра I формируются по всеобщему принципу. Это сближает их с европейскими учебными

заведениями первой четверти XVIII в. В Европе ко времени Великого посольства протестантизм уже окончательно разрушил принцип сословности образования⁹⁹. В России же внесословность образования была, скорее, вынужденной мерой, поскольку Петр Алексеевич все-таки был озабочен сохранением аристократического характера государственной службы¹⁰⁰.

Подтверждение данному тезису находим в государственной политике по отношению к Морской академии, в которой готовились офицерские кадры. В отличие от первых школ она формировалась по сословному принципу, в нее поступали по большей части дети из знатных семей. Иностранец Ф. Х. Вебер, который в течение нескольких лет лично наблюдал дела Петра I, пишет, что «в целой обширной России не было ни одной знатной Фамилии, которая бы не обязалась выслать в эту академию сына, или другого родственника... поэтому, в Петербурге встречаешь этих молодых новобранцев из всех уголков и мест России»¹⁰¹. Ф. В. Веселаго отмечает, что А. А. Матвеев, которому был поручен надзор за Академией, лично отбирал присланных из Москвы учеников: «очень бедных» отправил назад в Москву, не знающих грамоты отослал учиться в новгородскую школу, а «немалое число гораздо увечных, и негодных ни к какой службе» отпустил по домам (курсив мой. — *Н. Ю.*)¹⁰².

Как нам представляется, он отбирал студентов не по уровню финансовой обеспеченности, а по сословному принципу. Об этом свидетельствует письмо того же графа Матвеева, который в июле 1717 г. писал кабинет-секретарю Петра I А. В. Макарову о провинившихся студентах следующее: «В академии из самага подлага шляхетства, которые ныне в штрафе, не имеют по указу на 5 лет кормовых денег, и в самой находятся последней нищете, не имея ни земли не только крестьянского за собою двора... а которые... в вотчинах, были в штрафе и сосланы на каторги, и те, помилованы, того ради принужден я... за них бедных покорно просить чтобы ваша милость... исходатайствовать то, призрение чтобы, оставя им то преступление, повелели им по наукам впредь... давать свое Государево денежное кормовое жалованье»¹⁰³. Таким образом, мы видим, что в Академии могли учиться и мелкопоместные дворяне и критерием отбора была принадлежность к дворянству, а не богатство.

Заключение

В предыдущей статье, изучив цели создания профессиональных школ Петра I, мы обосновали следующую точку зрения. Хотя направленность подготовки специалистов в XVIII в. по сравнению с XVII столетием изменилась, сам тренд — создание учебных заведений для удовлетворения потребностей государства — остался неизменным¹⁰⁴. Уже здесь мы наблюдаем некоторое отличие петровских училищ от учебных заведений Запада, которые создавались для обеспечения кадрами прежде всего негосударственного сектора экономики. При этом русское государство, несмотря на острый дефицит финансов, вкладывает огромные средства в развитие училищ. Оно формировало материально-техническую базу образования (здания, средства обучения и т. д.), обеспечивало книгоиздательскую деятельность, платило жалованье учителям, предусматривало кормовые деньги для определенной части студентов. Для западных учебных заведений была характерна автономия профессионального образования, их независимость от государства.

Западноевропейское влияние на первые учебные заведения в России ограничивалось тем, что учебные пособия были переводными, а первыми учителями стали иностранцы. Впрочем, последние были поставлены под контроль со стороны русских должностных лиц. Однако это не исключало сохранения определенной автономии в рамках преподавания учебных дисциплин. Кроме того, можно отметить стремление Петра заменить иностранных подданных национальными кадрами. Исходя из этого государство изначально определяло набор дисциплин, по которым проводилось обучение. Таким образом, и здесь можно увидеть общие черты с развитием учебных заведений допетровской эпохи: учебный процесс был направлен на подготовку кадров, которые были необходимы государству.

Коренных изменений не произошло и в общественных настроениях. По-прежнему в большинстве своем люди того времени не видели необходимости в знаниях и государство принуждало к получению образования. Итак, можно говорить о том, что в образовательной политике Петр I выступил продолжателем русских традиций XVII в., а не революционером-новатором, внедряющим западноевропейские стандарты образования.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Григорьев В. В.* Исторический очерк русской школы. М., 1900. С. 129; *Войтеховская М. П., Куперт Ю. В.* Зарождение государственной системы образования в Российской империи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 39. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/vojtehovskaya_m_p_39_45_2_117_2012.pdf (дата обращения: 20.09.2012).
- ² См. об этом: *Гузевич Д. Ю.* Дипломатическая цель Великого посольства 1697—1698/99 // Известия Саратовского университета: новая серия. Сер.: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, № 2. С. 3—11. URL: <http://elibrary.ru/download/81376473.pdf> (дата обращения: 04.05.2015).
- ³ Цит. по: *Князьков С.* Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1909. С. 53. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10079647> (дата обращения: 13.09.2018).
- ⁴ *Уланов В. Я.* Культурные реформы Петровской эпохи // Три века: Россия от Смуты до нашего времени: в 6 т. М., 2006. Т. 4. С. 9.
- ⁵ *Андреев А. Ю.* О «новом прочтении» истории российских университетов // Высшее образование в России. 2009. № 3. С. 151.
- ⁶ *Гришин А. В., Гришин В. А.* Образовательная политика первой четверти XVIII века // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 1. С. 7.
- ⁷ См., напр.: *Лаврентьев А. В.* К истории создания училища в московской Бронной слободе в XVII веке // История СССР. 1991. № 3; *Симонов Р. А., Кузаков В. К., Кузьмин М. К.* Естественно-научные знания // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2; *Сторожев В. Н.* К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890.
- ⁸ См., напр.: Очерк истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / сост. С. А. Князьков, Н. И. Серебров; под ред. С. В. Рождественского. М., 1910. С. 30—36.
- ⁹ *Юркин Н. Г.* Опыт сравнительного анализа развития российской и зарубежных систем образования до XVIII в. // Интеллигенция и мир. 2012. № 4. С. 39—40.
- ¹⁰ *Юркин Н. Г.* Профессиональные училища Петра I: цели создания и отношение в обществе // Научно-теоретические и методологические основы изучения жизнедеятельности интеллигенции: материалы XXIX Национальной научно-теоретической конференции с международным участием. Иваново, 2018; *Его же.* Цели образовательной

- политики Петра I в сфере профессионального обучения // Интеллигенция и мир. 2019. № 1.
- ¹¹ Юркин Н. Г. Цели образовательной политики Петра I... С. 18—22.
- ¹² Материалы для истории Русского флота. СПб., 1866. Ч. 3. С. 289. Далее — МИРФ.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 290.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1842. С. 6.
- ¹⁷ Это здание сгорело во время пожара 26 и 27 июня 1699 г. (Струков Д. П. Московская пушкарская школа: к истории первого военного училища России времени Петра Великого // Военный сборник. 1892. № 1. С. 142—143).
- ¹⁸ Бенда В. Н. Вклад военно-специальных артиллерийских и инженерных школ в укрепление обороноспособности России в первой половине XVIII столетия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2012. № 8, ч. 2. С. 26.
- ¹⁹ Зуев Г. И. Историческая хроника Морского корпуса, 1701—1925 гг. М., 2005. С. 52.
- ²⁰ Грабарь В. К. Морская школа России. Ч. 5. URL: <https://flot.com/blog/historyofNVMU/morskaya-shkola-rossii-grabar-vladimir-chast-5.php> (дата обращения: 07.05.2019).
- ²¹ Цит. по: Веселаго Ф. Указ. соч. С. 39.
- ²² Там же. С. 42.
- ²³ МИРФ. С. 295—300.
- ²⁴ См., напр.: Полное собрание законов Российской империи: собрание 1. СПб., 1830. Т. 5. № 2798. С. 97; Т. 6. № 3748. С. 364. Далее — ПСЗ: собр. 1.
- ²⁵ Цит. по: Веселаго Ф. Указ. соч. С. 20.
- ²⁶ ПСЗ: собр. 1. Т. 4. № 1751. С. 6.
- ²⁷ Там же. С. 6—7.
- ²⁸ Цит. по: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 13.
- ²⁹ ПСЗ: собр. 1. Т. 4. № 1751. С. 7.
- ³⁰ Пекарский П. Указ. соч. С. 14—18.
- ³¹ Арифметика, сиречь наука числительная, с разных диалектов на Славянской язык переведенная, и во едино собрана, и на две книги разделена // Российская государственная библиотека для молодежи. URL: <http://www.rgub.ru/ebook/?id=81#page/6> (дата обращения: 03.05.2019).

- ³² Цит. по: *Каменева Т. Н.* К истории издания «Арифметики» Магницкого // Книга: исследования и материалы. 1984. Сб. 48. С. 76.
- ³³ *Бородин А. В.* Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы // Труды Института книги, документа, письма. 1936. Вып. 5. С. 58.
- ³⁴ Гражданская типография Киприановых / публ. Т. Г. Куприяновой // Российский архив. М., 1999. Т. 9. С. 11.
- ³⁵ *Акопов А. И.* Общий курс издательского дела: учебное пособие для студентов-журналистов. Воронеж, 2004. С. 26.
- ³⁶ Гражданская типография Киприановых. С. 13—14.
- ³⁷ Там же. С. 12.
- ³⁸ См., напр.: Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1950. Т. 9, вып. 1. № 2994. С. 32. Далее — ПиБПВ.
- ³⁹ Гражданская типография Киприановых. С. 18.
- ⁴⁰ ПиБПВ. СПб., 1900. Т. 4. № 1374. С. 388; Т. 5. СПб., 1907. № 1544. С. 53; Т. 6. СПб., 1912. № 2134. С. 211.
- ⁴¹ ПиБПВ. Т. 5. № 1544. С. 54.
- ⁴² См., напр.: ПиБПВ. Т. 6. № 2004. С. 117; Т. 9. № 2960. С. 13; Т. 10. М., 1956. № 3898. С. 256.
- ⁴³ См., напр.: ПиБПВ. Т. 9, вып. 1. № 2994. С. 31; Т. 10. № 4183. С. 462.
- ⁴⁴ ПиБПВ. Т. 9, вып. 1. № 3095. С. 106.
- ⁴⁵ *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 11. См. также: МИРФ. С. 342—343.
- ⁴⁶ *Дуров И. Г.* Подготовка специалистов для флота при Петре Великом // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. URL: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom/> (дата обращения: 14.10.2018).
- ⁴⁷ МИРФ. С. 343.
- ⁴⁸ *Соколовский И.* Петр Великий как воспитатель и учитель народа. Казань, 1873. С. 73.
- ⁴⁹ МИРФ. С. 289.
- ⁵⁰ Там же. С. 300.
- ⁵¹ *Бенда В. Н.* Создание и деятельность артиллерийских школ (конец XVII века — 1725 год): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. С. 21.
- ⁵² Записки М. В. Данилова, артиллерии майора, написанные им в 1771 году (1722—1762) // Безвременье и временщики: воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720—1760-е годы). Л., 1991. С. 298.
- ⁵³ МИРФ. С. 289.
- ⁵⁴ *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 11.
- ⁵⁵ МИРФ. С. 289.
- ⁵⁶ *Князьков С.* Указ. соч. С. 505.

- ⁵⁷ *Кизеветтер А. А.* Русское общество в восемнадцатом столетии. 2-е изд. Ростов н/Д, 1905. С. 10.
- ⁵⁸ МИРФ. С. 292.
- ⁵⁹ Там же. С. 295—300.
- ⁶⁰ *Дуров И. Г.* Указ. соч.
- ⁶¹ МИРФ. С. 314.
- ⁶² *Соколовский И.* Указ. соч. С. 66.
- ⁶³ МИРФ. С. 323.
- ⁶⁴ Цит. по: *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 39—40.
- ⁶⁵ *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1837. Т. 1. С. 604.
- ⁶⁶ МИРФ. С. 327.
- ⁶⁷ *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 46.
- ⁶⁸ ПСЗ: собр. 1. Т. 5. № 3276. С. 609.
- ⁶⁹ Примерный перечень вопросов, выносимых на экзамен в Морской академии // *Алехин И. А.* Развитие теории и практики военного образования в России XVIII — начала XX века: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. Прил. 15. С. 561—562.
- ⁷⁰ МИРФ. С. 293.
- ⁷¹ Там же. С. 312—313.
- ⁷² *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 45.
- ⁷³ *Капралова Е. В., Голованова В. Ф.* Политико-правовое регулирование высших учебных заведений в дореволюционной России // *Вестник Нижегородского университета.* 2011. № 4. С. 270.
- ⁷⁴ МИРФ. С. 289.
- ⁷⁵ Цит. по: *Пекарский П.* Указ. соч. С. 143.
- ⁷⁶ Цит. по: *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 31—32.
- ⁷⁷ Цит. по: *Пекарский П.* Указ. соч. С. 12—13.
- ⁷⁸ ПСЗ: собр. 1. Т. 4. № 2292. С. 550.
- ⁷⁹ Цит. по: *Пекарский П.* Указ. соч. С. 141.
- ⁸⁰ ПСЗ: собр. 1. Т. 4. № 2186. С. 401.
- ⁸¹ Там же. № 2308. С. 581.
- ⁸² *Данилов М. В.* Указ. соч. С. 297—298.
- ⁸³ ПСЗ: собр. 1. Т. 9. № 6949. С. 807.
- ⁸⁴ *Лешков В. Н.* Народное просвещение по указам Петра Великого. 1877. М., 2012. С. 7. Репринт.
- ⁸⁵ Власть и интеллект в императорской России: дискуссии и обсуждения // *Отечественная история.* 2005. № 4. С. 10.
- ⁸⁶ Цит. по: *Ключевский В. О.* Афоризмы и мысли об истории: афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М., 2007. С. 245.

- ⁸⁷ ПСЗ: собр. 1. Т. 4. № 2467. С. 778—779.
- ⁸⁸ ПСЗ: собр. 1. Т. 5. № 2739. С. 70.
- ⁸⁹ МИРФ. С. 301—302.
- ⁹⁰ Подсчитано по: МИРФ. С. 295—300.
- ⁹¹ Ср. данные: *Харламов В. И.* Становление системы подготовки офицерских кадров для регулярной армии и пограничной охраны России в XVIII столетии // *Пространство и время: электронное научное издание.* 2013. Т. 3, вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-sistemy-podgotovki-ofiterskih-kadrov-dlya-regulyarnoy-armii-i-pogranichnoy-ohrany-gossii-v-xviii-stoletii> (дата обращения: 15.03.2014).
- ⁹² МИРФ. С. 293.
- ⁹³ Цит. по: *Дуров И. Г.* Указ. соч.
- ⁹⁴ *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. М., 1990. С. 188.
- ⁹⁵ МИРФ. С. 315.
- ⁹⁶ См., напр.: *Бенда В. Н.* Создание и деятельность артиллерийских школ... С. 21.
- ⁹⁷ Цит. по: *Гришин А. В., Гришин В. А.* Указ. соч. С. 11.
- ⁹⁸ *Девятова С. В., Купцов В. И.* Образование и наука в России в эпоху правления Петра Великого // *Человеческий капитал.* 2013. № 1. С. 9.
- ⁹⁹ *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен. СПб., 2000. Ч. 1. С. 257.
- ¹⁰⁰ См. об этом: *Юркин Н. Г.* «Революционер на троне»? : из истории развития дворянского сословия // *Научный потенциал на света — 2012: материалы 8-й Международной научно-практической конференции.* София, 2012. Т. 6. С. 7—13.
- ¹⁰¹ *Записки Браунштейнскаго резидента Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив.* 1872. № 7—8. Стлб. 1414.
- ¹⁰² Цит. по: *Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 44—45.
- ¹⁰³ МИРФ. С. 339—340.
- ¹⁰⁴ *Юркин Н. Г.* Цели образовательной политики Петра I... С. 25.

М. А. Гусева

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ
ЧИНОВНИКИ КАК ТИП УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ
ПРОТОИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
(На примере Англии XIV—XV вв.)**

Введение

Генезис интеллигенции предполагает ее развитие в рамках различных исторических эпох и реалий, наличие предыстории. Так, считается, что одна из значимых предпосылок для формирования интеллигенции — появление в обществе групп людей, напрямую не связанных с физическим трудом, а занимающихся наукой, искусством, общественными делами, в частности управлением на различных уровнях. А одной из существенных черт интеллигенции признается наличие образования, знаний, позволяющих успешно решать задачи умственного труда¹. Другой значимой характеристикой интеллигенции выступает нравственное поведение ее представителей, их способность нести ответственность за свои поступки².

Исходя из сказанного, нам представляется возможным рассматривать средневековых муниципальных служащих как определенный тип управленческой протоинтеллигенции. Очевидно, что занимаемая должность в городском самоуправлении требовала от этих чиновников как профессиональных навыков, знаний, так и благопристойного поведения, умения нести ответственность за принятые властные решения.

© Гусева М. А., 2019

Гусева Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия им. Д. К. Беляева. gmar@inbox.ru

Guseva Marina Aleksandrovna — candidate of historical sciences, do-cent, Associate Professor of the Department General Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy named after D. K. Belyaev.

Рассмотрим данную категорию служащих на примере Англии XIV—XV вв. В истории страны это было время становления городского самоуправления, определения его основных функций и структуры. Интересно выяснить, что же представляли собой муниципальные служащие в указанный период, установить механизм формирования чиновничьего аппарата города, критерии отбора.

В отечественной историографии вопросы социально-экономического развития средневекового английского города, его взаимоотношений с сеньором получили довольно широкое освещение³. Однако конкретно муниципальные служащие рассматривались, как правило, в разрезе их социально-профессиональной принадлежности, взаимоотношений с королевской властью, существования городской олигархии⁴. Муниципальную управленческую элиту Лондона XIV—XVI вв. исследовала Л. П. Чернова⁵.

В англоязычной медиэвистике различные аспекты городской жизни получили более широкое освещение⁶. В частности, вопросы развития местного самоуправления в XV в. представлены в работе А. Грин⁷. Проблемы становления английских средневековых городов, формирования коллегиальных органов власти изучены в труде Дж. Тайта⁸. Отметим, что в данных изысканиях муниципальные чиновники не рассматривались как отдельный объект исследований.

В нашей работе мы изучим механизмы формирования аппарата основных должностных лиц английского провинциального города XIV—XV вв., выясним требования к претендентам на муниципальные посты.

Система муниципального управления в Англии XIV—XV вв.

К концу XV в. в большинстве английских городов существовала достаточно разветвленная система муниципального самоуправления. Во главе магистрата находился мэр/бейлиф/олдермен, имелся коллегиальный совещательный орган — малый совет или совет мэра. Как правило, города подразделялись на кварталы, в каждом из которых действовали констебли, сержанты и олдермены. С середины XV в. в ряде городов Англии

появляется общий совет или большой совет, который по числу членов обычно в два раза превосходил малый.

Безусловно, в структуре местных органов власти разных городов имелись и свои особенности. В основном они были связаны с географическим расположением города или со спецификой его исторического развития, сеньориальной принадлежностью. Например, в портовом Бристоле значимую роль играли бейлифы порта⁹. В Эдмундсбери — церковном городе — местное управление возглавляли олдермен и двое бейлифов. В епископском Беверли действовала коллегия из 12 управляющих¹⁰. В XIV—XV вв. коллегиальное управление существовало и в Шрусбери, где во главе магистрата стояли двое бейлифов. Должность мэра появляется в Шрусбери только в 1638 г.¹¹

Отдельно заметим, что в рассматриваемый период понятие «муниципальный служащий» не означало основного профессионального занятия данного лица. Эти служащие были полноправными членами общины (фримены), избираемыми на административные должности на определенный срок. Профессиональную деятельность на период нахождения у власти чиновники не прерывали. За свою «службу» они получали вознаграждение. Это могла быть как фиксированная денежная сумма, так и рента с городского имущества, часть муниципальных штрафов и др. Сумма и вариант выплат определялись местным законодательством.

Так, в «Анналах Кембриджа» первое упоминание о вознаграждении (fee) мэру и бейлифам встречается в документе 1347 г. (30 шиллингов)¹². В конце XIV в. мэр получал 20 пенсов со штрафа в 6 шиллингов 8 пенсов¹³. В Шрусбери в XV в. «заработная плата» бейлифа составляла 100 шиллингов¹⁴.

В 1335 г. мэр Лестера «заработал» 1 марку. Позднее его вознаграждением служила рента с комнат над городскими воротами. Впоследствии денежная сумма и рента выплачивались одновременно. Однако в конце XIV в. было установлено, что вознаграждение мэру Лестера должно составлять 10 фунтов. Из них 2 фунта отводились на торжественный обед по случаю вступления в должность. Другие 2 фунта шли на «заработную плату» сержанта. Один фунт должен был выплачиваться клерку. Если мэр отказывался от обеда, не хотел нанимать сержанта и клерка, то указанные деньги возвращались в городскую казну¹⁵.

Заметим, что, помимо фиксированной платы чиновникам муниципалитета, в документах довольно часто встречаются упоминания о единовременных выплатах должностным лицам города, графства, выполнявшим поручения магистрата или проявившим «особую благосклонность» к поселению. Например, под 1500 г. в «Анналах Кембриджа» мы находим упоминание о выплате 3 шиллингов 4 пенсов Дж. Вуду, коронеру, за поездку в Хантингдон по делам города. В 1432 г. шериф графства Дж. Энсти и помощник шерифа Дж. Клэптон с его клерком за «хорошее отношение к мэру и горожанам» получили 40 и 20 шиллингов соответственно¹⁶.

Отдельно оплачивалась работа членов парламента, избранных от города. Здесь сумма выплат зависела от продолжительности сессии. Например, в 1427 г. представители Кембриджа в парламенте получали по 12 пенсов в день. В 1432 г. плата за 71 день участия в парламентских сессиях для двух горожан составила 7 фунтов 2 шиллинга 12 пенсов¹⁷. В Лестере в конце XIV в. денежное вознаграждение членов парламента варьировалось от 1 шиллинга 3 пенсов до 4 шиллингов в день¹⁸.

В XIV—XV вв. в Англии выборы на высшие должности в местном самоуправлении проходили ежегодно. При этом следует отметить определенную узкокорпоративность муниципально-административного аппарата. Городское законодательство ограничивало число претендентов, желающих занять посты в магистрате. Прежде всего предъявлялись требования к их финансовому благосостоянию, профессиональной принадлежности, нравственному поведению, знаниям и умениям.

Например, в Шрусбери в XV в., чтобы стать бейлифом, нужно было обладать имуществом стоимостью 100 фунтов или иметь годовую ренту в 10 фунтов¹⁹. Отметим, что в исследуемый период нередко были случаи, когда чиновники из своих средств покрывали дефицит муниципального бюджета. Вероятно, поэтому финансовое благосостояние высших должностных лиц города имело большое значение.

Существовали и профессиональные ограничения для претендентов на муниципальные посты. Так, местное законодательство запрещало занимать должности в магистрате лицам, связанным с продажей продуктов — вина, хлеба, мяса, рыбы. Подобные

указания мы находим в Ковентри, Кембридже и Шрусбери²⁰. На наш взгляд, данные запреты были связаны с обязанностями городских властей по сбору акцизов на указанные продукты и контролю над ними.

Безусловно, кандидат на пост в магистрате должен был обладать и определенными профессиональными знаниями, навыками, иметь образование. Прямых указаний на уровень образования средневековых муниципальных служащих в изученных нами источниках не содержится. Однако трудно представить себе казначея, который бы не умел считать и писать, не знал основ налогообложения, местных законов, или клерка, не умеющего писать. Отдельные же должности требовали от чиновников специальных глубоких знаний и навыков, например пост рекордера²¹. Он выполнял обязанности главного городского юриста, участвовал от имени корпорации в различных судебных процессах. Хорошее знание законов королевства и местного законодательства для него было обязательным. Вероятно, поэтому данное лицо занимало указанный пост пожизненно.

В конце срока своего пребывания у власти высшие муниципальные чиновники отчитывались в своей деятельности перед горожанами, членами совета, неся ответственность за принятые решения²².

Деятельность муниципального чиновника имела публичный характер, требовала от него нравственного поведения. Например, в документах манориального суда Ковентри указывалось, что мэр будет лишен своей мантии, если он ведет «недобропорядочную жизнь и неопрятен». В Беверли местное законодательство запрещало мэру посещать трактиры и играть в азартные игры. Чиновники несли ответственность также за поступки своих родственников. В частности, после того как сын члена коллегии управляющих Беверли оказался уличен в краже, его отец В. Лоример вынужден был оставить свой пост²³.

Существовали и определенные правила прохождения чиновничьей лестницы. Обычно высшие должностные лица сменяли друг друга на муниципальных постах. Так, экс-бейлифы занимали пост мэра, и наоборот, казначеями были экс-мэры и бывшие бейлифы. Нередко и сами муниципальные законы прямо предписывали избирать на высшие административные

посты бывших чиновников. Например, в Бристоле и Лондоне пост мэра мог занять только экс-олдермен²⁴. В Кембридже мэр избирался из бывших казначеев или бейлифов²⁵.

Таким образом, число лиц, способных занять пост в местном самоуправлении, было достаточно ограничено. Этому немало способствовали требования местного законодательства к кандидатурам на муниципальный пост. Действительно, наше исследование показало, что в Лестере в XV в. из 109 мэров большая их часть занимали данную должность хотя бы дважды²⁶. В Шрусбери в указанный период одни и те же лица избирались бейлифами по три-пять раз. В Ковентри в XV в. часть членов манориального суда и коллегии выборщиков составляли бывшие шерифы, мэры и казначеи²⁷.

Узкокорпоративный характер местного самоуправления следует объяснить и ограниченным числом лиц, имевших статус полноправного гражданина, способного как избирать, так и быть избранным. Например, по данным Т. В. Мосолкиной, в 1313 г. число налогоплательщиков (фримены) Бристоля составляло всего 631 человек, тогда как население города было около 10 тысяч²⁸. При этом автор указала, что определенная часть фрименов могла быть неучтенной, поскольку налоговая ставка из года в год менялась.

Однако не следует говорить и о полной замкнутости муниципального административного аппарата. Так, в ряде городов существовали ограничения по числу лет нахождения в должности. Например, в начале XVI в. в Беверли занимать пост мэра разрешалось не более трех сроков. Промежуток между пребываниями в указанной должности составлял пять лет²⁹. В Шрусбери вновь занять должность бейлифа можно было только через три года³⁰.

В XIV—XV вв. большинство лиц магистрата были выборными. Механизм избрания определялся местным законодательством и, как правило, являлся многоступенчатым. Так, в Кембридже в XIV в. уходящий мэр и его советник называли 12 выборщиков, которые определяли еще 6 уважаемых горожан. Указанные 18 горожан выбирали 2 бейлифов, 2 олдерменов, 4 советников, 2 казначеев.

Под 1426 г. представлено описание выборов членов Общего совета Кембриджа: действующий мэр называл одного

выборщика, корпорация другого. Затем эти двое указывали 8 уважаемых членов общины, которые называли еще 8 фамилий. Последние представляли еще 8 горожан. Так формировался совет двадцати четырех, или общий совет³¹. В Беверли коллегия управляющих указывала 18 имен своих преемников, из которых корпорация избирала 12³².

Существовала и практика прямого назначения младших должностных лиц города. Например, в середине XIV в. в Шрусбери два сержанта назначались напрямую бейлифами, третьего избирала коллегия выборщиков³³. В Лестере одного стюарда ярмарки и одного казначея называл глава корпорации. В Ковентри мэр самостоятельно назначал глашатая³⁴.

Выводы

Мы видим, что в XIV—XV вв. английские муниципальные служащие представляли собой достаточно замкнутое сообщество. Этому способствовали ограниченность круга лиц, имеющих статус полноправного горожанина, а также требования местного законодательства к кандидатам на муниципальные посты. В частности, среди подобных требований были финансовая состоятельность претендента, его профессиональная принадлежность, нравственное поведение, знания и умения, которые позволяли успешно справляться с чиновничьей работой.

В целом средневековые муниципальные служащие являли собой полноправных горожан, обладающих определенным образованием и несущих ответственность не только за принятые властные решения, но и за свое поведение, поступки близких родственников. Все это, на наш взгляд, позволяет отнести данную категорию муниципальных чиновников к управленческой протоинтеллигенции.

Примечания

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1972. Т. 10. С. 311—315.

² Юркин Н. Г. Управленческая интеллигенция и становление государственной (гражданской) службы в России XVI—XVII вв. // Интеллигенция и мир. 2004. № 1.

³ См., напр.: Гусева М. А. Становление муниципального самоуправления в английских городах в XIV—XV веках: структура и функции:

(на примере светских и церковных городов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. С. 18—19.

- ⁴ См.: *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль в XIV—XV веках: экономика, общественные отношения, социальная психология. Саратов, 1997.
- ⁵ *Чернова Л. П.* Под сенью святого Павла: деловой мир Лондона XIV—XVI вв. М.; СПб., 2016.
- ⁶ См.: *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010. С. 11—28.
- ⁷ *Green A.* Town Life in the Fifteenth Century. London, 1907. Vol. 1—2.
- ⁸ *Tait J.* The Medieval English Borough: Studied on Its Origins and Constitutional History. Manchester, 1936.
- ⁹ *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль... С. 157.
- ¹⁰ Beverly Town Documents / ed. by A. Leach. London, 1900. P. 1—3.
- ¹¹ *Owen H., Brickdale J. B.* A History of Shrewsbury. London, 1825. P. 534.
- ¹² *Cooper Ch. H.* Annals of Cambridge. Cambridge, 1842. Vol. 1. P. 98.
- ¹³ Ibid. P. 184, 255.
- ¹⁴ *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 207.
- ¹⁵ The Records of the Borough of Leicester / ed. by M. Bateson. London, 1899—1908. Vol. 2. P. 192—193, XXXIII.
- ¹⁶ *Cooper Ch.* Op. cit. P. 184, 255.
- ¹⁷ Ibid. P. 178, 184.
- ¹⁸ The Records... P. XXXIII.
- ¹⁹ *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 172.
- ²⁰ *Cooper Ch.* Op. cit. P. 84; *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 207.
- ²¹ The Coventry Leet Book; or Mayor's Register, 1420—1555 / ed. by M. D. Harris. London, 1907—1913. Pt. 1—4. P. 278.
- ²² The Records... Vol. 2. P. 91, 193.
- ²³ Report on the Manuscripts of the Corporation of Beverley / ed. by A. Leach. London, 1907—1913. P. 9, 59; The Coventry Leet Book... P. 278.
- ²⁴ *Мосолкина Т. В.* Традиции самоуправления в городах Англии // Средние века. М., 2000. Вып. 6. С. 188.
- ²⁵ *Cooper Ch.* Op. cit. P. 163.
- ²⁶ The Records... P. 448—449.
- ²⁷ *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 172.
- ²⁸ *Мосолкина Т. В.* Город Бристоль... С. 151—152.
- ²⁹ Report on the Manuscripts... P. 58.
- ³⁰ *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 172.
- ³¹ *Cooper Ch.* Op. cit. P. 96.
- ³² Beverly Town Documents. P. 40, 50.
- ³³ *Owen H., Brickdale J. B.* Op. cit. P. 207.
- ³⁴ The Records... P. 300, 319, 324.

В. А. Евсеев, Я. С. Кучин

ОБРАЗ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ В ЖУРНАЛАХ «ЗРИТЕЛЬ» И «ФРИГОЛЬДЕР»

Введение

Проблемы идентичности и формирования национального самосознания стали особенно актуальны на рубеже XX—XXI вв. Значимыми данные вопросы были и в эпоху раннего Нового времени, когда происходило формирование современных европейских этносов. Утрехтский мир стал важной вехой этого процесса, он утвердил появление новой системы международных отношений, основой которой было соседство отдельных суверенных государств. Новые правила привели к установлению новых границ и взглядов в отношении соседних народов.

К этому моменту вопросы толерантности приобрели значимость в европейском обществе, особенно для образованной его части. Просветительские идеи сыграли в этом крайне важную роль. Это касалось и английского Просвещения, которое первым вышло на авансцену в Европе. Активно обсуждались вопросы религиозной терпимости, появлялись попытки урегулирования поведения политических оппонентов. Вопрос о месте Великобритании на мировой арене и характере культурных связей с иностранцами был не менее актуален. Все ведущие журналисты писали о старом противостоянии с Францией и новых союзах,

---

© Евсеев В. А., Кучин Я. С., 2019

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. yevseyev@mail.ru

Yevseyev Vladimir Aleksandrovich — doctor of historical sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University.

Кучин Яков Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет. kuchinyakov@yandex.ru

Kuchin Yakov Sergeevich — Post-graduate student of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University.

о решении застарелых дипломатических противоречий в Европе и новых успехах в Америке, об устранении древних предрассудков в отношении иноземцев и охране от внешнего посягательства обновленных английских законов. Не стали исключением Джозеф Аддисон и Ричард Стил — известные английские публицисты и просветители начала XVIII в. Их взгляды отразились на страницах созданных ими журналов — знаменитого «Зрителя» (*The Spectator*) и более позднего «Фригольдера» (*The Free-holder*). Оба журнала издавались во время и после окончания Войны за испанское наследство, это событие не могло не отразиться на их содержании.

«Зритель» выходил с марта 1711 г. по декабрь 1712 г.¹, на момент своего закрытия издание насчитывало 636 выпусков. Они выходили практически ежедневно, каждый являл собой небольшой листок, где печаталось эссе. Журнал предоставлял сведения о новых веяниях моды, театральных и литературных новинках, политических событиях или просто содержал рассказы об интересных людях. Однако основную цель своего детища соавторы видели в распространении просвещенности, «выводе ее из чуланов и библиотек, школ и университетов в клубы и асамблеи, в кофейни и за чайные столики»².

«Фригольдер, или Политические эссе» издавался Аддисоном с 23 декабря 1715 г. по 29 июня 1716 г. (всего 55 выпусков). Журнал выходил дважды в неделю, в формате, подобном формату «Зрителя». В отличие от предшественника, это издание было более политизированным. Аддисон здесь ставил отчетливые задачи — восхвалить и защитить существующие конституцию, государственный строй и новую династию, подвергнуть критике антиправительственные движения.

«Зритель» и «Фригольдер» являются крайне содержательными историческими источниками, их общий объем составляет более 1380 листов (по меркам XVIII столетия). В «Зрителе» можно найти сведения практически о любых явлениях жизни Лондона (и не только) той эпохи. По своему содержанию журнал крайне неоднороден: каламбуры чередуются с серьезными размышлениями о религии, рассказы о чудаках — с поучениями по поводу морали и правил хорошего тона, легкие новости — со сложным литературным анализом. «Фригольдер» более целенаправлен и полностью соответствует своему названию. Политика

здесь преобладает над остальными аспектами: Аддисон пишет о поведении всех трех политических сил Британии — вигов, тори и якобитов, размышляет о принципах государственного устройства, о роли монарха и парламента, дает советы о правилах политического поведения (в том числе и женщинам), приводит исторические и актуальные сводки о внешней и внутренней политике Британии. Несомненно, многие сведения из указанных изданий носят недостоверный или умозрительный характер. Это касается как многочисленных историй или писем (якобы подлинных, но практически не поддающихся проверке), которыми наполнен «Зритель», так и потока фактов и измышлений против политических противников вигов, которыми изобилует уже «Фригольдер».

Цель данной статьи — выявление отношения авторов-создателей «Зрителя» и «Фригольдера» к различным народам Европы. Для этого мы ставим следующие задачи: рассмотрение образа Франции как главного оппонента Соединенного Королевства, анализ образов его значимых «врагов» (на примерах Испании и Шотландии); характеристика представителей союзных и нейтральных по отношению к Британии стран. Разная направленность выбранных журналов в некоторой степени поможет нам: политически ангажированное видение действительности во «Фригольдере» значительно дополняет более обобщенную картину просветительского «Зрителя».

Обзор историографии следует начать с биографических работ, посвященных жизни Аддисона и Стила. Наиболее значимым жизнеописанием Аддисона считается труд П. Смитерса «Жизнь Джозефа Аддисона»³. Эта книга в первую очередь освещает биографию публициста, основные вехи его творчества. Содержание журнала «Зритель» рассмотрено кратко, в виде обзорного анализа его основных тематических направлений. Деятельность Стила подробно описана Ч. А. Найтом в его труде «Политическая биография Ричарда Стила»⁴. В данном исследовании публицист рассматривается как сторонник вигов, анализируются основные вехи его политической деятельности, дается характеристика связей журналиста с основными событиями начала века. «Зрителю» отведена целая глава, где Ч. А. Найт анализирует заданную в этом издании «политику отстраненности» по отношению к противостоянию партий.

В подобном формате написаны работы Д. Ньюмана⁵ и К. Мейерса⁶. Работа Д. Ньюмана является вводной статьей к сборнику трудов по изучению «Зрителя». Она включает в себя подробный экскурс в историю создания журнала и анализ его отдельных тематических составляющих. В книге К. Мейерса фигурам Стила и Аддисона уделена лишь половина объема. Автор раскрывает просветительскую деятельность этих личностей, обозначает их вклад в распространение идей Просвещения в английском обществе.

Как значимый литературный источник «Зритель» изучается филологами. Он упоминается в большинстве крупных изданий по развитию культуры Англии, ему посвящают и отдельные труды. Примером является сочинение З. Тернера «Анализ стиля Аддисона и Стила в изданиях “Зрителя”»⁷. В работе рассматриваются особенности стиля авторов, детали художественной выразительности их текстов, связь подходов издателей с подходами иных периодических изданий того времени. Главное достоинство работы — подробный анализ личностей двух основных авторов «Зрителя».

В связи с огромной содержательностью «Зрителя» и «Фригольдера» этим изданиям посвящено множество тематических статей. В них изучаются вопросы политики, социальной жизни, гендерных отношений и др. Собранием подобных трудов является уже упоминавшийся сборник статей «“Зритель”: новые дискуссии»⁸. В книге поднимается тема литературного наследия «Зрителя», изучаются образы женщины, ребенка, нации. Наиболее интересной работой сборника представляется статья Б. Кэрри «Сообщения о диких народах: “Зритель” и Америка»⁹. Ее автор тщательно анализирует те эссе Стила и Аддисона, где они упоминают о коренных жителях Америки. Б. Кэрри раскрывает суть и значение подобных упоминаний, указывает на связь мыслей публицистов с идеями Просвещения и колониальной пропагандой в английской прессе конца XVII столетия.

В отечественной историографии «Зритель» и «Фригольдер» рассматривались нечасто. Первую попытку в начале XX в. осуществил В. Ф. Лазурский, коснувшись нравственных проблем, поднятых в журнале «Зритель»¹⁰. Работа носит обзорный характер, внимание уделяется лишь общим вопросам. В советское

время вышел труд В. Д. Рака «Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стила и литературная полемика их времени»¹¹. Автор делает достаточно содержательные обзоры «Зрителя», говорит об особенностях и темах изданий, отмечает важное значение «Зрителя» как одного из ключевых распространителей идей Просвещения в английском обществе XVIII в.

Изучением отдельных аспектов в публицистике Аддисона и Стила занимается известная отечественная исследовательница Т. Л. Лабутина. В своих последних публикациях она, в частности, рассматривает вопросы женского воспитания и межпартийных отношений¹². Среди работ общего характера следует отметить и труд видного ярославского англоведа А. Б. Соколова «Политическая борьба в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке»¹³. О воззрениях Аддисона и Стила здесь говорится вскользь; публицисты обозначены как сторонники идеологи партии вигов. Интересной работой представляется вводная статья И. О. Шайтанова к сборнику «Англия в памфлете»¹⁴. Она посвящена развитию памфлетной культуры. «Зритель» и «Фригольдер» здесь являются лишь элементами единого глобального процесса памфлетного бума в Англии начала XVIII в. Можно констатировать, что заявленная нами тема пока не нашла должного отражения не только в англоязычной историографии, но и в отечественной.

Образ Франции

Среди важнейших задач своих журналов Аддисон и Стил ставили воспитание патриотизма и распространение просвещенности. Первая предполагала внушение англичанам чувства единства и стремления к общей цели. Идея просветительства отражала желание авторов научить своих сограждан правильно жить — быть остроумными и следовать морали («Зритель»), владеть искусством политической деятельности («Фригольдер»). Образ иностранца имел большое значение в осуществлении обеих задач. Постараемся кратко прояснить эти аспекты.

Будучи публицистическими журналами, издававшимися в реалиях общеевропейской войны, «Зритель» и «Фригольдер» во многих выпусках пропагандировали идею патриотизма. Авторы часто указывали на достоинства английского народа, отмечали

храбрость и находчивость своих соотечественников, превозносили силу «английского гения во многих искусствах»¹⁵. Во «Фригольдере» Аддисон, в частности, пишет: «Англичане обладают более чистой религией, чем религия любой другой нации под небесами, и превосходнейшей формой правления»¹⁶. Подобные лестные высказывания в адрес английской нации были ответом на патриотические запросы читателей, сильно возросшие по итогам революции и последующих за ней общеевропейских конфликтов.

Просветительская же риторика авторов во многом основана на использовании большого количества отсылок и примеров, цель которых — исправление недостатков английского общества либо же внушение читателям новых прогрессивных идей. Нередко в роли объекта размышлений выступали иностранцы и их обычаи, подаваемые в различных интерпретациях и с разными оценочными суждениями. Отдельные отсылки носят обобщенный характер, они апеллируют к чужеземцам как таковым. Например, рассуждая о полезности всякого труда, Стил желал, чтобы соотечественники брали пример с тех «мудрых народов, каждый представитель которых умеет выполнять какую-либо ручную работу»¹⁷.

Куда более интересны упоминания публицистов об отдельных народах, а точнее, сочетание в рисуемых образах патриотических, просветительских и иных аспектов авторских воззрений.

У каждой страны имеются непосредственные соседи, значительно влияющие на ход развития ее общества. Для Англии таким соседом стала Франция, контакты с которой в течение всего Средневековья и раннего Нового времени во многом сформировали отношение жителей Британии к чужеземцам. Влияние Франции начинается уже с нормандского завоевания и создания державы Плантагенетов. Преобладание в то время французов при английском дворе негативно отразилось на восприятии их англосаксонским населением. В эпоху Столетней войны начался обратный процесс — английское вторжение на территорию Франции. Именно события последнего этапа этой войны, когда англичане потерпели поражение, в значительной степени повлияли на создание негативного образа французов в английском королевстве. Этот сюжет, в частности, отражен в произведениях Шекспира¹⁸. Дальнейшие события XVI—

XVII вв. — Реформация, Контрреформация, Английская революция, Реставрация (которая опять поставила внешнюю политику английских монархов в зависимость от французской короны) — обострили отношения англичан с народами Европы, особенно с французами. Рубеж XVII—XVIII вв. знаменовал собой очередное усиление противоречий между противниками, его апогеем стала Война за испанское наследство.

Совершенно неудивительно, что журналы Аддисона и Стила постоянно транслировали образ враждебной Франции, могучей соперницы и хитрого противника. Основополагающим элементом данного противостояния являлась угроза захвата власти Претендентом¹⁹, поддерживаемым французским правительством. Прекрасно понимая, что эта поддержка вовсе не бескорыстная попытка помощи, Аддисон записал следующее: «В прошлые века политика Франции была постоянно направлена на то, чтобы разжигать и лелеять междоусобицы и раздоры на острове Великобритания, дабы мы могли стать жертвой в их руках»²⁰. Аддисон парировал нападки Якова III на личность короля Георга I²¹, указывая читателям, что они исходят не от самого Претендента, а его покровителя — короля Франции. Журналист пугал аудиторию предположениями, что Претендент принесет с собой несправедливости французской тирании. И тогда станут реальностью и рабство, и несправедливость, и страшная французская валютная система, посредством которой власть одним лишь эдиктом сможет лишать англичан годами собираемого имущества²². Избежать же этого просто: следует поддерживать существующее правительство и династию.

Абсолютистская держава являла собой идеальную мишень для критики тирании и государственного произвола, и журналисты не преминули этим воспользоваться. Аддисон и Стил старательно иллюстрировали, как хороша и справедлива английская постреволюционная конституция и насколько она лучше «мерзкой неволи» и «пассивного подчинения», царящих во «многих соседних странах»²³. Основой осуждения стала фигура самого короля Людовика XIV. Стил указывал, что неправильное воспитание сделало Людовика одержимым стремлением к «тщетной славе», оно толкало короля на «несправедливые завоевательные войны, полные убийств и насилия»²⁴. Акцентировалось внимание

и на вреде, наносимом королем собственной державе. Стил описывал состояние французского общества, изменившееся в результате амбиций Людовика, следующим образом: «Демонстрация богатства, тщеславие свиты, позор бедности и уход от скромности были всеобщими правилами жизни: благородная любовь женщины стала манерностью всего пола, а дружба между мужчинами превратилась в коммерческий интерес»²⁵. Напоминали авторы и об иных преступлениях короля Франции: многочисленных заключениях и наказаниях подданных²⁶, гонениях на протестантское меньшинство²⁷, безжалостной экономической и налоговой политике. Последний аспект особо интересовал Аддисона. Разоблачению манипуляций с финансами во Франции он посвятил значительную часть 18-го выпуска «Фригольдера»²⁸. Подобные вредные порядки у французов авторы обозначали как общеевропейскую проблему: «...лжесвидетельство принца и общее извращение нравов являлись лувушками, в которые Франция захватила всех своих соседей»²⁹.

Публицисты вовсе не были рады заимствованию извращенных французских нравов и привычек английским населением; в их интерпретации это показывалось как намеренное влияние на умы доверчивых британцев. «Старая английская простота и искренность в значительной степени утрачены нами: то был результат длительного процесса, дабы внедрить в нас иноземные манеры и моды и привести к рабскому подражанию одному из лучших наших соседей в каких-то из худших его качеств», — указывал Стил³⁰. Аддисона, как большого знатока литературного искусства, остро волновала проблема засилья французских слов в английской речи. В частности, это касается газетных сводок о ходе Войны за испанское наследство: «Когда мы вершим дела, о коих можно сказать по-английски, почему газеты наши так туманны и мы заимствуем слова у французов, дабы сообщить об их поражении? <...> Из-за темных речений и трудных слов, коими кишат газеты, военачальники наши утрачивают добрую часть славы, народ — добрую часть радости»³¹.

Сюда можно причислить и замечания авторов о французской моде. Большинство из них носили нейтральный или шуточный характер³². Однако есть фрагмент текста, из которого становится ясно, что авторы относились к модным французским

веяниям серьезнее, чем они обычно показывали публике. Имеется в виду выдуманное письмо от некоей леди, в гипертрофированной форме переживающей из-за отсутствия новостей о французских новинках вследствие военного барьера между странами. «Вы не можете себе представить, сколь забавным я нахожу тот факт, что все мы были сбиты с толку во время войны, и в какой мере французское платье превосходит наше», — сообщает героиня авторам и читателям³³. Посредством этого невинного фрагмента авторы высмеивали аудиторию, показывая, что нелепая погоня за заграничной модой мешает многим людям увидеть иные, более важные явления. Например, саму войну и ее реальные последствия.

Британкам авторы советовали не подражать манерам француженок, ссылаясь на распущенность и излишнюю фривольность последних: «Ничто не подвергает женщину большей опасности, чем легкость и ветреность нрава. Разумная и достойная его [женского пола] представительница должна неустанно следить за собою, дабы не впасть в сии пороки, — писал Аддисон. — Во Франции же и поведению, и речи стремятся придать особую развязность, или, по их [французов] выражению, прелестную причудливость, намного превышающую то, что допускают вкус и добродетель»³⁴.

Соавторы не могли проигнорировать и положительные явления французской культуры времен правления «короля-солнца». Они отмечали подъем культуры и науки, особенно восхищаясь прогрессом в книгопечатании и искусством театра³⁵. Но и здесь просветители видели руку тиранической власти, подкупившей «людей высших способностей», чтобы те поддерживали «резню в остальном мире»³⁶.

В изданиях встречались и лишенные политического или воспитательного пафоса тексты, противопоставляющие людей двух нации. Например, рассказ, в котором храбрый английский капитан выходит победителем из противостояния в стойкости с истязавшим его жестоким французским офицером³⁷; или мысль о том, что имя английского фригольдера значит много больше имени французского маркиза³⁸. Цель подобных вставок — польстить гордости аудитории, вызвав у нее сиюминутный наплыв

интереса, смешанный с патриотическим пылом (чисто публицистический прием).

Журналы представляют нам еще один, более обобщенный образ — народа Франции. Примечательно, что в рассуждениях о людях и власти страны авторы порою разделяли эти два понятия. Аддисон, говоря о значительных свободах французских дам, связывал это не с «формой правления», а с «естественной доблестью народа»³⁹. Похожие замечания об упадке Франции в результате правления ее последних королей также намекали на мысль, что ранее французская нация обладала большей доблестью; ее жителей испортили пороки и гнет абсолютизма.

Французы, по мнению авторов, живой, открытый, легкий и общительный народ, обладающий к тому же изрядной долей веселости и легкомыслия⁴⁰. Многие из этих характеристик противопоставлялись скромности и молчаливости самих англичан с целью показать несхожесть двух народов. Так, Аддисон, рассказывая о своем опыте общения с французами, шутил: «Какое-то время я разговаривал с группой французов. И обнаружил, что мою скромность сильно облегчает открытый нрав этой нации, ибо та столь общительна, что ее представители считают, что наилучшая компания это та, где все говорят разом»⁴¹.

Замечания об указанных чертах французов почти всегда нейтральны, пока речь не заходила об их высокомерии в отношении соседних стран, которое Аддисон причислял к одним из главных недостатков данной нации. Размышлению об этом он посвятил весь 30-й выпуск «Фригольдера». «Конечно, в этом государстве есть много выдающихся людей, которые отличаются как здравым смыслом, так и знанием во всех искусствах и науках (несмотря на видимый распад обучения и вкуса, появившийся у них в последние годы). Но... в целом народ очень отстаёт от тех, кто граничит с ними, в силе и ясности понимания. Вовсе не удивительно наблюдать наиболее недалекую нацию Европы наиболее тщеславной, как и находить наиболее пустых обывателей в каждой отдельном народе более тщеславными и придиричивыми, чем остальные их соплеменники. <...> Те из французов, кто путешествуют по чужим территориям, склонны считать каждую вещь настолько варварской, сколь она

отлична от того, что они находят дома», — писал Аддисон, раскрывая природу французского высокомерия⁴².

Следует заметить, что данная характеристика французов выглядит довольно обезличенным суждением. Подкрепляет это ощущение тот факт, что порок предубеждения Стил осуждал еще в 432-м выпуске «Зрителя». Только порицал он тогда собственных соотечественников. «К нашему стыду, — писал журналист, — имеет место то, что простые наши люди и большинство тех, кто еще не путешествовали, испытывают иррациональное презрение к языку, одежде, обычаям или даже уму иных народов»⁴³. Отсюда следует, что у авторов порицание тщеславия — проблема скорее личностная, а не национальная. Однако, не стоит упускать из виду и того, что порицание порока французской нации выглядит значительно грубее осуждения того же недостатка у англичан. Это не удивляет: англичан публицисты учили, наставляли, французы же служили наглядным отрицательным примером для первых.

Образ враждебных стран

Все ранее Новое время Испания была одним из главных врагов Англии, так как являлась неодолимой преградой к богатствам Америки. Однако в конце XVI столетия Испания проиграла войну, уступив могуществу новых морских торговых держав. Именно такой — сломленной и ослабшей — страна предстает в записях авторов. Комментируя в 41-м выпуске «Фригольдера» улучшения условий испано-британских торговых соглашений, Аддисон не выказывал особых эмоций. Он деловито излагал подробности изменений, восхвалял заслуги короля Георга I, в его словах отсутствовали оценки или предубеждения⁴⁴. Когда-то бывшая могучей держава перестала представлять угрозу, и автору было неинтересно освещать ее нынешнее положение.

Однако публицисты писали об Испании прошлой, являвшейся для них очередным примером тиранического государства. Вспоминали они о религиозном фанатизме испанской нации, о жестоком и несправедливом отношении испанской короны к своим подданным, о глупой помпезности и нелепости двора (правда, в этом случае давался пример Португалии)⁴⁵. Свообразной «вишенкой на торте» являлся фрагмент

из 31-го выпуска «Фригольдера», отсылающий ко времени правления Филиппа II, а именно к его расправе над восставшей Каталонией. Аддисон, не жалея чернил, описывал муки людей под властью деспотов: «...сколь ужасно было опустошение для храброго, но несчастного народа! Все королевство без каких-либо различий со многими тысячами ни в чем не повинных жителей было лишено всякой независимости и обращено в государство рабов. ...Все защитники прежних свобод были либо обезглавлены, либо заключены в темницы, либо осуждены на казнь в рудниках Америки»⁴⁶. «Господи, благодарим Тебя, что имеется у нас король, который наказывает с неохотой и не любит подобных жестокостей», — следует после данного отрывка восклицание Аддисона⁴⁷. Автор опять напоминает, сколь справедлив новоявленный монарх Британии и сколь важно для англичан быть ему преданными, чтобы не потерять приобретенных ранее свобод.

Непосредственно образ народа Испании подробно не обрисован. «Важность в поведении и торжественность в речи» — единственные характеристики этих людей как нации⁴⁸. Упоминалось также несколько испанских традиций, видимо уже тогда ставших общеевропейскими. К таким упоминаниям можно отнести шутовское замечание об обычае похищения невест или же краткую вставку о незавидных судьбах «грозных старух-дуэний»⁴⁹.

К списку враждебных Англии народов (с позиции автора «Фригольдера») можно смело добавить соседей англичан по Британскому архипелагу, в первую очередь шотландцев. Способствовало этому не только историческое противостояние англичан и их соседей, но и конкретное событие — крупное якобитское восстание на территории Шотландии в 1715 г. По данной причине образ шотландца у Аддисона соотносился с образом мятежника⁵⁰. Автор презрительно именовал северных соседей горцами, призывая соотечественников не допускать недооценки угрозы. «Если такое свирепое и хищное множество людей, как то, что сейчас находится в Высокогорье, — писал публицист, — хлынет в нашу страну, которая так хорошо населена, устроена и возвращена, будет ли их поход отличаться от опустошения?»⁵¹ В самом первом выпуске «Фригольдера» Аддисон заявлял, что усилиями короля мятеж был подавлен и парламент уже издал новый указ, сулящий шотландцам наделы за верность новой

династии⁵². В образе Шотландии отразилось переходное состояние этой территории: большинству она еще виделась чужой, враждебной землей, но говорить о ней уже требовалось как о едином целом с Англией.

Ирландцы же во «Фригольдере» почти не упоминались, все отрывки, связанные с ними, посвящались критике Папства (одним из центров которого Ирландия являлась издревле)⁵³.

«Зритель» может похвастаться лишь краткой характеристикой отдельных качеств народов Британии. «Качество наглости проявляет себя иначе у разных народов, — рассказывал Стил. — Наглость англичанина угрюма и дерзка; у шотландца она невыносима и хищна; у ирландца нелепа и недоброжелательна; дерзкий англичанин ведет себя подобно угрюмому землевладельцу, шотландец словно дурной гость, а ирландец как незнакомец, знающий, что ему не рады. В наглости южного или северного британца редко бывает что-либо занятое; но в ирландце подобное всегда комично»⁵⁴. Автор с юмором описал пороки народов, в которых легко угадываются их основные типаж: угрюмые землевладельцы, свирепые воины и нелепые, подозрительные чужаки.

Образы союзных и нейтральных государств

Голландии посвящено совсем немного текста, но даже такого количества достаточно, чтобы увидеть оценку авторов. Несмотря на длительные военные и торговые противоречия между Голландией и Англией, мы наблюдаем уважительное отношение к данной стране. Оно предопределено тремя факторами: 1) на момент выхода «Зрителя» и «Фригольдера» Голландия была союзницей Соединенного Королевства; 2) первый после Славной революции английский король — Вильгельм III был голландского происхождения, 3) торговая и промышленно развитая держава была близка к идеальному государству, с точки зрения Аддисона. Он восхищался архитектурным мастерством, наблюдаемым в голландских строениях⁵⁵, и отрицал справедливость общепринятого мнения о недалекости голландцев, примечая такие их черты, как сдержанность, осторожность, деловитость и умение экономить, качества, часто воспеваемые в «Зрителе»⁵⁶.

Германия показана неоднозначно, а ее образ является великолепным примером корректировки Аддисоном своих ранних воззрений под влиянием политической конъюнктуры. Немногочисленные упоминания о немцах в «Зрителе» достаточно типичны; образ Германии обрисован не в положительных тонах. Говоря об языке немцев, Аддисон пишет: «...грубоватая германская шутка лучше звучит по-немецки, нежели на более изящном языке»⁵⁷. К упоминанию немецкой грубости в описании немецкого художника добавляется и такое качество, как глупость: «По левую руку от Тщеславия (художника-француза. — *В. Е.*) стоял трудолюбивый рабочий, в котором я обнаружил скромного поклонника и повторителя первого. Он был одет как немец и имел крайне тяжкое имя, звучавшее как Глупость»⁵⁸. Здесь мы имеем неоднозначный образ: с одной стороны, автор отмечает трудолюбие и скромность германцев, с другой — отчетливо видно пренебрежение Аддисона к Германии и ее культуре, на что указывает незавуалированный ярлык глупости. Конечно, данное описание может относиться исключительно к изобразительному искусству немцев, но даже в этом случае указанная характеристика остается довольно негативной и легкомысленной оценкой автора.

Во «Фригольдере» отношение к немцам резко изменилось. С первых же выпусков Аддисон уважительно отзывался о Германии (вернее, об одном лишь герцогстве — Ганновере). Автор искал общие связи между Британией и Ганновером, пытаясь внушить аудитории мысль о схожести их жителей. Это осуществлялось как часть пропаганды, направленной на создание имиджа Георга I, справедливого и близкого англичанам правителя. К примеру, в одном из текстов, характеризующих короля, публицист отмечает, что власть в Ганновере крайне близка основам права Великобритании: «Склонность его к справедливости привела к тому, что он управлял своими немецкими подданными таким же образом, как наша Конституция велит ему управлять англичанами»⁵⁹.

В некоторых текстах Аддисон и вовсе отождествляет Ганновер с Англией. Ярче всего это видно в показательном «ответе» журналиста Претенденту. «Но смилуйтесь, как же так получается, что население Ганновера внезапно стало населением

одной из самых незначительных провинций империи? — восклицал журналист. — <...> Вы пытались испугать нас его [Герорга] приездом, представляя его могущественным иностранным принцем, которого поддерживает многочисленная армия подданных. Пусть будет так, как будет: мы не боимся стать провинцией для Ганновера»⁶⁰.

Перемены в изображении Германии в журналах имели куда большее значение, чем субъективные высказывания Аддисона; по сути дела, это отражение самой истории, непрерывного движения исторического процесса. Еще в 1714 г. для общества Англии немцы были далеким, чуждым и малоинтересным народом (несмотря на уже существующий Акт о престолонаследии). Но проходит около двух лет, умирает королева Анна, ее место занимает новый король родом из немецких земель, происходит личная уния с Ганновером — и все меняется: возникает союз двух народов, власть, общественность и пресса отстаивают новые (нередко противоречивые) концепции взаимоотношений с бывшими чужаками.

Упоминания об Италии в «Зрителе» в основном связаны с сильным культурным влиянием данной страны на Европу (имевшим место еще в Античности и получившим новый толчок в эпоху Возрождения). Авторы, постоянно обращавшиеся к классическим римским мыслителям и поэтам, не могли не заметить остатки латинского наследия в некоторых элементах итальянской культуры. Рассуждая об европейском искусстве живописи, Стил замечал высокое понимание итальянскими мастерами истории и превосходное ее воплощение в созданных ими картинах, чему, по мнению журналиста, значительно способствует «постоянное наслаждение итальянцев античными статуями и барельефами»⁶¹. Аддисон же, когда сокрушался об отсутствии у соотечественников ораторского дара, замечал, что англичанину не дано понять выступающего с амвона итальянского священника или особенностей фигур людей, изображенных на картинах эпохи Возрождения. Автор был вынужден признать, что в искусстве публичного выступления жители Апеннин много ближе к своим великим предкам, чем самые искусные англичане. «Насколько холодна и мертва фигура оратора

в британском баре в сравнении с этими великими людьми!» — восклицал публицист⁶².

Увлечение античным наследием и почитание гениальных представителей Ренессанса нисколько не мешали журналистам критиковать их потомков. Аддисон, искушенный знаток театра, беспощадно громил произведения итальянских драматургов, крайне популярных в Европе того времени. «Лучшие писатели среди современных итальянцев выражают себя в такой развратной форме слов и столь утомительных фразах, используемых в нашей стране исключительно педантами, — писал Аддисон, — в то же время они заполняют свои сочинения столь плохими образами и мыслями, от коих простудились бы и наши юноши, всего два года пробывшие в университете. Некоторые, возможно, склонны считать, что именно различие гениев порождает подобное отличие в произведениях двух народов; чтобы показать, что это не так, мы рассмотрим сочинения древних итальянцев, таких как Цицерон и Вергилий, и обнаружим, что английские писатели манерой мышления и самовыражения гораздо больше напоминают данных авторов, чем пытающиеся им соответствовать современные итальянцы»⁶³. Здесь мы видим убежденность публициста в полном превосходстве английского театра над итальянским; между строк читается мысль, что поток безвкусных пьес из Италии вреден и бесполезен, он лишь мешает развитию театра Британии, являющегося одним из истинных наследников театральных традиций Античности.

Италия появляется и в политической риторике публицистов. В первую очередь это касается религиозного вопроса, критики образа Папы и католической церкви в целом. Интересным моментом является толкование Аддисоном устройства Венеции в 52-м выпуске «Фригольдера». «Венецианское содружество, — писал публицист, — существующее на протяжении 14 столетий, постоянно следит за действиями своих граждан; и если кто-либо из них осмелится осудить установленный порядок этой республики или посягнуть на одну из ее основ, то он предстанет перед государственным секретным советом, будет самым строгим образом осужден и без пощады предан смерти»⁶⁴. Аддисон считал подобную практику «необходимой и крайне разумной»⁶⁵, напоминая читателям, что свободы и благополучие нации всегда зиждятся на строгом исполнении закона.

Характеризуя итальянцев, авторы выделяли такие черты, как религиозность, любовь к музыке, подчеркивали мелодичность их языка⁶⁶. Кроме того, отмечалась поразительная вежливость итальянцев (скорее всего, явно гипертрофированная). Это показано в высказываниях жившей в Италии актрисы английского происхождения, крайне удивленной вежливым вниманием итальянской театральной публики. «Здесь нет неистовых острых умов, которые осмеливаются тревожить аудиторию и разрушают спокойную умиротворенность», — сообщает героиня об обстановке во время итальянских представлений⁶⁷. Данный отрывок являлся явным укором в сторону завсегдатаев театров Лондона, чье бестактное поведение было одним из культурных явлений Британии послереволюционной эпохи.

Любопытен образ Швеции (а точнее, функция, приписанная автором этой стране). Несмотря на то что северное королевство во второй половине XVII в. являлось одним из гегемонов Европы, публицисты ничего о нем не рассказывали. Исключение составляет 43-й выпуск «Фригольдера», где Аддисон прибег к недавней истории Швеции с одной лишь целью — привести яркий пример очевидной «политической максимы, гласящей, что нация не может быть счастлива, когда народ реформатской религии управляется королем-папистом»⁶⁸. Автор дал сжатую сводку событий, зеркально повторяющую английскую историю Реставрации: воцарение католического короля Сигизмунда, недовольство им народа и дальнейшее изгнание, а также смена династии в пользу верных протестантизму потомков великого короля Густава⁶⁹. Примечательно, что в словах Аддисона отсутствует какая-либо оценка шведов. Мы имеем исключительно сухую презентацию факта, взятого из опыта мировой политики; упоминание Швеции появилось лишь потому, что данный факт имел место именно в реалиях этой страны.

Последней значимой нацией, чей образ авторы рисовали в своих изданиях, была Россия. Вернее, они создали образ ее прославленного правителя — Петра I. Стил дал подробную характеристику этой личности, противопоставив ее Людовику XIV. Для него (мало что знавшего о России и ее власти) Петр — гений, человек, вытацивших полудикую Московию из «гнусного невежества и грубого существования»⁷⁰ к свету европейской

цивилизации, к прогрессу и процветанию. Стила, видимо, возмущало, когда Россию называли варварской. «Должны ли именовать низменные искусства француза вежливыми, а честные русские труды варварскими? Нет. Варварство — это невежество истинной чести. Несправедливый принц — невежественный и варварский, хороший принц — всегда известный и славный»⁷¹.

Заключение

Одной из основных идей изданий Аддисона и Стила была идея великой Великобритании, сильной нации, активно участвующей в торговой и культурной жизни Европы. Авторы никогда не пропагандировали политику отчуждения Англии, желанную для отдельных консерваторов; наоборот, они всячески выступали за контакты с чужеземцами. Во «Фригольдере» Аддисон указывал, что расширение связей с миром поможет англичанам «стать более доброжелательными и открытыми, это изгонит из людей последние остатки “древнего варварства”»⁷².

Однако авторы вовсе не лелеяли идею равенства и дружбы народов Европы. Деление соседей на условные категории основано на личных воззрениях публицистов как сторонников политики вигов и на национальной памяти англичан о былых взаимодействиях. Определенное влияние на их эссе оказывал и установившийся в Европе после Войны за испанское наследство баланс сил. В результате мы получаем несколько образов европейских народов, различных как по своему значению, так и по статусу.

Важными для раскрытия задумок авторов являлись образы врагов Англии — Франции, Испании, профранцузского Претендента и его сторонников. Именно через угрозу политического и культурного вмешательства Франции читатель «обучается» правильно определять политические приоритеты; авторы показывают ему, что есть справедливое правление новой власти и сколь порочна власть французских тиранов. На основе критики пороков французского общества идет и воспитание нравственное. Иногда ненавязчиво, а иногда прямо публицисты внедряют идеи о хорошем вкусе и добрых манерах, чистоте английского языка и верности лучшим британским качествам.

Образы союзных и нейтральных стран носили не столь всеобъемлющий характер. Голландия изображена как государство,

схожее с Британией, где у людей преобладают лучшие качества, присущие торговцам и иным предприимчивым людям. Германия представлена как страна, играющая значительную роль в легитимации нового короля, публицистам требовалось показать ее как союзницу и партнера. Образ Италии в основном привязан к традициям Античности; а громко заявившей о себе России отводится место противовеса Франции. Об остальных европейских государствах говорится лишь вскользь (обычно в контексте су- хих событийных справок).

Конечно, «Зритель» и «Фригольдер» полны субъективных суждений, не всегда лицеприятных и уважительных. Но Аддисона и Стила сложно назвать слепыми хулителями всего иностранного. В отношении к европейским народам они придерживались просветительской идеи условного равенства цивилизованных стран мира. Вместе с тем на страницах своих журналов они выступали не только как просветители. Создатели изданий были публицистами и пропагандистами, отстаивающими в первую очередь интересы Британии, а значит, и ее правящей элиты. В соответствии с изменяющейся политической обстановкой они могли корректировать направленность своих текстов. Наиболее ярко это проявилось, когда на английский престол взошли представители ганноверской династии: немцы сразу стали им ближе всех. Это был запрос правящей элиты, а издате- ли «Зрителя» и «Фригольдера» отразили ее интересы. Подобное поведение представителей различного рода СМИ мы можем наблюдать и сейчас. Этот факт говорит об актуальности вопро- сов, рассматриваемых в данной статье.

Примечания

¹ В конце 1712 г. «Зритель» был официально закрыт, однако Аддисон (уже без Стила) возобновил его издание в 1714 г., которое продол- жалось совсем недолго: последний выпуск «Зрителя» вышел 20 декабря 1714 г.

² Addison J. The Spectator, no. 12, 14 March 1711 // Addison J., Steele R. The Spectator. Cincinnati, 1856. P. 50. URL: https://books.google.ru/books?id=XPkyAQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата об- ращения: 27.08.2019).

³ Smithers P. The Life of Joseph Addison. Oxford, 1954.

- ⁴ *Knight Ch. A.* A Political Biography of Richard Steele. Routledge, 2009.
- ⁵ *Newman D. J.* Introduction // «The Spectator»: Emerging Discourses. Delaware, 2005.
- ⁶ *Meyers C.* Advisors of the Age of Reason: the Periodical Essays of Steele, Addison, Johnson, and Goldsmith. Illinois, 1962.
- ⁷ *Turner Z. I.* An Analysis of the Styles of Addison and Steele in the «Spectator» Papers. Atlanta, 1949.
- ⁸ «The Spectator»...
- ⁹ *Carry B.* Accounts of Savage Nations: «The Spectator» and the Americas // Ibid.
- ¹⁰ *Лазурский В. Ф.* Сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона: из истории английской журналистики XVIII века. Одесса, 1916. Т. 2.
- ¹¹ *Рак В. Д.* Сатирико-нравоучительные журналы Аддисона и Стиля и литературная полемика их времени. Л., 1967.
- ¹² *Лабутина Т. Л.* Политические партии Англии в оценках ранних просветителей // Журнал региональной истории. 2017. Т. 1, № 2.
- ¹³ *Соколов А. Б.* Политическая борьба в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995.
- ¹⁴ *Шайтанов И. О.* «Столетье безумно и мудро...» // Англия в памфлете: английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987.
- ¹⁵ *Addison J.* The Spectator, no. 367, 1 May 1712 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 453—454.
- ¹⁶ *Addison J.* The Free-holder, no. 4, 6 January 1716 // Addison J. The Free-holder. Glasgow, 1752. P. 25—26. URL: <https://books.google.ru/books?id=9LUuAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=4&f=false> (дата обращения: 27.08.19).
- ¹⁷ *Steele R.* The Spectator, no. 43, 19 April 1711 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 84.
- ¹⁸ См.: *Евсеев В. А.* Образы соседних народов в изображении литературных героев Шекспира // Национальный социальный характер: архетипы идей и современное наследие: материалы Всероссийской научной конференции. М., 2010. С. 309.
- ¹⁹ Старым Претендентом именовали Якова III, сына короля Якова II, лишённого права наследовать престол после выхода Акта о престолонаследии 1701 г.
- ²⁰ *Addison J.* The Free-holder, no. 28, 26 March 1716 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 129.
- ²¹ *Addison J.* The Free-holder, no. 9, 20 January 1716 // Ibid. P. 47.
- ²² *Addison J.* The Free-holder, no. 18, 20 February 1716 // Ibid. P. 90—91.
- ²³ *Аддисон Дж.* Фригольдер, вып. 1, 23 декабря 1715 // Англия в памфлете... С. 411.

- ²⁴ *Steele R.* The Spectator, no. 139, 9 August 1711 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 188.
- ²⁵ *Ibid.* P. 188—189.
- ²⁶ *Addison J.* The Free-holder, no. 16, 13 February 1716 // *Ibid.* P. 82.
- ²⁷ *Steele R.* The Spectator, no. 180, 26 September 1711 // *Ibid.* P. 286.
- ²⁸ *Addison J.* The Free-holder, no. 18, 20 February 1716 // *Ibid.* P. 88—92.
- ²⁹ *Steele R.* The Spectator, no. 139, 9 August 1711 // *Ibid.* P. 189.
- ³⁰ *Steele R.* The Spectator, no. 103, 28 June 1711 // *Ibid.* P. 151.
- ³¹ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 165, 8 сентября 1711 // Англия в памфлете... С. 166—167.
- ³² *Steele R.* The Spectator, no. 104, 29 June 1712 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 152; *Idem.* The Spectator, no. 478, 8 September 1712 // *Ibid.* P. 570—571.
- ³³ *Budgell E.* The Spectator, no. 277, 17 January // *Ibid.* P. 341—342.
- ³⁴ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 45, 21 апреля 1711 // Англия в памфлете... С. 129.
- ³⁵ *Addison J.* The Spectator, no. 44, 20 April 1711 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 86; *Idem.* The Spectator, no. 367, 1 May 1712 // *Ibid.* P. 453—454.
- ³⁶ *Steele R.* The Spectator, no. 139, 9 August 1711 // *Ibid.* P. 189.
- ³⁷ *Steele R.* The Spectator, no. 350, 11 April 1712 // *Ibid.* P. 434.
- ³⁸ *Аддисон Дж.* Фригольдер, вып. 1, 23 декабря 1715 // Англия в памфлете... С. 410.
- ³⁹ *Addison J.* The Free-holder, no. 4, 2 January 1716 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 23.
- ⁴⁰ *Addison J.* The Spectator, no. 435, 18 July 1712 // *Ibid.* P. 524; *Idem.* The Spectator, no. 599, 14 September 1714 // *Ibid.* P. 699; *Steele R.* The Spectator, no. 104, 29 June 1712 // *Ibid.* P. 152; *Budgell E.* The Spectator, no. 341, 1 April 1712 // *Ibid.* P. 422; *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 135, 4 августа 1711 // Англия в памфлете... С. 158.
- ⁴¹ *Addison J.* The Spectator, no. 556, 18 June 1714 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 657.
- ⁴² *Addison J.* The Free-holder, no. 30, 2 April 1716 // *Ibid.* P. 135—136.
- ⁴³ *Steele R.* The Spectator, no. 432, 16 July 1712 // *Ibid.* P. 520—521.
- ⁴⁴ *Addison J.* The Free-holder, no. 41, 11 May 1716 // *Ibid.* P. 193—198.
- ⁴⁵ *Steele R.* The Spectator, no. 180, 26 September 1711 // *Ibid.* P. 236; *Idem.* The Spectator, no. 394, 2 June 1712 // *Ibid.* P. 480—481; *Idem.* The Spectator, no. 497, 30 September 1712 // *Ibid.* P. 591.
- ⁴⁶ *Addison J.* The Free-holder, no. 31, 6 April 1716 // *Ibid.* P. 152—153.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 153.
- ⁴⁸ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 135, 4 августа 1711 // Англия в памфлете... С. 158.
- ⁴⁹ *Addison J.* The Free-holder, no. 4, 2 January 1716 // Addison J., Steele R. Op. cit. P. 24; *Steele R.* The Spectator, no. 326, 14 March 1712 // *Ibid.* P. 402.

- ⁵⁰ *Addison J.* The Free-holder, no. 25, 23 March 1716 // Ibid. P. 115.
- ⁵¹ *Addison J.* The Free-holder, no. 12, 30 January 1716 // Ibid. P. 67.
- ⁵² *Аддисон Дж.* Фригольдер, вып. 1, 23 декабря 1715 // Англия в памфлете... С. 411.
- ⁵³ *Addison J.* The Free-holder, no. 12, 30 January 1716 // *Addison J., Steele R.* Op. cit. P. 66; *Idem.* The Free-holder, no. 15, 10 February 1716 // Ibid. P. 78.
- ⁵⁴ *Steele R.* The Spectator, no. 20, 24 March 1711 // Ibid. P. 59.
- ⁵⁵ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 26, 30 марта 1711 // Англия в памфлете... С. 123.
- ⁵⁶ *Addison J.* The Free-holder, no. 7, 13 January 1716 // *Addison J., Steele R.* Op. cit. P. 38.
- ⁵⁷ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 135, 4 августа 1711 // Англия в памфлете... С. 158.
- ⁵⁸ *Addison J.* The Spectator, no. 83, 5 June 1711 // *Addison J., Steele R.* Op. cit. P. 103.
- ⁵⁹ *Addison J.* The Free-holder, no. 2, 26 December 1715 // Ibid. P. 13.
- ⁶⁰ *Addison J.* The Free-holder, no. 9, 20 January 1716 // Ibid. P. 50—51.
- ⁶¹ *Steele R.* The Spectator, no. 555, 6 December 1712 // Ibid. P. 656.
- ⁶² *Addison J.* The Spectator, no. 407, 17 June 1712 // Ibid. P. 493.
- ⁶³ *Addison J.* The Spectator, no. 5, 6 March 1711 // Ibid. P. 43.
- ⁶⁴ *Addison J.* The Free-holder, no. 52, 18 June 1716 // Ibid. P. 238.
- ⁶⁵ Ibid. P. 237.
- ⁶⁶ *Аддисон Дж.* Зритель, вып. 135, 4 августа 1711 // Англия в памфлете... С. 158.
- ⁶⁷ *Steele R.* The Spectator, no. 443, 29 July 1712 // *Addison J., Steele R.* Op. cit. P. 531—532.
- ⁶⁸ *Addison J.* The Free-holder, no. 43, 18 May 1716 // Ibid. P. 205.
- ⁶⁹ Ibid. P. 204—205.
- ⁷⁰ *Steele R.* The Spectator, no. 139, 9 August 1711 // Ibid. P. 189.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² *Addison J.* The Free-holder, no. 42, 14 May 1716 // Ibid. P. 200.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. В. Кислицын

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИДЕОЛОГИИ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ США

Вводные замечания

Современная внешняя политика США имеет множество противоречий. Они вызваны как переменами, происходящими в мире, так и внутренними проблемами, проявившимися с новой силой в период работы администрации Дональда Трампа.

В области международных отношений многие представители вашингтонского истеблишмента сохраняют идеологическую тягу к воссозданию однополярного момента рубежа XX—XXI вв., ситуативного военно-политического лидерства Вашингтона, возникшего после окончания холодной войны. В условиях трансформации системы международных отношений, появления новых центров силы эта задача становится для США всё более трудной. При отсутствии принципиально новых стратегических подходов и концептуального переосмысления идеи своего лидерства Вашингтон вынужден обращаться к старым методам в новых условиях. Односторонние действия администрации Трампа

© Кислицын С. В., 2019

Кислицын Сергей Владимирович — научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук. skislitsyn@imemo.ru

Kislitsyn Sergey Vladimirovich — Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences.

и элементы протекционизма в его торговой политике (например, введение пошлин на импорт стали и алюминия) вызывают неоднозначное отношение в правящих кругах. В этой связи говорить о системной трансформации американской внешней политики не приходится. Представители вашингтонского истеблишмента, в том числе и республиканцы, более склонны к принятию для Америки охранительных функций и роли «мирового полицейского».

В свою очередь, внутривнутриполитические противоречия обуславливают общественную и партийную поляризацию Америки, что отражается и на неприятии внешнеполитических подходов друг друга как республиканцами, так и демократами. Несмотря на то, что сторонники обеих партий заявляют о необходимости сохранения американского глобального лидерства, их подходы к его осуществлению различны. Демократы предпочитают принципы коллективной безопасности, работу в рамках международных организаций и широкое применение экономических инструментов. Республиканцы же уделяют большее внимание вопросам геополитики и «жесткой» силы. Нынешнее идеологическое неприятие друг друга обеими правящими партиями может привести к стратегической непоследовательности во внешней политике США.

Внутри Республиканской партии можно выделить два основных внешнеполитических течения, оказывающих влияние на ее истеблишмент. Во-первых, это политический реализм, являющийся классической парадигмой для американской внешней политики. Его сторонники полагают, что государство следует своему национальному интересу и стремится принимать рациональные решения. Признавая значимость военной силы, они не исключают эффективность дипломатии, признают полезность международных организаций. Вторым влиятельным течением среди республиканцев является неоконсерватизм. Его сторонники исходят из идеи анархичности международных отношений и неэффективности международного права и международных организаций. С их точки зрения, ключевым инструментом во внешней политике государства должна являться военная сила. Кроме того, аналогично «либеральным ястребам» из Демократической партии неоконсерваторы склонны связывать внешнюю политику государства с типом правящего режима. Так, они видят демократии более миролюбивыми и склонными к ведению переговоров

в отличие от автократий, предпочитающих язык силы. Совмещая две эти парадигмы — реализм и неоконсерватизм — республиканцы выстраивают и свои внешнеполитические подходы, которые, в свою очередь, проецируются и на трансатлантическое пространство, традиционно рассматриваемое Соединенными Штатами как основа либерально-демократического порядка и американоцентричного мироустройства. Активизация внешней политики России и конфликт на востоке Украины, готовящийся выход Великобритании из состава Европейского союза, продолжающийся миграционный кризис и проблемы развития американо-европейского диалога, в первую очередь по линии НАТО, подталкивают США к наращиванию своего присутствия в Старом Свете.

1. Европа в восприятии республиканского истеблишмента

Большинство республиканцев, равно как и демократы, традиционно выражают свою приверженность к идее трансатлантического сотрудничества, в первую очередь, в военно-политической сфере. Однако их идеологическое восприятие европейских союзников далеко не однозначно. Во многом оно связано с той умеренной позицией, которую добровольно занимают европейские правительства, что идет вразрез с американскими глобальными амбициями. Исходя из этого республиканцы зачастую воспринимают Европу как своеобразный тормоз в идее укрепления и развития так называемого «либерального миропорядка». Наиболее радикальными в этом вопросе являются неоконсерваторы. Они даже стали идеологами своеобразной «еврофобии» как ответа на неприятие большинством стран ЕС начала войны в Ираке в 2003 г. Наиболее полно эта идея была выражена неоконсервативным идеологом Р. Кейганом, призывавшим «перестать делать вид, что европейцы и американцы имеют общие взгляды на мир или даже живут в одном и том же мире»¹. Его аргументация сводилась к тому, что после двух мировых войн европейцы стали опасаться возникновения новых вооруженных конфликтов. Не имея возможности противостоять советской угрозе, они добровольно оказались под защитой Соединенных Штатов, а предоставленная Вашингтоном «ядерная гарантия» лишила Европу

стимулов к сохранению и повышению собственного военного потенциала. В результате европейцы оказались в искусственно созданном «постисторическом рае». Отныне их отличает неприятие силы, которую они преодолевают «в самодостаточном мире законов и правил, международных переговоров и сотрудничества»². Как следствие, Соединенным Штатам приходится брать на себя инициативу по разрешению возникающих международных кризисов и сохранению сложившегося после Второй мировой войны миропорядка³. В схожем, пусть и несколько менее радикальном ключе рассуждают и многие другие представители Республиканской партии, критикуя Европу за ее изрядный пацифизм и недостаточность военных расходов.

Но одновременно с этим республиканцы опасаются и гипотетического роста внешнеполитической самостоятельности Европейского союза. Еще с 1990-х гг. они обеспокоены вероятностью создания единых вооруженных сил ЕС. Препятствование этому сценарию является важнейшей задачей, в первую очередь, путем увеличения значимости НАТО. Являясь основным институтом в сфере трансатлантической безопасности, Североатлантический альянс позволяет США влиять на европейские дела и запирает союзников в своих рамках. Его дальнейшее развитие и включение в его состав новых членов создает на трансатлантическом пространстве «стабильность через окончательность»⁴.

2. Современные европейские проблемы глазами республиканцев

Взгляды сторонников Республиканской партии на будущее Европы не отличаются оптимизмом. Как с сожалением замечает публицист Джеймс Кирчик, ее проблемы достигли «переломного момента» и в скором времени может наступить «конец Европы, которую мы знали в течение последних семидесяти лет: место мира, стабильности, процветания, сотрудничества, демократии и социальной гармонии»⁵.

Среди вызовов, стоящих перед Европейским союзом, республиканский истеблишмент в первую очередь выделяет «российскую угрозу». Она заключается в «реваншистском» стремлении Москвы к перестройке системы безопасности, существующей

на континенте с начала 1990-х гг. Для этого ею предпринимаются попытки вмешательства во внутреннюю политику западных государств⁶. Другие проблемы, такие как национализм, политические разногласия или неспособность к ассимиляции иммигрантов, не представляются столь критическими. Скорее, они искусственно усиливаются Москвой, использующей их для достижения своих целей.

При этом если российское влияние расценивается как угроза для демократии и развития западного мира, то действия Соединенных Штатов представляются единственно правильными. Республиканцы, и в первую очередь неоконсерваторы, убеждены, что не может быть никакого сравнения между «брутальностью» российского правительства и внешней политикой Вашингтона. Если Россия «намеренно использует гражданских лиц как объекты для террористических атак», то американские военные стремятся к сокращению количества жертв среди мирного населения. Россия же, по их мнению, поддерживает антизападные и антидемократические силы в Европе, устанавливает связи с правыми националистическими партиями и стремится к распространению своей модели «коррупцированного олигархического правления»⁷.

Но сложности, по мнению республиканских идеологов, создают и сами европейцы. В первую очередь здесь стоит отметить Великобританию и Германию. Обе страны определяют повестку в сфере региональной безопасности, и обе по-своему подрывают стабильность Европы и создают некоторый набор проблем для осуществления американского лидерства. Первая дестабилизирует ситуацию своим выходом из Европейского союза, вторая же не готова противостоять российской угрозе ввиду пацифизма, приобретенного после поражения во Второй мировой войне.

Выходя из ЕС, Великобритания подвергает себя неопределенным рискам в области экономики и безопасности. В случае начала экономической рецессии, вероятность которой после Брекзита исключать нельзя, Лондон может оказаться слабым и ненадежным союзником, замкнутым на себе и менее заинтересованным в партнерстве с Вашингтоном. Однако выходя из ЕС, Великобритания остается в НАТО, а ее вооруженные силы по-прежнему сохраняют способность к проведению военных операций как в рамках блока, так и в составе иных коалиций. В этой связи

необходимо способствовать тому, чтобы она заняла более активную позицию в деятельности Альянса, что может нейтрализовать негативные последствия Брекзита в сфере безопасности⁸. Таким образом, в случае привлечения Лондона по линии НАТО его выход из ЕС не несет в себе негативных последствий⁹.

Однако возникают значительные политические последствия. В первую очередь, снижается способность Европы противостоять российской угрозе, в то время как тактика Москвы по наращиванию своего влияния многогранна. Она сочетает в себе не только военное давление, но и активную пропагандистскую деятельность, стремление воздействовать на Европу за счет поставок энергоресурсов. Соответственно, ее действия требуют более сложного ответа, нежели просто наращивание военного присутствия. Как отмечают республиканские идеологи, для успешного противостояния России Европейскому союзу необходимо политическое единство. Здесь Великобритания выполняла важную функцию, внося свою инициативу в области безопасности и способствуя принятию общих решений. Своим выходом она лишает ЕС возможности выступать единым фронтом¹⁰. К тому же, в отличие от прочих европейских государств, Соединенное Королевство придерживается «американского» представления о силе¹¹, то есть оно готово к проведению жесткой внешней политики. Республиканцы, и в первую очередь неоконсерваторы, опасаются, что оставшиеся лидеры Европейского союза, Германия и Франция, окажутся неспособны к противостоянию российской угрозе и могут, например, снять санкции с Москвы вне зависимости от ее политики на Украине. Таким образом, Россия остается единственной стороной, которая выигрывает от выхода Великобритании из состава Европейского союза¹².

После Брекзита основным инициатором в сфере безопасности остается Германия. Несмотря на то, что она, как отмечает историк Макс Бут, находится в «кандалах пацифизма и изоляционизма»¹³, всё же существует некоторая надежда на то, что Берлин ужесточит свои внешнеполитические подходы, по крайней мере, по отношению к России. В то же время республиканский истеблишмент в целом спокойно воспринимает некоторое видимое охлаждение американо-германских отношений. Оно, в частности, проявилось во взаимном неприятии Дональда Трампа и Ангелы

Меркель. Если американский президент (и это в духе Республиканской партии) критиковал союзников и, в частности, Германию за недостаточность военных расходов¹⁴, то канцлер Германии заявила, что европейцам стоит «взять свою судьбу в собственные руки» и более не рассчитывать на американскую поддержку¹⁵. Несмотря на эти взаимные упреки, двустороннее сотрудничество в области безопасности имеет весьма устойчивый, исторически обусловленный характер. И оно сохраняется вне зависимости от того, кто находится у власти. К тому же современные американо-германские отношения переживали и более трудные времена. Например, во время начала войны в Ираке в 2003 г., против которой выступала Германия, канцлер Герхард Шредер выражал антиамериканские позиции в ходе своей избирательной кампании 2002 г.¹⁶

В целом же представители Республиканской партии не склонны рассматривать Европейский союз как сильную политическую единицу, тем более после выхода Великобритании из его состава. Но важно отметить, что и сам по себе ЕС не видится им организацией, играющей важную роль для американского лидерства на трансатлантическом пространстве. Как отмечает советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон, Соединенным Штатам нужна *сильная Европа*. Но это далеко не то же самое, что *сильный Европейский союз*¹⁷.

3. Военная сила как основа американского лидерства и региональной стабильности

Основным инструментом для поддержания американского присутствия в Европе республиканцы традиционно видят НАТО. Для них обстановка внутри этого блока и взаимоотношения между его членами являются более важными, нежели проблемы ЕС. Несмотря на периодическую критику в адрес союзников по Альянсу, его внутренние отношения имеют первостепенную значимость. Отмечается, что с момента образования в 1949 г. Организация североатлантического договора «сделала значительно больше для продвижения демократии, мира и безопасности в Европе, нежели любая другая международная организация, включая Европейский союз»¹⁸.

Ситуация в области безопасности, складывающаяся в Европе в последние годы и, в частности, в связи с конфликтом на востоке Украины, вселяет определенную надежду на сохранение важности и актуальности НАТО. Москва продолжает развивать и наращивать свой военный потенциал, работает над концепцией по ограничению и воспреещению доступа и маневра (A2/AD) на своих западных границах и вызывает беспокойство у прибалтийских государств. В этой ситуации, как отмечают республиканские «ястребы», защита Европы требует повышенного внимания со стороны вашингтонского руководства и выделения дополнительных средств на оборонные нужды¹⁹. Предполагается вернуться к «традиционным» определениям региональной безопасности: северо-балтийский фланг и особая роль Калининграда, центральный фронт в Польше и Белоруссии, южный фланг в Румынии, Турции и Черном море. Указывается и необходимость увеличения американского вооруженного контингента в Европе. Как отмечают представители неоконсервативных кругов, американское военное присутствие в Европе является лишь «тенью» от того, что было раньше. Сейчас личный состав насчитывает около 65 тыс. человек против 340 тыс. в конце 1980-х гг. и 118 тыс. во время терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке²⁰.

Большинство представителей Республиканской партии традиционно поддерживает принцип «открытых дверей» для стран, желающих вступить в НАТО. При этом отмечается, что ни одна третья сторона не должна иметь права вето на принятие в Альянс новых членов. Наиболее радикальные представители республиканского истеблишмента даже предлагают включить в состав НАТО Грузию и Украину, как только они начнут удовлетворять самым минимальным требованиям. Например, неоконсерваторы высказывались за принятие этих двух бывших советских республик в ряды военного блока еще в 1990-е гг. Позже они отмечали, что если бы это действительно произошло, то конфликтов в Грузии в 2008 г. и на Украине в 2014 г. удалось бы избежать. Теперь же в рамках кризиса на Донбассе неоконсерваторы выступают за поставки летального оружия и призывают признать тщетность дипломатических попыток урегулирования этого конфликта²¹. Кроме того, они отмечают необходимость активизации сотрудничества со странами, раздумывающими о возможности своего

участия в НАТО, такими как Швеция и Финляндия²². Однако общереспубликанская позиция по этому вопросу выглядит несколько умереннее. Так, республиканский фонд «Наследие» предлагает следовать реалистичным ожиданиям относительно украинского членства в НАТО. Считая эту задачу неосуществимой в среднесрочной перспективе, предлагается ограничиться углублением двустороннего сотрудничества. В то же время в отношении Грузии прогнозы чуть более оптимистичны. Отмечается возможность ее принятия в состав Альянса при условии успешной реализации поставленных перед ней условий²³.

Одновременно с идеей дальнейшего расширения НАТО происходит и переосмысление задач этой организации. Ранее Вашингтон стремился использовать силы Альянса для решения своих задач вне Европы, пример тому — военные операции в Афганистане и Ливии. Теперь же предполагается вернуться к базовым задачам обеспечения европейской региональной безопасности. Наиболее же подходящим для решения внеевропейских задач представляется создание коалиций «доброй воли», в которые могут входить страны-члены НАТО, но не сама Организация как военно-политический институт. Это должно сгладить существующие противоречия и одновременно побудить европейских союзников отказаться от идеи создания вооруженных сил ЕС.

Выводы

В своих внешнеполитических подходах Республиканская партия США по-прежнему поддерживает идею американского глобального лидерства, что выступает одним из определяющих элементов в ее стратегическом планировании. В то же время инструменты, к которым предлагают обращаться республиканцы, в большинстве своем заимствованы из периода холодной войны. Несмотря на некоторые изменения в их стратегическом видении — в частности, уже озвучен отказ от стратегии смены режимов и последующей демократизации силовым путем (*nation building*) — основным методом по-прежнему остается военная сила и вариации ее использования. И этот акцент делается вне зависимости от того или иного течения, доминирующего внутри партии.

Сохранение трансатлантического лидерства США, безусловно, является важнейшей задачей. Основным инструментом для реализации этой цели в долгосрочной перспективе остается НАТО и попытки побуждения союзников к большей кооперации в рамках этого военного блока. Требуя повышения их военных расходов, на практике партийный истеблишмент готов закрыть глаза на отсутствие таких подвижек. К тому же нельзя не исключать, что называя Москву единственной стороной, получающей выгоды от выхода Великобритании из ЕС, Вашингтон также имеет некоторые «плюсы». В случае если удастся увеличить участие Лондона в деятельности НАТО, то Брекзит будет способствовать активизации его внешней политики. В то же время отношения с самим Европейским союзом при наличии Североатлантического альянса играют второстепенную роль. В свою очередь, идея о возврате НАТО к прежней задаче — обеспечению региональной безопасности — должна способствовать росту доверия среди союзников к Вашингтону и гипотетически удержать их от создания собственных вооруженных сил, дублирующих структуры Альянса.

Сохраняя НАТО как основной метод обеспечения трансатлантической безопасности, Вашингтон не имеет серьезных противников для своего лидерства. Однако такая позиция требует постоянного подтверждения. В этой связи ухудшение российско-американских отношений и активизация внешней политики Москвы играют «на руку» Соединенным Штатам. Называя Россию «ревизионистской» силой, действующей по правилам XIX в. в отношении находящихся в «постисторическом рае» европейцев, республиканцы пытаются представить США в роли защитника либерально-демократического Запада. Отсюда, по всей видимости, проистекает и нынешняя гибкость их критики в адрес союзников, что идет вразрез с жесткими заявлениями начала XXI в.

Таким образом, с точки зрения Республиканской партии, НАТО было и остается основой американского трансатлантического лидерства. События в Европе должны способствовать сохранению его значимости по крайней мере в среднесрочной перспективе. А отдельные разногласия с союзниками, и в первую очередь с Германией, видятся как временные проблемы, которые не должны оказать действительного влияния на дальнейшее сотрудничество.

Примечания

- ¹ *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. New York, 2006. P. 3.
- ² Ibid.
- ³ *Kirchick J.* The end of Europe's dangerous delusion: the continent is paying a painful price for its arrogance and naivete about supposed immunity from Islamist terrorism // *New York Daily News*. 2016. March 23. URL: <http://www.nydailynews.com/opinion/james-kirchick-europe-dangerous-delusion-article-1.2573893> (дата обращения: 04.06.2019).
- ⁴ *Kristol W.* Why NATO enlargement is in America's strategic interest // Project for the New American Century. 1997. October 8. URL: <https://web.archive.org/web/20130609160436/http://www.newamericancentury.org/nato-19971008.htm> (дата обращения: 04.06.2019).
- ⁵ *Kirchick J.* The End of Europe: Dictators, Demagogues and the Coming Dark Age. New Haven, 2017. P. 1.
- ⁶ *Kirchick J.* Britain will live to regret leaving the E.U.: the European Union is imperfect, but it has worked better than any alternative // *New York Daily News*. 2016. June 24. URL: <http://www.nydailynews.com/opinion/james-kirchick-britain-live-regret-leaving-e-u-article-1.2686841> (дата обращения: 04.06.2019).
- ⁷ *Foreign Policy 2017* // Foreign Policy Initiative. P. 43—44. URL: http://www.foreignpolicyi.org/files/uploads/images/2017-05-24-Foreign%20Policy%202017_0.pdf (дата обращения: 10.06.2019).
- ⁸ *Burt R.* Trump and Europe // *The National Interest*. 2017. № 147. P. 47.
- ⁹ *Foreign Policy 2017*. P. 30.
- ¹⁰ *Rohac D.* The UK's global engagement begins in Europe // American Enterprise Institute. 2016. February 22. URL: <http://www.aei.org/publication/the-uks-global-engagement-begins-in-europe/> (дата обращения: 09.06.2019); FPI Conference Call Wrap-Up: the Brexit Vote // Foreign Policy Initiative. 2016. June 22. URL: <http://foreignpolicyi.org/content/fpi-conference-call-wrap-brexit-vote> (дата обращения: 10.06.2019).
- ¹¹ *Kagan R.* Op. cit. P. 5.
- ¹² *Kirchick J.* Britain will live to regret leaving the E.U.
- ¹³ *Boot M.* Will Trump be the end of the Pax Americana? // *Los Angeles Times*. 2017. January 22. URL: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-boot-trump-reorients-us-foreign-policy-20170122-story.html> (дата обращения: 28.06.2019).

- ¹⁴ *Bennett B.* Trump lashes out at Germany over NATO spending and trade after Merkel questions the U.S. Commitment to its Allies // Los Angeles Times. 2017. May 30. URL: <http://www.latimes.com/politics/washington/la-na-essential-washington-updates-trump-lashes-out-at-germany-over-nato-1496153358-htmlstory.html> (дата обращения: 28.06.2019).
- ¹⁵ *Porter T.* Trump's America is «No friend» says Germany's Angela Merkel ahead of «Thorny» G20 Summit // Newsweek. 2017. July 4. URL: <http://www.newsweek.com/germany-angela-merkel-donald-trump-friends-g20-631516> (дата обращения: 28.06.2019).
- ¹⁶ *Weinthal B.* Bush says Schröder Betrayed him on Iraq // The National Review. 2010. November 17. URL: <http://www.nationalreview.com/corner/253490/bush-says-schr-der-betrayed-him-iraq-benjamin-weinthal> (дата обращения: 30.06.2019).
- ¹⁷ *Bolton J.* Europe's election // Pittsburgh Tribune Review. 2017. May 13. URL: <http://triblive.com/opinion/featuredcommentary/12277158-74/europes-elections> (дата обращения: 30.06.2019).
- ¹⁸ *Kochis D., Coffey L.* Brussels mini-summit: Understanding Key Issues Facing the NATO Alliance // The Heritage Foundation. 2017. May 22. URL: <http://www.heritage.org/global-politics/report/brussels-mini-summit-understanding-key-issues-facing-the-nato-alliance> (дата обращения: 30.06.2019).
- ¹⁹ *Edelman E., McNamara W. M.* U.S. Strategy for maintaining a Europe whole and free // Center for Strategic and Budgetary Assessments. 2017. February 16. URL: <http://csbaonline.org/research/publications/u.s.-strategy-for-maintaining-a-europe-whole-and-free> (дата обращения: 03.07.2019).
- ²⁰ Foreign Policy 2017. P. 29.
- ²¹ *Moore E.* FPI Bulletin: Ukraine's independence under threat // Foreign Policy Initiative. 2016. August 24. URL: <http://foreignpolicyi.org/content/fpi-bulletin-ukraine%E2%80%99s-independence-under-threat> (дата обращения: 03.07.2019).
- ²² Foreign Policy 2017. P. 29.
- ²³ *Kochis D., Coffey L.* Op. cit.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ф. Т. Ахунзянова, игумен Петр (Ерышалов)

ПОИСКИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА» В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ РОССИИ РУБЕЖА XIX—XX ВВ. (На примере образа Сергия Радонежского)

Введение

Немецкий ученый В. Шубарт писал в 1937 г.: «Смена эпох исключает возможность образования твердых национальных характеров»¹. При этом автор подчеркивал, что в отсутствие таких судьба того или иного народа зависит от частных — «ландшафтных» — «национальных свойств», которые находятся в процессе постоянного колебания. «Несходство же их [“национальных свойств”], — резюмирует философ, — вызывает среди людей мучительные судороги и конфликты»².

Россия каждую смену эпох проходила и продолжает проходить через «мучительные судороги и конфликты», уж слишком разнятся наши «национальные свойства». И рубеж XIX—XX вв. был в этом аспекте особенно трагичным, нуждающимся, как никогда, в «твердых национальных характерах».

© Ахунзянова Ф. Т., игумен Петр (Ерышалов), 2019

Ахунзянова Фарида Тагировна — кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет. farida.ahunzyano@mail.ru

Akhunzyanova Farida Tagirovna — candidate of cultural studies, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University.

Игумен Петр (Ерышалов) — студент магистратуры, Костромской государственной университет. ot.petr@yandex.ru

Hegumen Peter (Eryshalov) — a Master Degree Student, Kostroma State University.

Авторы статьи ставят перед собой цель — представить основные направления исканий «национального характера» в контексте социокультурной реальности России рубежа XIX—XX вв. По нашему мнению, целый ряд метафизических, духовно-религиозных оснований русской культуры исторически персонифицируется в образе Сергия Радонежского. В условиях напряженных духовных поисков для мыслителей рубежа веков важно было познать не частный фрагмент условной жизни, а реальную, переросшую в жизнь борьбу за восстановление цельности и полноты человеческого существа. В этом смысле история Сергия Радонежского как история человеческой личности, преображенной подвигом и благодатью Святого Духа, становится и воплощением идейного комплекса православия, и реализацией идейно-эстетической концепции обожения, т. е. движения к высшей точке духовного развития.

В связи с вышесказанным в статье ставятся следующие задачи:

- 1) определить исторический и культурфилософский контекст духовных исканий в России рубежа XIX—XX вв.;
- 2) выявить причины и формы обращения мыслителей начала XX в. к опыту духовного становления Сергия Радонежского.

Аналитическая часть

К началу XX в. завершается так называемое Новое время, фундаментальные основы культуры которого — товарное капиталистическое производство, буржуазная демократия, историзм и причинность в трактовке природы. Психологизированная антропоцентрическая картина Вселенной достигает максимального развития и обращается в свою противоположность. Религиозное по происхождению представление о свободе и нравственной ответственности человека находит поддержку только в иллюзиях ренессансного антропоцентризма, осовремененного в логической метафизике романтиков и Гегеля. Общий кризис религиозности (связанный, прежде всего, с успехами цивилизации) приводит к распространению ценностного релятивизма и нигилизма. Тому же способствуют научные открытия, окончательно ниспровергнувшие традиционные предрассудки обыденного сознания о гармонии разумно устроенного мироздания и о дарованной человеку свыше абсолютной свободе воли.

Дарвиновский эволюционизм разрушает представление о богоизбранности человека, а марксизм, в свою очередь, отнимает иллюзию правления идей в обществе, сводя высшие ценности к материальным интересам. Ощущение случайности жизни усиливается с открытием второго закона термодинамики, согласно которому Вселенная неотвратно идет от порядка к хаосу, к тепловой смерти. При этом и космология выясняет, что вся солнечная система лишь малая часть Галактики, и таких галактик — примерно сто миллиардов, но и все они лишь часть более крупных скоплений материи.

Осознание относительности всех ценностей и, прежде всего, осознание того, что конкретное содержание нравственных норм и заповедей никак не связано с самой по себе безусловной необходимостью нравственного долженствования, т. е. христианская этика не синонимична естественной морали — центральный момент кризиса культуры начала XX в. В результате вызванная им волна нравственного релятивизма сильнейшим образом содействует разрушению традиционной эстетики и переживается как трагедия сознания, отразившаяся в афоризме: «Если Бога нет, то всё позволено!».

В подобной атмосфере всеобъемлющих общественно-исторических и духовных изменений со стороны российской общечеловечности возникает острая необходимость говорить о текущем, об отдельном и личном с точки зрения века, мира, бытия вообще. Как отмечает Ф. Т. Ахунзянова, в это время «появляется стремление осмысливать жизненный процесс в свете универсальных начал существования, в числе которых доминирующим становится начало метафизическое, религиозное. Только в религиозном осознании, по мнению мыслителей рубежа веков, возможно прозрение смыслов бытия и полное перерождение мира»³. Апокалиптические настроения, царившие в конце XIX в. в России и приводившие к глубокому разочарованию интеллигенции в русской Церкви, в русской истории, требовали возрождения таких ценностей, образов и знаков, которые были бы способны вновь открыть обретенную бытийственность милости Божией на Русской земле. Происходит настоящее открытие интеллектуальной элитой мира русской святости: мыслители рубежа XIX—XX вв. активно передают свое субъективное восприятие православного опыта. Тема соединения горнего и дольного пропитала

духовную атмосферу времени. В общественном сознании обнаружился сложный и эклектичный рисунок, в котором причудливо переплелись линии удивления, искреннего интереса, художественного осмысления и научного поиска.

Показательна в этом смысле концепция Вл. Соловьева, согласно которой силой, примиряющей и объединяющей человечество, должно стать христианство, причем истинное, а не проповедуемое католической либо православной церковью. Во многом эта часть его концепции сходна с теорией Н. А. Бердяева, который проводил мысль о постепенном превращении «человеческого рода» в «человечество». Огромная роль на пути осознания человечеством своей общности, по мнению Н. А. Бердяева, принадлежит христианству, которое «исторически возникло и раскрылось в... период вселенской встречи всех результатов культурных процессов древнего мира, в период, когда соединились культуры Востока и культуры Запада, в котором соединение культуры эллинской с культурами Востока преломилось в культуре римской. Это объединение древнего мира, этот эллинский синкретизм обусловили образование единого человечества...»⁴

Такое христианство выступает для Вл. Соловьева как новый мир, в котором «уже не должно быть ни восточной, ни западной культуры, а только одно истинное человечество... которое, во-первых, должно жить *само* и, во-вторых, должно жить во что-нибудь высшее, осуществлять вселенское дело Божие»⁵. Таким образом, Вл. Соловьев, размышляя над причинами расхождения культур, в своей теории находит связующее их звено: двигаясь разными путями и к разным целям, и Восток, и Запад достигли одного — потребности в совершенном, истинном Боге и в посреднике между ним и человечеством — Богочеловеке. Человечество придет к торжеству мира и справедливости, правды и добродетели, когда его объединяющим началом станет воплощенный в человеке Бог, переместившийся из центра вечности в центр исторического процесса. Реальным и совершенным воплощением богочеловечества, по Вл. Соловьеву, выступает Иисус Христос, являющийся, согласно христианскому догмату, и полным Богом, и полным человеком. Его образ служит идеалом, к которому должен стремиться каждый индивид.

В. В. Розанов, мало в чем соглашавшийся с Вл. Соловьевым, пишет: «Относительно этой публицистики надо сказать следующее. Не будучи абсолютна по прямой своей теме, она была до некоторой степени абсолютна по своим побочным мотивам, и именно этическим... без всякой примеси церковности и даже религиозности... Вражда всегда есть зло, поэтому надо искать примирения церквей, стремиться к слиянию церквей»⁶. Д. С. Мережковский видел во Вл. Соловьеве «с немymi знаками немого пророка» и замечал: «...согласимся, что если Вл. Соловьев, действительно, — предтеча Новой Церкви, то не тем, что он говорил и жил как мудрец, а тем, что молчал и умер как безумец»⁷. Вяч. Иванов безоговорочно признавал гениальность Вл. Соловьева: «Чрез Соловьева русский народ логически... осознал свое призвание — до потери личной души своей служить началу Церкви вселенской. Когда приблизится чаемое царство, когда забрезжит заря Града Божьего, избранные и верные Града вспомнят о Соловьеве как об одном из своих пророков»⁸.

Возвращаясь к трудам В. Шубарта, отметим, что и его теория коррелирует с вышеизложенными положениями. Он также пишет о необходимости единства народов, культур, цивилизаций. При этом, по его мнению, именно славянские народы — и особенно русский — принадлежат к иоанновскому, messiанскому типу (т. е. следующему идеалам, данным в Евангелии от Иоанна): «В иоаннистическую эпоху центр тяжести еще раз переместится, ибо эон messiанского человека с его религиозной душой не может согласиться с духовным водительством прижатых к земле северных народов. Он передаст его в руки тех, кто обладает стремлением к сверхземному в качестве постоянной черты национального характера, а таковыми являются славяне, в особенности русские. Огромное событие, которое сейчас подготавливается, есть восхождение славянства как ведущей культурной силы. Как бы это неприятно ни звучало для некоторых — такова историческая судьба; ее никто не может остановить: ближайшие столетия принадлежат славянам. Северная культура гибнет, на ее место становится восточная культура. Иоанническая эпоха будет эоном славян»⁹.

Нельзя не согласиться с философом и в том положении, что «...неважно, сколько безбожников в стране; важно, сколько в ней

истинных христиан. И дело не в количестве верующих, а в силе и глубине их веры... Великая, страдальческая жизнь одного такого представителя народа служит для всех оправданием смысла самых кровавых событий»¹⁰. «Мессианский» человек, по Шубарту, чувствует себя «призванным создать на земле высший Божественный порядок... Он хочет восстановить вокруг себя ту гармонию, которую он чувствует в себе... Мессианского человека одухотворяет не жажда власти, но настроения примирения и любви. Он не разделяет, чтобы властвовать, но ищет разобщенное, чтобы его воссоединить»¹¹.

Подобный дискурс о судьбе России рождает среди русской интеллигенции стремление к обретению неких персонифицированных духовных идеалов, нравственным совершенством и истинной православной религиозностью приближавшихся к статусу искомого «мессианского человека». Не случайно взоры ищущих обращаются в сторону православных подвижников, среди которых наиболее значимым является имя игумена Сергия Радонежского, удивительного человека Святой Руси. Так, В. О. Ключевский, размышляя о святом, задавался знаменательным вопросом: «Какой подвиг так освятил это имя! Надобно припомнить время, когда подвизался Преподобный. Он родился, когда вымирали последние старики, увидевшие свет около времени татарского разгрома Русской земли, и когда уже трудно было найти людей, которые этот разгром помнили. Но во всех русских нервах еще до боли живо было впечатление ужаса, произведенного этим всенародным бедствием и постоянно подновлявшегося многократными нашествиями татар. Это было одно из тех народных бедствий, которые приносят не только материальное, но и нравственное разорение, надолго повергая народ в мертвенное оцепенение, беда грозила превратиться во внутренний хронический недуг; панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера, и в истории человечества могла бы прибавиться лишняя темная страница, повествующая о том, как нападение азиатского монгола повело к падению великого европейского народа. Могла ли, однако, прибавиться такая страница? Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения. Как бы ни было тяжело его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои

растерянные нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые и выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу»¹².

Именно за Сергием Радонежским закрепилась слава спасителя России во всех трагических поворотах ее истории. Размышляя о значении преподобного Сергия для русского народа, В. О. Ключевский пишет: «Есть имена... которые уже утратили хронологическое значение, выступили из границ времени, когда жили их носители. Это потому, что дело, сделанное таким человеком, по своему значению так далеко выходило за пределы своего века, своим благотворным действием так глубоко захватило жизнь дальнейших поколений, что с лица, его сделавшего, в сознании этих поколений постепенно спадало все временное и местное, и оно из исторического деятеля превратилось в народную идею, а самое дело его из исторического факта стало практической заповедью, заветом, тем, что мы привыкли называть идеалом»¹³. Имя Сергия, по выражению историка, — это «светлая черта нашего нравственного народного содержания». Ключевский одним из первых показал историческое значение подвижничества Сергия и одновременно охарактеризовал суть нравственного учения основателя Троице-Сергиева монастыря.

Расцвет русской религиозной философии способствовал дальнейшему проникновению в мир Сергиевой духовности. Мыслителями начала XX в., когда крупнейшие преобразовательные события — на грани катастрофических — потрясли Россию времен трех революций и Гражданской войны, преподобный воспринимался как национальный герой, объединивший народ на борьбу с врагом. Опыт святости отца Сергия виделся как особое состояние, при котором в личности духовность человека, его психика и физиология начинают существовать как единое целое, при котором гармония внутреннего мира индивида регистрирует превосхождение временного бытия. В этом смысле показательны работы Г. П. Федотова, который сумел раскрыть органическую связь прославленного духовного учителя с культурной византийской традицией, соединившего последнюю с исконным русским благочестием, Б. Зайцева, подметившего целый ряд новых черт в образе Сергия, Н. О. Лосского, который писал: «Будем всматриваться в такие образы, как лик св. Сергия и св. Серафима, будем

носить их в своем сердце, и если мы хотя в малой степени уподобимся им в наших личных и общественных отношениях, нам суждено будет исцелить все раны революции и начать новую светлую страницу русской истории»¹⁴.

В произведении И. С. Шмелёва «Куликово поле (Рассказ следователя)» (1939—1947) описано мистическое явление образа преподобного Сергия Радонежского в Советской России в 1925 г. Святой ободряет и укрепляет оставшихся там христиан. С героями рассказа происходят мистические события, которые подтверждают идею И. Шмелёва об исторической избранности русского народа. Православный народ, как пишет Шмелёв, не может расстаться с верой в правду «почти физически». При этом образ Сергия Радонежского со всеми теми приметами личности святого, которые, выстраиваясь, соединяясь, дают почти осязаемое представление о русском народном идеале, способствует компенсации общественной неправды внутри человеческой истории, поднимая человека на вертикальные, синергийные векторы нравственного совершенствования и обретения бессмертия (достижение глубинной внутренней упорядоченности).

И. Шмелёв — писатель страстный, ищущий, мятущийся. Но просветляющей, освобождающей радостью проникнуты целые страницы рассказа «Куликово поле»: о радости, переходящей в ликование сердца, говорят герои произведения Оля и следователь; радость звучит и во второй главе — вместе с чувством вины человека, не умевшего ценить красоту и святости России. Ведь именно в них свидетельство возможностей человека, проявленных в творчестве, в служении, в ратном подвиге, в них — залог грядущего освобождения России от «окаянства», возрождения ее, в них — ценности, которые предстают как ответ земного небесному, согласно которым полнота («исполнена земля Русская») земного на Руси связана неразрывно с христианской верой.

Выводы

Таким образом, представители интеллигенции начала XX в. создали целый ряд культурфилософских построений, связанных с решением вопросов о формообразующих началах русского культурно-исторического типа, одним из которых является осмысление

метафизических, духовных оснований русской культуры, в том числе в лице Сергия Радонежского. Жизненный путь преподобного, его деяния и взгляды, весь образ в целом стали свидетельством того, что мессианство — это не «превеликое самомнение и гордыня» (выражение И. А. Ильина), но долгий путь очищения и покаяния, возрождения и нового строительства, ведущий со скромностью и смирением к всенародному воспитанию и культурному обновлению.

Примечания

- ¹ *Шубарт В.* Европа и душа Востока. М., 2000. С. 19.
- ² Там же.
- ³ *Ахунзянова Ф. Т.* Специфика русского религиозного сознания в рефлексии интеллигенции начала XX века // Интеллигенция и мир. 2015. № 2. С. 85.
- ⁴ *Бердяев Н. А.* Смысл истории. М., 1990. С. 93.
- ⁵ *Соловьев В. С.* Великий спор и христианская политика // Собрание сочинений / под ред., с прим. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб., 1914. Т. 4. С. 31.
- ⁶ *Розанов В. В.* Автопортрет Вл. С. Соловьева. Церковные занятия его и его личность // Розанов В. В. Собрание сочинений: в 30 т. М., 2003. Т. 16: Около народной души: (статьи 1906—1908 гг.). С. 393.
- ⁷ *Мережковский Д. С.* Немой пророк // Владимир Соловьев: pro et contra. СПб., 2002. Т. 2. С. 952.
- ⁸ *Иванов Вяч.* О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания // Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель, 1994. С. 60—61.
- ⁹ *Шубарт В.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁰ Там же. С. 172—173.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² *Ключевский В. О.* Значение преподобного Сергия для русского народа и государства: речь на собрании Московской Духовной Академии в память преп. Сергия. URL: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_znachenie_prepodobnogo_sergiya.html (дата обращения: 18.09.2019). Впервые опубликовано в «Богословском вестнике» (1892. Вып. 11).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Лосский Н. О.* Преподобный Сергий Радонежский и Серафим Саровский: (по поводу книги Б. Зайцева и Вл. Ильина) // Путь: орган русской религиозной мысли. 1926. № 2. С. 156.

САМОДЕЯТЕЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЗДНЕМ СССР: КЛУБЫ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ*

Предварительные замечания

В данной публикации вниманию читателей представлен архивный документ, посвященный одному из видов самостоятельных объединений интеллигенции в СССР в 1970—1980-е гг. — клубам любителей фантастики. В мировой практике данный вид организаций получил обозначение фэн-клубов, а его участники назывались фэнами. Но здесь разумно использовать наименование, применявшееся в СССР — клубы любителей фантастики (КЛФ).

Публикуемый документ хранится в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), в той его части, которая прежде была фондом молодежных организаций, созданным на базе Центрального архива ВЛКСМ (ЦА ВЛКСМ)¹. Документ находится в архивном фонде журнала «Техника — молодежи». Он представляет собой восемь страниц машинописи под заголовком «О деятельности клубов любителей фантастики». В верхнем левом углу первой страницы от руки проставлена дата — 18 марта 1983 г. По форме документ являет собой служебную или докладную записку, и в верхнем правом углу первой страницы указано место его адресации — ЦК ВЛКСМ (журнал «Техника — молодежи» выходил под эгидой цен-

---

* © Публикация В. В. Комиссарова, 2019

Комиссаров Владимир Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры общеобразовательных дисциплин, Ивановская государственная сельскохозяйственная академия. cosh-kin@mail.ru

Komissarov Vladimir Vyacheslavovich — doctor of historical sciences, the docent, Professor of Department of General Education Disciplines, Ivanovo State Agricultural Academy.

тральных комсомольских органов). Судя по всему, мы имеем дело не с оригиналом, а с копией или вторым экземпляром. Об этом свидетельствует отсутствие «живого» автографа главного редактора журнала, хотя его должность, фамилия и место для подписи в концовке документа присутствуют.

Обстоятельства происхождения документа

Теперь следует проанализировать обстоятельства появления документа. Еще в 1982 г. журнал «Техника — молодежи» с помощью анкеты начал сбор данных о КЛФ². Всего эта анкета содержала 6 коротких вопросов, которые имеет смысл здесь воспроизвести:

- «1. Название и адрес КЛФ.
2. Количество и социально-возрастной состав членов клуба.
3. Основные направления и формы деятельности.
4. Организационная структура и распорядок работы.
5. Главные трудности, с которыми сталкивается клуб в своей деятельности.
6. Существующие и желательные формы связей с другими клубами и предложения по координации деятельности КЛФ»³.

Результаты анкеты были напечатаны в январском номере журнала «Техника — молодежи» за 1983 г. О них стоит сказать подробнее, ибо архивный документ во многом повторяет журнальную публикацию, которая содержит неполные сведения о 17 клубах⁴. Представленные данные по «социально-возрастному составу» подтверждают, что КЛФ были объединениями, прежде всего, советской интеллигенции⁵. Как утверждали авторы журнала, от 30 до 60 % членов КЛФ составляли учащиеся и студенты, от 25 до 60 % — инженерно-технические работники, служащие и т. н. «творческая интеллигенция». Правда, организаторы опроса не уточняют, какие профессии они относят к последней категории. Конечно, удельный вес различных групп в разных клубах варьировался, и иногда очень серьезно. Например, в КЛФ «Зодиак» из Сенгиля Ульяновской области доля учащихся составляла почти 100 %, в КЛФ «Циолковский» из Минска более 90 % участников относились к ИТР, служащим и творческой интеллигенции⁶.

Впрочем, в отдельных клубах присутствовали и другие социальные группы. Например, доля рабочих колебалась от 10

до 40 %. По возрастной структуре данных еще меньше, авторы «Техники — молодежи» только лишь подчеркивали, что в активе КЛФ преобладает молодежь в возрасте 20—30 лет⁷. Следует заметить, что в архивном документе данные по социально-возрастному составу представлены менее подробно.

Также результаты опроса показывают, что к 1980-м гг. КЛФ «обзавелись» и достаточно сложной структурой. Например, во владивостокском клубе «Комкон-3» насчитывалось 10 структурных подразделений, среди них юношеский филиал, библиографический сектор, сектор спектаклей и даже киностудия, пресс-бюро и сектор внешних связей (!). У многих КЛФ имелись детско-юношеские филиалы, киноклубы, в отдельных случаях — секторы музыки и живописи. Это свидетельствует, что клубы не ограничивались только литературной фантастикой, но обращались ко всему спектру фантастического искусства⁸. Нельзя забывать, что КЛФ привлекали не только книголюбов, но и самодеятельных фантастов, критиков, переводчиков. Проблема любительского творчества становилась в деятельности клубов очень значимой⁹.

Заметное место и в журнальной публикации, и в докладной записке было уделено контактам КЛФ с местной печатью. Многие клубы имели странички фантастики в молодежных газетах. Так, клуб «Зодиак» из Сенгиля сотрудничал с районной газетой «Путь Ленина», волгоградский «Ветер времени» получил трибуну в областной газете «Молодой ленинец» (судя по названию — органе обкома ВЛКСМ), а «Циолковский» из Минска готовил ежемесячный раздел в республиканской газете «Знамя юности». Этот список можно продолжить¹⁰.

Проблема авторства

Официальным автором публикуемого документа является главный редактор журнала «Техника — молодежи» Василий Дмитриевич Захарченко (1915—1999). Это достаточно яркая фигура в истории советской научно-популярной печати, о нем стоит сказать особо. Он руководил журналом без малого 35 лет, став своего рода рекордсменом среди главредов молодежных изданий страны. Когда в 1949 г. В. Д. Захарченко возглавил «Технику — молодежи», она фактически представляла собой «дублера»

журнала «Знание — сила», только в более дешевом оформлении. Но очень скоро под руководством нового редактора «Техника — молодежи» приобрела свой неповторимый облик, заняв место ведущего научно-популярного ежемесячника СССР. Одним из столпов, на который опирался журнал при В. Д. Захарченко, стала научная фантастика. Именно он дал «путевку в жизнь» журнальным вариантам романов И. А. Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час быка». В «Технике — молодежи» публиковались произведения зарубежных фантастов: А. Азимова, Э. Гамильтона, А. Кларка. С 1960-х гг. в журнале стал проводиться конкурс научно-фантастических рассказов, печатались репродукции произведений фантастической живописи.

В. Д. Захарченко был больше, чем главный редактор. Он занимался научной популяризацией, организацией движения изобретателей и рационализаторов. Под эгидой «Техники — молодежи» проводились пробеги самодельных автомобилей. В. Д. Захарченко стоял у истоков телепередачи «Это вы можете» (ЭВМ), которая выходила на первой «кнопке» Центрального телевидения в первой половине 1980-х гг. и рассказывала о «самодельных», «кулибиных» и других «рукастых» изобретателях.

Конечно, как любой руководитель, В. Д. Захарченко не мог быть удобен всем. Например, у него принципиально не сложились отношения с ведущими советскими писателями-фантастами 1960—1980-х гг. братьями А. Н. и Б. Н. Стругацкими. Старший из братьев-писателей Аркадий в своем дневнике определял В. Д. Захарченко как «дурака и демагога» и приклеил ему прозвище «Базиль» по имени лукавого и плутоватого персонажа пьесы Бомарше «Севильский цирюльник» (А. Н. Стругацкий мог быть весьма острым на язык)¹¹.

Поразительно, но именно фантастика положила конец редакторской карьере В. Д. Захарченко в журнале. В 1984 г. в «Технике — молодежи» началась публикация романа А. Кларка «2010: Одиссея-2». Вскоре бдительные товарищи доложили о скрытых антисоветских мотивах в этом романе. Публикацию прекратили, несколько сотрудников редакции получили выговоры по линии ЦК ВЛКСМ, а сам В. Д. Захарченко покинул пост главного редактора.

Однако В. Д. Захарченко подписывал публикуемый документ как должностное лицо, непосредственными исполнителями могли выступить другие люди. Сравнение текста документа и журнальных публикаций, посвященных советскому движению любителей фантастики, показывает, что отдельные фрагменты докладной записки могли принадлежать Александру Николаевичу Осипову. Он первым стал системно заниматься изучением провинциальной фантастики, прежде всего сибирской, о которой подготовил отдельную монографию¹². Также исследователь тщательно изучал книгоиздательскую практику во многих регионах СССР, распространение фантастики среди различных категорий населения. Он первый, кто стал писать не только о литературной и кинофантастике, но и о фантастике в музыкальной культуре, фантастической фотографии, о фантастике в театре и на радио¹³. А. Н. Осипов попытался обосновать такое научное направление, как «фантастоведение». Именно он в ноябрьском номере «Техники — молодежи» за 1981 г. поставил вопрос о необходимости единого центра, координирующего деятельность КЛФ¹⁴, что привело к анкетированию клубов.

Другим соавтором текста записки мог быть Михаил Григорьевич Пухов, писатель-фантаст, в 1980-е гг. редактор отдела научной фантастики «Техники — молодежи». Его перу также принадлежит ряд публикаций о проблемах движения любителей фантастики в СССР и других восточноевропейских странах.

Содержание документа

Хотя в целом докладная записка повторяла журнальную публикацию, она содержала положения, не предназначенные для открытой печати. Прежде всего, речь шла об идеологических функциях КЛФ: «КЛФ по своей структуре являются организациями идеологическими... иначе трудно поручиться за то, что КЛФ всегда будут заниматься только лучшими образцами отечественной и мировой фантастики. Ведь даже в советской (не говоря о мировой) фантастике далеко не всё обстоит благополучно: она насчитывает целый ряд произведений спорных, допускающих двойное толкование; некоторые из них были, как известно, опубликованы только в эмигрантских издательствах Запада»¹⁵. Также

в записке отмечалось противодействие анкетированию со стороны ряда клубов: «Анкета “ТМ” встретила в КЛФ страны далеко не однозначную реакцию: некоторые клубы увидели в интересе журнала ЦК ВЛКСМ к их деятельности некое “посягательство” на их свободу и по существу призвали к бойкотированию анкеты»¹⁶.

В содержательном плане публикуемый документ может пролить свет на три спорных вопроса развития советского движения любителей фантастики. **Во-первых**, в некоторых современных работах утверждается абсолютно неформальный, независимый от властей характер советских КЛФ. Между тем, как явствует из публикуемого документа, многие клубы выступали в местных молодежных изданиях, которые, как правило, патронировались ВЛКСМ, если не являлись печатными органами региональных комсомольских организаций. Уже это обстоятельство опровергает тезис о независимости КЛФ и их фактической конфронтации с властью. **Во-вторых**, предпринимаются попытки преувеличить организационное единство советского фэн-движения. Например, К. В. Ивашников в своей диссертации утверждает, что постоянно действующие и регулярные семинары или фестивали объединяли КЛФ и координировали их деятельность в общесоюзном масштабе¹⁷. Но при наличии такого координирующего центра журнал «Техника — молодежи» не стал бы проводить в 1982 г. анкетирование КЛФ с целью сбора информации. Организационное несовершенство советского фэн-движения заметно даже при сравнении с аналогичными объединениями в других странах марксистского социализма, что отмечается в докладной записке В. Д. Захарченко. **В-третьих**, сам факт наличия данного документа опровергает тезис, что в советское время фантастика бытовала где-то на задворках большой литературы, где не было соответствующего внимания партийно-идеологического руководства, что позволяло фантастам относительно легко обходить цензурные запреты. Объективные данные свидетельствуют, что деятельность интеллигенции в сфере научной фантастики оказалась в поле идеологического контроля самого высокого уровня, вплоть до отделов ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. Более подробно эти вопросы рассматривались в следующих публикациях¹⁸.

Постфактум

Организаторы анкетирования КЛФ и создатели публикуемого документа, без сомнения, исходили из лучших побуждений. Они намеревались привлечь внимание партийно-идеологического руководства к деятельности клубов, повысить их статус, сделать свой журнал организующим ядром всего движения. Но реальность преподнесла им сюрприз. В марте — апреле 1984 г. в редакции журнала разразился скандал, связанный с уже упоминавшейся публикацией романа А. Кларка, в результате которого В. Д. Захарченко лишился должности, а редактор отдела научной фантастики М. Г. Пухов получил строгий выговор по линии ЦК ВЛКСМ. В то же время 19 марта 1984 г. в секретариат ЦК КПСС поступила записка отдела пропаганды «О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики».

Авторы этого документа отмечали: «У руководства некоторых клубов стоят люди, не имеющие ни соответствующих знаний, ни правильной политико-идеологической ориентации. Многие клубы создаются стихийно и действуют бесконтрольно»¹⁹. Более всего партийные органы были обеспокоены стремлением КЛФ к самостоятельности и «к выходу в массы». «Без разрешения органов культуры они [КЛФ] проводят диспуты, тематические вечера и спектакли на фантастические темы в крупных залах, школах, пионерских лагерях, — пишут авторы Записки. — Вообще “выходу в массы”, за пределы клуба уделяется много внимания... Имеет место попытка клубов любителей фантастики уйти из-под контроля органов культуры, профсоюзов и комсомола, вести свою работу без их ведома»²⁰. Эти факты свидетельствовали, что движению КЛФ «стало тесно» в отведенных режимах.

Конечно, нельзя однозначно утверждать, что анкета «Техники — молодежи» и докладная записка В. Д. Захарченко 1983 г. послужили спусковым крючком репрессивной кампании. У отделов ЦК КПСС были и другие источники информации, включая закрытые данные спецслужб. Но нельзя исключить, что журнальное анкетирование клубов также было вызвано желанием политико-идеологического руководства получить более достоверные сведения о движении любителей фантастики в СССР.

Однако официальные власти в лице руководящих органов правящей партии не поняли, что КЛФ стали следствием серьезных общественных процессов: усложнения социальной структуры общества и возникновения неформальных структур. ЦК КПСС пыталось рассматривать проблему КЛФ в рамках привычной парадигмы «разрешить — запретить». Авторы Записки отдела пропаганды ЦК КПСС предлагали меры исключительно репрессивного и контролирующего характера: «Отстранить от руководства клубами людей, идейно незрелых... распустить те клубы любителей фантастики, деятельность которых наносит вред воспитанию молодежи... проводить массовые мероприятия, семинары только под руководством органов культуры и профсоюзов»²¹. А 16 апреля 1984 г. секретариат ЦК КПСС закрытым постановлением одобрил предлагавшиеся репрессивные меры.

Ниже приводится текст самого документа с соответствующими комментариями. Публикация стала возможна благодаря содействию сотрудников Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

18-1
18/III 83 г.

ЦК ВЛКСМ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КЛУБОВ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

В эпоху научно-технической революции, охватившей практически все аспекты современной общественной жизни, важное значение в искусстве начинают приобретать жанры, непосредственно связанные с проблемами научной прогностики и планирования решений научных и социальных проблем.

Особое положение здесь занимает научно-фантастическая литература, которая оказывает огромное влияние на сознание читателей. И это не случайно: именно она способна предсказывать новые научно-технические достижения и осмысливать, что они могут принести человечеству, как они скажутся на жизни и быте людей; именно она показывает читателю перспективы общественного развития, как бы обживает для него будущее исходя из данных науки.

Ныне научную фантастику можно смело назвать одним из наиболее популярных жанров художественной литературы. Практически все издания этого жанра превращаются в библиографические редкости. Не залеживаются на прилавках магазинов и киосков «Союзпечати» периодические издания, публикующие научно-фантастические произведения.

Особой популярностью пользуется научная фантастика у молодого поколения. И роль ее отнюдь не сводится только к «развлекательности». Научная фантастика весьма активно влияет на формирование научного мировоззрения молодежи. Произведения этого жанра послужили толчком к выбору жизненного пути многих талантливых ученых, в том числе таких выдающихся деятелей отечественной науки, как Королев, Курчатов, Глушков, Дубинин, Блохинцев²². Многие советские космонавты, отвечая на анкету «Техники — молодежи», также подчеркивали, что в космос их привело увлечение фантастикой²³.

Таким образом, в системе профориентации молодежи этот жанр литературы играет далеко не последнюю роль.

Советская фантастика обладает огромной силой убеждения, поскольку в лучших своих образцах опирается на логику общественного развития и всегда проникнута духом социального оптимизма. Еще в начале века Плеханов²⁴ отмечал, что Жюль Верн²⁵ воспитал гораздо больше убежденных революционеров, чем все французские социалисты-утописты вместе взятые. В наше время научная фантастика занимает одно из важных мест в идеологической борьбе между двумя антагонистическими мирами, капиталистическим и социалистическим. Те, кто стоит «у руля» массовой культуры на Западе, поспешили воспользоваться популярностью фантастики: в год издаются тысячи наименований книги²⁶ и периодических изданий, выходят десятки фантастических фильмов. В большинстве своем это произведения, полные неверия в разум человека, пророчащие ему в будущем непреодолимые трудности и неизбежную гибель, проповедующие незыблемость волчьих законов капитализма, социального неравенства, бездуховности, жестокости, отчуждения. Подобные образцы буржуазной культуры, выполненные порой на высоком профессиональном уровне, оказывают свое негативное воздействие на сознание подрастающего поколения. И здесь с сожалением приходится

констатировать, что отечественные книгоиздательство и кинематограф пока в явно недостаточной мере откликнулись на запросы советского читателя и зрителя: литературные и кинематографические произведения в жанре фантастики пока еще малочисленны.

Видимо, по этой причине в последние годы в нашей стране начали стихийно организовываться и действовать клубы любителей фантастики (КЛФ). Сейчас их насчитывается несколько десятков; они охватывают тысячи человек. Сам факт появления таких объединений трудно переоценить: в общественной работе по воспитанию художественного вкуса и образа мышления читателей научной фантастики они начинают приобретать едва ли не решающее значение. Такие клубы получают ныне широкое распространение не только в республиканских, краевых и областных центрах, но и в городах районного масштаба (Абакан, Горловка, Загорск, Сэнгилей и др.). КЛФ, судя по результатам анкеты, проведенной журналом «Техника — молодежи», охватывают энтузиастов всех возрастов, но в основном это молодежь в возрасте от двадцати до тридцати лет. Как правило, от 30 до 60 % актива клубов составляют учащиеся и студенты; в некоторых КЛФ велика (до 40 %) доля рабочих²⁷.

Основные задачи, которые ставят перед собой клубы, — это пропаганда коммунистических идей, воспитание марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание человека будущего и развитие творческого воображения на базе научной фантастики. Так, в уставе волгоградского КЛФ «Ветер времени» записано: «Задача клуба — способствовать коммунистическому воспитанию, развитию общественно-политической активности членов клуба, расширению их культурного кругозора и совершенствованию организации содержательного досуга».

Словом, КЛФ ставят перед собой возвышенные и благородные задачи. А конкретные формы их работы определяются конкретными же возможностями. Проводятся регулярные собрания, на которых члены клубов обсуждают новинки научно-фантастической литературы, творчество известных авторов и членов клуба, встречаются с писателями-фантастами, критиками, работниками издательств. Видное место в деятельности почти каждого клуба занимают такие формы, как лекции, публичные диспуты, викторины, театрализованные и тематические вечера,

выездные заседания, коллективные посещения кино, театров, выставок. Ряд клубов занимается библиографией региональной фантастики, организацией просмотров фантастических фильмов.

Большинство КЛФ имеет творческий характер. Многие выпускают собственные клубные альманахи и методические пособия. Творческий уклон особенно заметен у тех КЛФ, которые имеют регулярный выход в местную, преимущественно комсомольскую печать. В этой связи особо, на наш взгляд, следует отметить КЛФ «Циолковский» из Минска, публикующий свою страничку в республиканской газете «Знамя юности» ежемесячно. Это дает клубу возможности, которых лишены другие КЛФ, — проводить конкурсы рассказов, выявлять новых белорусских авторов, сообщать читателям новости из «пограничных» с фантастикой областей науки и техники, публиковать беседы с советскими и зарубежными писателями-фантастами, оперативно перепечатывать материалы из других изданий.

Думается, сотрудничество КЛФ с комсомольской печатью надо всячески приветствовать, выигрывают от него обе стороны: клуб твердо стоит на ногах, дает творческий выход своим участникам, ему легко информировать другие клубы о своей деятельности. Газета же регулярно получает доброкачественный материал, хорошо организованный, привлекающий читателя. Такое взаимодействие полностью соответствует духу и букве решений ЦК ВЛКСМ о любительских творческих объединениях и клубах по интересам.

На полное отсутствие или недостаточность выхода в печать жалуются многие клубы. В отношении остальных проблем почти все клубы единодушны: нет помещений для заседаний и хранения литературы, нет материально-технической базы, нет фондов, нет книг, нет, наконец, никакого официального статуса. Многие клубы поддерживают между собой постоянные контакты — путем переписки и личных нерегулярных встреч, в частности, на стихийно созываемых семинарах.

Следует подчеркнуть, что КЛФ по самой своей сути являются организациями идеологическими, и поэтому их деятельность немыслима без координационной и методической помощи соответствующих идеологических же организаций, в первую очередь комсомольских; иначе трудно поручиться за то, что КЛФ

всегда будут заниматься только лучшими образцами отечественной и мировой фантастики. Ведь даже в советской (не говоря о мировой) фантастике далеко на всё обстоит благополучно: она насчитывает целый ряд произведений спорных, допускающих двойное толкование; некоторые из них были, как известно, опубликованы только в эмигрантских издательствах Запада. Наглядным примером является «творчество» Ю. Даниэля²⁸, которое по жанровым признакам относится к фантастике и который, как известно, был в свое время осужден за антисоветскую деятельность. За последние годы некоторые писатели и критики научной фантастики эмигрировали (Муслин, Яров, Нудельман)²⁹ и работают ныне в пропагандистском аппарате Запада. А произведения таких авторов, как Оруэлл³⁰ (романы «Скотный двор» и «1984»), уже на протяжении нескольких десятилетий используются нашим идеологическим противником для дискредитации идей научного коммунизма. Небезынтересно отметить в этой связи, что даже такое невинное предприятие, как анкета «ТМ»³¹, встретило в КЛФ страны далеко не однозначную реакцию: некоторые клубы увидели в интересе журнала ЦК ВЛКСМ к их деятельности некое «посягательство» на их свободу и, по существу, призвали к бойкотированию анкеты.

Таким образом, участие комсомольских организаций в деятельности КЛФ представляется совершенно необходимым. Думается, полезно в этом отношении воспользоваться богатым опытом шефства комсомольских органов над такими первоначально стихийными организациями, как клубы самодеятельной песни и молодежные дискотеки. В частности, назрела необходимость проводить под эгидой ЦК ВЛКСМ официальные ежегодные совещания (например, как это практикуется в НРБ). Отвечая на анкету «Техники — молодежи», многие клубы указывают, что необходим единый координационный центр КЛФ — при ЦК ВЛКСМ, Союзе писателей или Добровольном обществе книголюбов. Такой центр, по мнению клубов, должен выпускать всесоюзный научно-фантастический журнал (например, по образцу тех изданий, которые выходят во многих социалистических странах), информационные и методические бюллетени, организовывать и финансировать всесоюзные и региональные встречи КЛФ, а также

снабжать клубы новинками научно-фантастической литературы в централизованном порядке.

Хорошей базой для организации такого центра является Клуб журнала «Техника — молодежи», включающий секцию научной фантастики и выставку научно-фантастической живописи «Время — Пространство — Человек»³² (от ряда КЛФ уже поступили заявки на организацию передвижных выставок). В настоящее время журнал имеет постоянную связь примерно с тридцатью советскими КЛФ и многими подобными клубами за рубежом, а также с большинством печатающих фантастику изданий в социалистических странах. Серьезным препятствием для более широкой работы журнала с клубами является отсутствие соответствующих штатов (Клуб «ТМ» и выставка «Время — Пространство — Человек» не имеют ни одной штатной единицы, в отделе научной фантастики — всего одна).

Задача шефства и руководства стихийно растущей и пока что слабо организованной сетью КЛФ со стороны комсомольских органов представляется весьма важной. В этой связи первоочередными представляются следующие рекомендации:

1) организовать на базе клуба журнала «Техника — молодежи» Общественный координационный совет по КЛФ с участием видных писателей-фантастов, ученых, космонавтов, работников ЦК ВЛКСМ;

2) ежегодно созывать в Москве при клубе «Техники — молодежи» всесоюзные совещания представителей КЛФ для координации работы периферийных клубов;

3) рекомендовать местным комсомольским органам оказывать материальную и организационную поддержку КЛФ;

4) рекомендовать органам местной комсомольской печати наладить постоянный творческий контакт с местными КЛФ и систематически отводить на своих страницах место для публикации работ членов клуба;

5) рекомендовать журналам ЦК ВЛКСМ, публикующим фантастику, журналу «Литературная учеба», редакции научной фантастики издательства «Молодая гвардия» шире знакомить своих читателей с наиболее талантливыми работами, поступающими из КЛФ страны и прошедшими апробацию на страницах местных комсомольских изданий;

б) рекомендовать журналу «Молодая гвардия» регулярно выпускать на базе своего приложения коллективные и авторские сборники научно-фантастических произведений молодых авторов — членов КЛФ;

7) вновь поставить вопрос о создании при журнале ЦК ВЛКСМ «Техника — молодежи» приложения типа «Сделай сам» для публикации лучших произведений членов КЛФ, информационных и методических материалов для КЛФ;

8) рассмотреть возможность создания в стране специализированного журнала научной фантастики по примеру существовавших до войны журналов: «Мир приключений», «На суше и на море», «Борьба миров»³³, ленинградского издания «Вокруг света»;

9) поручить издательству «Молодая гвардия» выпустить книгу-альбом художников-фантастов на основе лучших работ, выполненных в КЛФ страны;

10) поручить журналу «Техника — молодежи» проводить регулярные конкурсы на лучшие произведения научно-фантастической литературы и живописи.

*Главный редактор
В. Захарченко*

Примечания

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-80 (Редакция журнала «Техника — молодежи»). Оп. 1. Д. 128 (Справки, информации, отчеты о работе, направленные в ЦК ВЛКСМ). Л. 127—134. Далее — РГАСПИ.

² К сведению читателей // Техника — молодежи. 1982. № 7. С. 12.

³ Там же.

⁴ Реальное количество КЛФ в СССР в начале 1980-х гг. было несоизмеримо больше: несколько десятков как минимум.

⁵ КЛФ рассказывают о себе // Техника — молодежи. 1983. № 1. С. 18—19.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Осипов А.* От Калининграда до Хабаровска: (о клубах любителей фантастики в СССР) // Техника — молодежи. 1981. № 11. С. 11.

¹⁰ КЛФ рассказывают о себе. С. 19.

- ¹¹ *Скаландис А.* Братья Стругацкие. М., 2008. С. 257, 415.
- ¹² *Осипов А.* Миры на ладонях: фантастика в творчестве писателей-сибиряков. Красноярск, 1988.
- ¹³ *Осипов А. Н.* Библиография фантастики. М., 1990.
- ¹⁴ *Осипов А.* От Калининграда до Хабаровска. С. 11.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. М-80. Оп. 1. Д. 128. Л. 131.
- ¹⁶ Там же. Л. 132.
- ¹⁷ *Ивашиников К. В.* Неформальные самодеятельные объединения в СССР: историко-культурный аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. С. 99.
- ¹⁸ *Комиссаров В. В.* Клубы любителей фантастики как проявление общественной активности советской интеллигенции 1960—1980-х гг.: к проблеме изучения // Интеллигенция и мир. 2010. № 2. С. 57—65; *Его же.* Движение любителей фантастики в провинциальном советском городе в 1980-е годы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2. С. 22—27; *Его же.* Научно-фантастическая литература в жизни советской интеллигенции 1940—1980-х гг.: некоторые социально-исторические аспекты. Иваново, 2010.
- ¹⁹ О серьезных недостатках в деятельности клубов любителей фантастики // Знание — сила. 1993. № 7. С. 102.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 103.
- ²² Королев Сергей Павлович (1906—1966) — советский ученый и конструктор, академик, фактический создатель практической космонавтики; Курчатов Игорь Васильевич (1903—1960) — советский физик, создатель советской атомной промышленности и ядерного оружия; Глушков Валентин Михайлович (1923—1982) — советский математик и кибернетик, создатель компьютерной техники в СССР, автор идеи Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки данных (ОГАС); имеется в виду либо Михаил Михайлович Дубинин (1900—1993) — советский, российский физико-химик либо Николай Петрович Дубинин (1906—1998) — советский и российский генетик; Блохинцев Дмитрий Иванович (1907—1979) — советский физик, создатель и первый директор Объединенного института ядерных исследований в Дубне.
- ²³ В данном случае, вероятно, имеется в виду анкета «Покорители космоса — о жизни, о Земле, о Вселенной», которую журнал «Техника — молодежи» проводил с января 1979 г. среди советских космонавтов.
- ²⁴ Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — основоположник русского марксизма.

- ²⁵ Верн Жюль (1828—1905) — французский писатель, еще при жизни ставший классиком приключенческой и научно-фантастической литературы.
- ²⁶ Сохранена орфография источника.
- ²⁷ В части социально-возрастной структуры архивный документ более лаконичен, чем журнальная публикация, в которой приводятся данные по социальному составу некоторых КЛФ.
- ²⁸ Даниэль Юлий Маркович (1925—1988) — писатель, ряд произведений которого может быть отнесен к жанру абсурдистской фантастики, в 1966 г. осужден вместе с А. Синявским за антисоветскую деятельность, этот процесс считается окончанием либерализации в культурной жизни СССР.
- ²⁹ Муслин Евгений Салимович — советский журналист и писатель-фантаст, публиковался в соавторстве с Б. В. Зубковым, в 1970-е гг. эмигрировал в США; Яров Ромэн Ефремович — писатель-фантаст, популяризатор науки, уехал из СССР в 1977 г., жил и умер в США; Нудельман Рафаил Эльевич — русский советский писатель, редактор, переводчик на русский язык романов Станислава Лема, в 1975 г. эмигрировал в Израиль.
- ³⁰ Оруэлл Джордж — псевдоним английского писателя Э. А. Блэра, чьи анти тоталитаристские романы «Скотный двор» («Ферма животных») и «1984» были запрещены к распространению на территории СССР.
- ³¹ ТМ — сокращенное название журнала «Техника — молодежи», которое использовалось в журнальных публикациях и во внутренних документах.
- ³² «Время — Пространство — Человек» — изначально название конкурса научно-фантастических рассказов, фантастической живописи и графики, проводимого журналом «Техника — молодежи» с февраля 1977 г. Такое же название получила передвижная выставка научно-фантастических картин, организованная редакцией журнала в одном из павильонов ВДНХ СССР под эгидой ЦК ВЛКСМ.
- ³³ «На суше и на море» — дореволюционный журнал приключенческой и фантастической литературы, в первые советские годы выходил под названием «Журнал приключений», в 1960 г. название «На суше и на море» получил литературно-художественный ежегодник; «Мир приключений» — русский и советский журнал приключений и фантастики, выходивший в 1910—1930 гг., с середины 1950-х гг., такое же название получил ежегодник приключений и фантастики для детей; «Борьба миров» — журнал фантастики и приключений, издававшийся в первое десятилетие советской власти.

Д. В. Кирюхин

**«ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ДОСТИЖЕНИЙ ГЕНРИХА VII»
БЕРНАРА АНДРЕ КАК ИСТОЧНИК
БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ О ЧЛЕНАХ
КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ
ПРИДВОРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Введение

«История жизни и достижений Генриха VII» («De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia») была написана придворным поэтом и историографом Бернаром Андре в начале 1500-х гг. и посвящена, как следует из ее названия, английскому королю Генриху VII Тюдору. Несмотря на то, что текст, призванный быть одной из первых биографий монарха, в первую очередь фокусируется именно на его жизнеописании и достижениях, «История жизни...» содержит довольно много информации как о самом ее авторе, так и его товарищах по перу, входивших в круг интеллектуальной среды придворных авторов.

Жизненный путь и творчество Бернара Андре

Очень мало достоверных сведений установлено о жизни Бернара Андре до его появления в Англии. Известно, что он родился в г. Тулузе около 1450 г., затем получил степень доктора канонического и гражданского права и стал монахом Августинского ордена. Занятию литературным творчеством не мешало его плохое зрение — многие из современников Андре называют его слепым. Как отмечает один из главных исследователей жизни и творчества Б. Андре Д. Хоббинс, вероятнее всего первая встреча будущего короля Генриха VII и нашего автора состоялась во время

© Кирюхин Д. В., 2019

Кирюхин Дмитрий Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и иностранных языков, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия. bagerlock@gmail.com

Kiryukhin Dmitriy Vyacheslavovich — candidate of historical sciences, Associate Professor of the Department of History and Foreign Languages, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy.

пребывания Генриха Ричмонда в Бретани или Франции (1471—1785)¹. Есть и другая точка зрения, согласно которой Генрих привез с собой Андре из Бургундского двора, служившего образцом для новой английской придворной культуры². Сам Андре в «Истории жизни...» сообщает другой вариант их встречи на улицах города Лондона 27 августа 1485 г.: Б. Андре продекламировал новому королю оду на латыни, сочиненную по случаю его триумфального прибытия после победы над Ричардом III в битве при Босворте³. При дворе Генриха VII Андре вскоре становится учителем принца Артура (впоследствии и принца Генриха) и придворным поэтом. Его литературные труды не ограничивались правлением Генриха VII: например, в 1513 г. выходит в свет одно из его крупнейших сочинений «Христианские гимны» с хвалебными эпиграммами Эразма Роттердамского, У. Лили, А. Аммонио⁴.

Свою работу над «Историей жизни и достижений Генриха VII» Бернар Андре начал приблизительно после 22 августа 1500 г., об этом мы находим прямое упоминание в тексте. Абсолютно точно, что написание своего труда Андре продолжил и после 2 апреля 1502 г. — смерти принца Артура Тюдора, это также подтверждает сам Андре. Его перу принадлежат и годовые записи за 1504—1505 и 1507 гг., которые были напечатаны и отредактированы Джеймсом Гейрднером под заголовком «Анналы Генриха VII» («*Annales Henrici Septimi*») в одном томе с «Историей жизни...» в 1858 г.⁵ В настоящее время существует несколько современных изданий данного источника. Первым в 2010 г. появляется перевод на английский язык, выполненный Д. Саттон⁶, в следующем году новое издание перевода «Истории жизни...» готовит Д. Хоббинс⁷. Впервые на русском языке труд Б. Андре вышел в начале 2017 г.⁸

Члены королевской семьи глазами придворного автора

Обратимся в первую очередь к биографии самого короля Генриха VII и членов его семьи, которые являются центральными действующими лицами произведения Андре. Хотя «История жизни...» и представляет собой попытку автора написать произведение в форме традиционного жизнеописания, она существенно отличается от других подобных источников, представляющих деяния королей. Сочинение Андре в отличие от других произведений этого жанра описывает лишь небольшую часть правления

Генриха VII. Освещая далеко не все события, автор заостряет свое внимание именно на достижениях короля, которые демонстрируют читателю богоизбранность Генриха VII и первые триумфальные годы его правления. Вероятно, именно поэтому в тексте манускрипта мы не найдем ни слова описания внешности короля и его родных, хотя коллега Андре, приглашенный к английскому двору итальянец Полидор Вергилий, посвящает довольно просторный абзац детальному портрету Генриха VII⁹. Для Б. Андре гораздо более актуальными и важными являются вопросы освещения королевской родословной и противостояние Генриха его главным врагам — Ричарду III Йорку и самозванцу Перкину Уорбеку.

Бернар Андре неслучайно уделяет особое внимание знатности происхождения Генриха VII, который к моменту воцарения после гражданской Войны Алой и Белой Роз имел весьма спорные права на престол. Придворному автору особенно важно было продемонстрировать, что Генрих «превосходит всех предыдущих как Христианских правителей, так и государей своего возраста по благородности своего происхождения»¹⁰. Именно поэтому в число его мифических предков Андре записывает Брута I Троянского, правнука Энея, по легенде ставшего прародителем английской нации в целом, короля Артура и двоих известнейших валлийских правителей — Кадваллона и Кадваладра, последний из которых был причислен к лику святых. Благодаря подобной родословной и предсказанию Кадваладра, Генрих VII, согласно Андре, становится королем по праву и согласно божьему провидению.

Не обделяет вниманием Бернар Андре в своем произведении и родственников короля, среди которых обращает свое внимание на супругу Генриха VII Елизавету Йоркскую и первого сына — Артура, принца Уэльского. Бракосочетание Генриха VII и Елизаветы из дома Йорков стало одной из важнейших тем в системе репрезентации власти новой династии — ведь таким образом объединялись ранее враждовавшие дворянские дома — Ланкастеров и Йорков, и символом нового союза стала геральдическая роза Тюдоров. Примечательно, что для Андре инициатором подобного брака стал вовсе не король, стремившийся укрепить свою власть, а сама Елизавета, которая на страницах «Истории жизни...» обратилась в молитве с просьбой о помощи в устроении брака, и «...Бог уступил желанию девушки и сделал так,

что после того, как принц узнал о ее чистоте, вере и честности, то сразу же полюбил ее»¹¹. Образ принца Артура, воссозданный Андре, также демонстрирует еще одну актуальную тему пропаганды Тюдоров — олицетворение юного наследника английского трона с легендарным королем Артуром, который вновь перерождается на английской земле и с чьим приходом в королевстве должен наступить золотой век мира и процветания. Андре посвящает принцу множество стихов, среди которых «Предсказание в день коронации королевы»¹², «На рождение принца Артура»¹³ и «Артуру на присвоение титула принца»¹⁴, написанные одиннадцатисложным стихом. Отдельно Бернар Андре описывает успехи юного принца в обучении: так, по его словам, к 16 годам тот был знаком с большим числом трудов как античных мыслителей, так и своих современников-гуманистов. Всего в приведенном Андре списке более двадцати авторов, «...все из этих произведений он если и не поместил частично в своей памяти, то, как минимум, держал их в руках и прочел своими глазами»¹⁵. Скоропостижная смерть принца лишь упоминается Андре, тот кратко отмечает, что чудесному принцу «по повелению Бога была отведена особая роль»¹⁶.

Автор и его коллеги по перу в «Истории жизни...»

«История жизни...» также позволяет нам узнать, с кем из придворных авторов у Бернара Андре были наиболее теплые отношения. И хотя открытую антипатию к первому выразил лишь сэр Томас Мор в одной из своих едких эпиграмм¹⁷, сам Андре имел прекрасные отношения со многими ведущими гуманистами своего времени, в число которых входил даже Эразм Роттердамский¹⁸. Однако в своем произведении Андре находит возможность упомянуть лишь троих своих коллег, вместе с которыми он трудился при дворе Генриха VII, а затем и Генриха VIII. Это Пьетро Кармелиано из Брешии, «прекрасный оратор и поэт»¹⁹, впервые прибывший в Англию и служивший еще Ричарду III²⁰, Джованни Джильби²¹, «человек с огромным опытом в делах как людских, так и божественных»²², и Корнелио Вителли, впоследствии первый преподаватель греческого языка в Оксфордском университете²³. Все названные авторы вместе с самим Андре участвуют в поэтическом «состязании» с послом Франции Робером Гагуином (Гагеном), который посвящает английскому королю язвительную эпиграмму, а затем получает гневный ответ. Андре наглядно демонстрирует

слаженные действия всех авторов, объединенных в некое интеллектуальное сообщество, чья деятельность открыто направлена на дискредитацию и высмеивание врагов английской Короны²⁴.

Следуя традиции своих коллег по перу, Андре сообщает читателю в манускрипте «Истории жизни...» и некоторые данные о себе. В первую очередь мы узнаем, что помимо должности придворного поэта тот был учителем принца Артура, что свидетельствует об особенном доверии к автору со стороны самого короля. Кроме того, благодаря тому, что автор нескромно дополняет основной текст своими стихами, «История жизни...» является неоценимым источником для изучения придворного поэтического наследия Бернара Андре. Прозаический текст манускрипта также содержит весьма обширные цитаты и отсылки как к трудам античных писателей, так и современников автора, что позволяет нам поставить Андре в один ряд с другими ведущими гуманистами раннего Нового времени. И наконец, «История жизни...» из первых рук подтверждает сведения о слепоте Бернара Андре, развеивая все возможные сомнения исследователей, поскольку подробными биографическими данными о нем мы на данный момент, к сожалению, не располагаем. Так, в прологе своего произведения Андре сравнивает себя с легендарным создателем «Илиады» и «Одиссеи» Гомером²⁵.

Выводы

Таким образом, как мы видим, сравнительно небольшая по объему «История жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре, несмотря на все допущенные автором и переписчиками многочисленные ошибки, пропуски в тексте и лакуны изначального манускрипта, а также лирические отступления и «слезные восклицания автора», помогает существенно дополнить как детали сюжетов пропаганды династии Тюдоров, так и пролить свет на некоторые факты биографии автора и его коллег из числа придворных авторов.

Примечания

- ¹ *Hobbins D.* Introduction // *André B. The Life of Henry VII.* New York, 2011. P. 13.
- ² *Carlson D.* Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // *Studies in Philology.* 1988. Vol. 85, № 3. P. 279—304.

- ³ *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII / пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д. В. Кирюхина. М.; СПб., 2017. С. 58—59.
- ⁴ *Sutton D.* Introduction // *André B. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/intro.html> (дата обращения: 05.08.2019).
- ⁵ *André B.* *Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia*. London, 1858.
- ⁶ *André B.* *De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia*.
- ⁷ *André B.* *The Life of Henry VII*.
- ⁸ *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII.
- ⁹ *Vergil Polydore.* *Anglica Historia: Latin Text and English Translation*. Birmingham, 2005. Book 26. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/26lat.html> (дата обращения: 05.08.2019).
- ¹⁰ *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII. С. 27.
- ¹¹ Там же. С. 60—61.
- ¹² Там же. С. 63—64.
- ¹³ Там же. С. 64—65.
- ¹⁴ Там же. С. 67—69.
- ¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹⁶ Там же. С. 64.
- ¹⁷ *Мор Т.* На некоего, кто написал гимны о богах, недостаточно умело засвидетельствовав в предисловии, что он написал их экспромтом и не соблюдал законов стиха, и что изложение не обещает красноречия // *Мор Т.* Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1973. С. 44.
- ¹⁸ *Tournoy G.* Two poems written by Erasmus for Bernard Andre // *Humanistica Lovaniensia*. Leuven, 1978. Vol. 27. P. 45—51.
- ¹⁹ *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII. С. 80.
- ²⁰ *Кирюхин Д. В.* Придворный поэт Пьетро Кармелиано и политика государственного меценатства двора ранних Тюдоров // *Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения*. М., 2015. С. 192—196.
- ²¹ *Кирюхин Д. В.* Участие итальянской интеллигенции в миграционных процессах раннего Нового времени: семья Джильби // *Интеллигенция и мир*. 2016. № 2. С. 76—84.
- ²² *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII. С. 80.
- ²³ *Weiss R.* Cornelio Vitelli in France and England // *Journal of the Warburg Institute*. 1939. № 2. P. 223—224.
- ²⁴ *Carlson D.* Op. cit. P. 279—304.
- ²⁵ *Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII. С. 24.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

Е. В. Литовченко, А. М. Болгова

«СЛОВО ПРОТИВ МЕЧА»: ПОЗДНЕРИМСКАЯ ШКОЛА В НОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ.

Рец. на кн.: Тюленев В. М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе: (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново: Иван. гос. ун-т, 2019.

Публикация монографии доктора исторических наук В. М. Тюленева «Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V — первой половине VI в.)», изданной в Ивановском государственном университете в 2019 г. (г. Иваново)¹, стала своевременным и необходимым шагом на пути к преодолению «белых пятен» и заполнению лакун в отечественном историческом знании. На сегодняшний день исследования, связанные с реконструкцией феноменов культуры поздней Античности, весьма актуальны, прежде всего, в силу того, что отражают обстоятельства жизни данной эпохи в рамках «концепции поздней Античности», активно разрабатывающейся с 70—80-х гг. XX в. В мировой науке данный период (IV—VI вв.) ныне является одним

© Литовченко Е. В., Болгова А. М., 2019

Литовченко Елена Викторовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. litovchenko@bsu.edu.ru

Litovchenko Elena Viktorovna — candidate of historical sciences, doцент, Associate Professor of Department of World History, Belgorod National Research University.

Болгова Анна Михайловна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. bolgova@bsu.edu.ru

Bolgova Anna Mikhaylovna — candidate of pedagogical sciences, doцент, Associate Professor of Department of World History, Belgorod National Research University.

из наиболее привлекающих внимание исследователей как классическое переходное время с суммой разнонаправленных векторов исторического развития.

Изучение культуры позднеантичного Запада имеет в отечественной историографии достаточно обширную традицию (В. И. Уколова, П. П. Шкаренков, В. М. Тюленев, Е. В. Литовченко), однако более специальное научное направление по изучению школы и образования данного времени пока не сложилось.

Между тем проблема трансляции знания в транзитивную эпоху, передача культурной традиции через специальные институты (школу) особенно важны для позднеантичной эпохи, когда происходили сложные процессы трансформации, переформатирования всех основных элементов цивилизации.

В процессе христианизации позднеантичного общества, в противовес смене основных парадигм цивилизации, школа и образование остались преимущественно классическими, античными. Поэтому их можно назвать важнейшим звеном культурного континуитета между Античностью и Средневековьем.

В мировой историографии уже накоплен определенный опыт разработки данной проблематики как для Запада, так и для Востока позднеантичного мира с акцентом всё же на восточную часть (Р. Кастер, Э. Уоттс, Р. Крибиоре, Э. Шабат, Р. Пенелла, Э. Амато и др.).

В самые последние годы в отечественной науке отмечается усиление внимания к изучению школьной традиции позднеантичного латинского Запада. Ряд ученых в Москве подготовили коллективную монографию под редакцией М. Р. Ненароковой². Определенным рубежом можно считать выход в 2019 г. специального номера журнала «Hypothekai», в котором соединились усилия историков поздней Античности и ранней Византии, историков школы и образования³. Здесь преобладает западный материал, но представлен также и восточный. В отечественной историографии последних лет школу и образование ранней Византии специально изучает А. М. Болгова⁴, интеллектуальную традицию — И. В. Зайцева, Я. В. Манохин.

Новая монография В. М. Тюленева встраивается в указанный ряд и представляет читателю общую систематическую

картину динамики позднеантичного образования на примере Южной Галлии и Италии в V — первой половине VI в.

Она является в некотором роде логическим продолжением ряда работ Т. Б. Перфиловой, вышедших в первом десятилетии текущего столетия⁵.

В новой книге В. М. Тюленев расширяет поле исследования как хронологически (до первой половины VI в.), так и предметно, анализируя все образовательные ступени позднеримской школы: от начальной до риторической.

Территориальные рамки работы не вызывают сомнений, так как охватывают наиболее репрезентативные регионы латинского Запада, где работали основные авторы разбираемых в монографии источников.

Содержательно работа включает три главы, посвященные судьбам школы и позднеримской аристократии в новых исторических условиях.

Исследуя характерные черты эволюционирующей идентичности позднеантичной западной аристократии, автор приходит к важному выводу о том, что исторически сложившаяся «воинственность» римлян трансформируется в данный период, переходя с полей сражений, где последние терпят поражения, в сферу литературы. Используя слово как оружие, римляне по-прежнему вооружены, стремятся к победам, завоевывают трофеи и чувствуют себя триумфаторами (с. 57). Поскольку искусному владению словом обучали в школе, стало необходимо четко представлять все нюансы обучения: от образовательной «программы» до форм преподавания и усвоения учебного материала.

В качестве основных источников автор работы анализирует сочинения таких позднеантичных литераторов, как Сидоний Аполлинарий, Аврелий Августин, Кассиодор Сенатор, Цезарий Арльский, Эннодий, Марциан Капелла, Бозций, Донат и других, а также некоторых авторов, хронологически относящихся к предыдущим периодам, но тесно связанных с вышеперечисленными литературной традицией (Квинтилиан, Плиний Мл. и др.).

Впечатляет и зарубежная библиография, проработанная В. М. Тюленевым и в силу известных причин преобладающая в подобных исследованиях. Разумеется, невозможно объять необъятное, но нам представляется целесообразным дополнительно

включить в исследовательское поле также и труд Юргена Леонхардта, опубликованный в 2009 г. на немецком, а в 2016 — на английском языке⁶. Вторая глава этого сочинения, «Язык Империи»⁷, посвящена вопросам бытования латинского языка как основы всей образовательной системы в позднеантичную эпоху.

Второй параграф первой главы непосредственно посвящен анализу римской школы в позднеантичный период и структурно складывается из подразделов об уровнях школьного обучения (с. 58—86), его содержании («Свободные искусства», с. 86—90), институциональных связях между школой, государством и городом (с. 91—97), роли учителя в обществе (с. 97—104), основных школьных центрах (с. 104—111) и, наконец, женском образовании (с. 111—115). В. М. Тюленев пишет о том, что «варваризировавшееся» пространство империи стимулировало представителей образованной элиты поддерживать культ «чистого» (свободного от варваризмов) латинского языка, культ красноречия и литературной активности, которые в ту пору расцениваются как маркер социокультурной идентичности: «Стремление сформировать новое поколение как слепок лучших образцов римского прошлого, воспроизвести в молодых людях их собственных отцов или дедов повышало внимание к школе как к институту консервативному, хранившему и передававшему накопленный социальный опыт, воспроизводящему основные социальные функции» (с. 114).

Важно отметить, что В. М. Тюленев не отделяет «начальное» и «среднее» образование от «высшего», а дает единый поток с восхождением на более сложные уровни. При этом он ограничивается только грамматикой и риторикой, не затрагивая философию по очевидной причине отсутствия на латинском Западе таковых высших школ (на роль философа в данное время может претендовать лишь Бозций).

Вместе с тем необходимо признать, что развернутого фактического материала о конкретных позднеантичных школах как институтах в указанный период мы фактически не имеем (разве что школа Девтерия в Медиолане, с. 104) в отличие, к примеру, от высшей риторической школы в Бурдигале IV в. (школа Авзония). Вслед за автором можно лишь констатировать наличие отдельных учителей грамматики и риторики, обучающихся по античной

традиции круг учеников, в лучшем случае получая за свой труд муниципальное жалование. Такая система вела к нестабильности школы, кратковременности пребывания того или иного учителя на одном месте, к академической и социальной мобильности учителей и учащихся (с. 218—219).

Исключением на этом фоне является довольно значительное количество сохранившихся учебных текстов латинского «школьного канона».

Позднеантичная дихотомия — классическое и средневековое в светском и духовном образовании — становится ключевым аспектом второй главы монографии. Здесь, прежде всего, рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия церкви, образования и школы как института его распространения; возникновение первых церковных школ на латинском Западе и их функционирование на примере христианской школы в Виварии. Этой школе уделено достаточно большое место в силу характера сохранившихся источников (Кассиодор).

Автор пишет о том, что «задачи широкой христианизации населения... требовали выработки нового языка и новой суммы необходимых знаний... что немислимо было без учета традиций риторической культуры древнего Рима» (с. 200). Сближение проповеди с классическими текстами в контексте школьного образования осуществлялось на базе грамматических дидактических приемов с точки зрения формы обучения, а содержательно — на базе «наполнения христианским смыслом традиционных для античной риторики тем» (там же).

В третьей главе дается краткий обзор традиций римского образования, сохранившихся в варварских королевствах V — начала VI в., в частности при остготском королевском дворе. При этом достаточно обоснованные выводы, как считает В. М. Тюленев, полагаясь, в первую очередь, на источники, можно сделать относительно цели Теодориха и его ближайших преемников. Она заключалась не только «в сохранении системы римского образования для италийского населения королевства, но и насаждение римских и даже греческих знаний среди готов, прежде всего, среди представительниц королевской династии. <...> сама эта цель формулировалась и становилась частью политической программы благодаря таким римским интеллектуалам

и просветителям, как Кассиодор, отчасти Боэций и Эннодий. Осуществление же ее стало возможным благодаря готовности представителей римской образованной элиты сотрудничать с новой властью, выступать в качестве ее наставников и учителей» (с. 216). В исторической перспективе, однако, эта тенденция не получила длительного развития в связи с Готской войной и падением королевства остготов в VI в.

Вслед за автором можно констатировать фактическое исчезновение традиционных позднеантичных школ на латинском Западе во второй половине VI в. Хранителями классических знаний и носителями классической образованности продолжают быть «последние римляне», но эти знания становятся в значительной мере их личным делом, вне школ как институций.

Христианские школы и варварские правители активно используют классические знания и приемы в образовательной деятельности и политике. При этом варвары пытались просто усвоить римское наследие, а церковь активно изменяла саму парадигму школы. В итоге епископские, монастырские и пресвитерские школы, какое-то время сосуществуя со старой римской школой (с. 221), фактически вытеснили ее уже во второй половине VI в. (с. 223), хотя и сохранив некоторые ее элементы в новой системе.

Признавая общим местом господство в образовательном мире латинского Запады тривиума и квадриума (на основании сочинения Марциана Капеллы), автор не акцентирует внимание на том, что в реальных школах как институциях «свободные искусства» в чистом виде в рассматриваемое время не преподавались.

При общей актуальности и важности рецензируемого издания, к сожалению, следует указать, что оно не обошлось без определенных недочетов: так, «Евхаристик» Павлина Пеллейского (377 — после 461) — внука Авзония — ошибочно приписывается Павлину Ноланскому (409/411—431) — ученику последнего (с. 126). В работе также имеется достаточно большое количество опечаток.

Тем не менее несомненным главным достоинством представленной В. М. Тюленевым работы является создание объемной и детализированной картины функционирования римской школы на позднеантичном латинском Западе, обоснование неразрывной связи школьного образования с классической литературой на всех

его ступенях. Важно, что автор включает в позднюю Античность первую половину VI в., как это ныне принято в мировой науке, но еще не вполне утвердилось в отечественной (особенно в учебных программах университетов).

Таким образом, рецензируемая книга, несомненно, будет полезна специалистам и молодым ученым, студентам как работа, утверждающая не меньшую ценность культурных феноменов по сравнению с политическими процессами в переходную эпоху от Античности к Средневековью. И хотя степень преемственности с классической традицией в западной школе оказалась значительно меньше, чем на греческом Востоке того же времени, дальнейшая разработка данных сюжетов поможет более объективно представить крайне сложный и многогранный процесс медиализации Средиземноморского мира в культурном плане.

Примечания

- ¹ Тюленев В. М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе: (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново, 2019. Далее ссылки на данную монографию приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.
- ² Возлюблю слово как ближнего: учебный текст в позднюю Античность и раннее Средневековье. Исследование состава школьного канона III—XI вв. М., 2017.
- ³ *Nyrotkeai*: журнал по истории античной педагогической культуры. М., 2019. № 3.
- ⁴ Болгова А. М. Ранневизантийские портреты: риторы, софисты, философы. Белгород, 2018.
- ⁵ Ряд монографий и статей нашли завершение в диссертации: Перфилова Т. Б. Высшее образование в Римской империи: (культурологический аспект): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
- ⁶ Leonhardt J. Latin. Story of a World Language. The Belknap Press, 2016.
- ⁷ Ibid. P. 41—121.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Юркин Н. Г. Профессиональные школы Петра I: новаторство или продолжение традиций? // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 9—30.
ББК 74.03(2)5

В статье анализируются особенности материально-технического, организационного и кадрового обеспечения первых профессиональных школ в России. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1700 по 1725 г. Автор опирается на нормативно-правовые источники, источники личного происхождения. Преимущественно используются историко-сравнительный и сравнительно-правовой методы исследования.

Показано, что с момента формирования профессиональных школ государство уделяло большое внимание созданию их материальной базы. Школы размещались в казенных зданиях, государство закупало учебное оборудование. Издание учебной литературы также в значительной мере финансировалось за счет государственного бюджета. Отмечено, что, хотя первыми учителями были иностранцы, государство пыталось поставить под контроль их деятельность. Более того, была сделана ставка на постепенное вытеснение западных специалистов русскими преподавателями. При этом государство определяло состав изучаемых дисциплин, хотя в методике преподавания учителя были свободны. Показано, что в первой четверти XVIII столетия спрос на образование среди русских людей остается крайне низким. Поэтому большинство профессиональных школ строятся по всеобщему принципу. Однако при анализе состава студентов Морской академии, в которой готовился офицерский состав, видна тенденция сохранения аристократического характера государственной службы.

Делается заключение, что профессиональное образование России первой четверти XVIII в. по ряду признаков отличается от западного образования, для которого была свойственна независимость учебных заведений от государства. Это сближает профессиональные школы первой четверти XVIII столетия с немногочисленными учебными заведениями, существовавшими в Московском государстве. Поэтому Петра I можно рассматривать как продолжателя традиций XVII столетия в сфере образования.

Ключевые слова: государственная политика в сфере образования, Петр I, навигационная школа, артиллеристская школа, инженерная школа, Морская академия, материально-техническое и кадровое обеспечение учебных заведений.

Гусева М. А. Средневековые муниципальные чиновники как тип управленческой протоинтеллигенции: (на примере Англии XIV—XV вв.) // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 31—38. ББК 63.3(4Вел)4-283.2

В своем развитии интеллигенция прошла долгий путь становления. Однако во все времена значимыми ее характеристиками выступали наличие образования, тесная связь деятельности с интеллектуальным трудом, а также нравственное поведение, способность нести ответственность за свои решения. Указанные качества, на наш взгляд, позволяют рассматривать категорию средневековых муниципальных служащих как определенный тип протоинтеллигенции.

В статье представлена характеристика основных должностных лиц английского города XIV—XV вв., показаны механизмы формирования местного административного аппарата, критерии отбора его членов. Отдельно отметим, что в истории Англии это было время становления муниципального самоуправления, определения его структуры. Исследование показало, что в рассматриваемый период английские муниципальные служащие представляли собой достаточно замкнутое общество. Этому способствовали как требования местного законодательства, предъявлявшиеся к кандидатам на муниципальные посты, так и ограниченность круга лиц, имевших статус полноправного горожанина. В частности, от претендента на муниципальный пост требовались: финансовая состоятельность, определенная образованность, умение нести ответственность за принятые решения, благопристойное поведение как самого чиновника, так и его родственников. Учитывалась и профессиональная принадлежность претендента. Заметим, что в изучаемую эпоху понятие «муниципальный служащий» не означало основного профессионального занятия. Эти чиновники были полноправными горожанами, избираемыми в магистрат на определенный срок. Свою ремесленную или торговую деятельность они не прерывали.

Ключевые слова: средневековый город, чиновники, протоинтеллигенция, механизм формирования, критерии отбора.

Евсеев В. А., Кучин Я. С. Образ европейских народов в журналах «Зритель» и «Фригольдер» // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 39—60.
ББК 63.3(4Вел)513-38

Статья посвящена крайне актуальной сегодня проблеме национальной идентичности, авторы рассматривают ретроспективу развития взаимоотношений европейских народов. В качестве предмета исследования выбрана публицистика Британии начала XVIII столетия, а именно видение иностранцев Дж. Аддисоном и Р. Стилом, создателями известных журналов «Зритель» и «Фригольдер». Цель статьи — выявление отношения Аддисона и Стила к различным народам Европы. Исследователи ставят следующие задачи: рассмотрение образа Франции как главного оппонента Британии, анализ образов ее значимых «врагов» (на примерах Испании и Шотландии), изучение характеристики союзных и нейтральных по отношению к Британии стран, данной создателями журналов. Авторы статьи приходят к выводу, что видение иностранцев в данных изданиях основано на личных воззрениях публицистов как сторонников политики вигов. Аддисон и Стил дали свою оценку представителям ряда соседних европейских народов. Многовековое противостояние с Францией отразило политические приоритеты английских публицистов. Они показывали, сколь порочна власть французских тиранов, в частности Людовика XIV. В журналах образ Испании связан с критикой деспотизма, Голландия рассматривается как торговая держава, Германия — как страна, играющая значительную роль в легитимации фигуры короля Георга I, образ Италии соотносится с традициями Античности, Россия является примером правления просвещенного монарха.

Ключевые слова: английская публицистика Нового времени, Джозеф Аддисон, Ричард Стил, отношение к соседним народам Европы.

Кислицын С. В. Современные трансатлантические отношения в идеологии Республиканской партии США // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 61—72.
ББК 66.69(7Сое)

В статье рассматриваются современные идеологические подходы Республиканской партии США к проблеме трансатлантических отношений. Ее сторонники, равно как и демократы, традиционно поддерживают идею глобального первенства Вашингтона, однако их стратегии различны. Первые преимущественно акцентируют свое внимание на

различных вариациях силовых подходов, в то время как вторые обращаются к экономическим инструментам влияния.

Отождествляя современные вызовы непосредственно с внешней политикой России, республиканские идеологи скептически относятся к европейцам, недостаточно уделяющим внимание вопросам безопасности.

Выступая за расширение и укрепление НАТО, республиканцы видят в нем основу американского регионального лидерства. Современные же вызовы на трансатлантическом пространстве они склонны связывать с активизацией российской внешней политики. Одновременно их отношение к проблеме выхода Великобритании из Европейского союза или к охлаждению американо-германских отношений неоднозначно. Республиканцы выступают за сохранение тесной кооперации с обеими странами, считая возникающие трудности в их отношениях с США временным явлением. В то же время среди сторонников партии есть понимание разницы между Европой, объединенной в рамках НАТО, и Европейским союзом. Свое внимание они акцентируют именно на Североатлантическом альянсе как инструменте воздействия на своих региональных союзников.

Ключевые слова: Республиканская партия США, реализм, неоконсерватизм, НАТО, американо-европейские отношения.

Ахунзянова Ф. Т., игумен Петр (Ерышалов). Поиски «национального характера» в контексте социокультурной реальности России рубежа XIX—XX вв.: (на примере образа Сергия Радонежского) // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 73—81. ББК 63.3(2)53-283.2

Авторы статьи ставят перед собой цель — представить основные направления исканий «национального характера» в контексте социокультурной реальности России рубежа XIX—XX вв. Данная тема актуальна по ряду причин. Во-первых, решение вопросов о формирующихся началах русского культурно-исторического типа приближало представителей интеллигенции начала XX в. к коррелирующему пониманию подлинной — духовной — природы русского народа, а соответственно и феноменов культуры, сотворенных этим сознанием. Это приводило, в числе прочего, к своеобразному диалогу культур — культуры Древней Руси и культуры рубежа XIX—XX вв., отразившемуся в различных формах искусства: литературе, живописи, музыке. Во-вторых, апокалиптические настроения, царившие в конце XIX в. в России, требовали возрождения таких ценностей, образов и знаков, которые были

бы способны вновь открыть обретенную бытийственность милости Божией на Русской земле. Происходит настоящее открытие интеллектуальной элитой мира русской святости: мыслители рубежа XIX—XX вв. активно передают свое субъективное восприятие православного опыта. Нечто подобное происходит в современной России — отсюда пристальный интерес к «рубежным стадиям» развития культуры, к многообразию направлений и содержательно-смысловых поисков вековой давности.

По мнению авторов статьи, целый ряд метафизических, духовно-религиозных оснований русской культуры исторически персонифицируется в образе Сергия Радонежского. В условиях напряженных духовных поисков для мыслителей рубежа веков важно было познать не частный фрагмент условной жизни, а реальную, переросшую в жизнь борьбу за восстановление цельности и полноты человеческого существа. В этом смысле история Сергия Радонежского как история человеческой личности, преображенной подвигом и благодатью Святого Духа, становится и воплощением идейного комплекса православия, и реализацией идейно-эстетической концепции обожения, т. е. движения к высшей точке духовного развития.

В связи с вышесказанным в статье ставятся следующие **задачи**:

1) определить исторический и культурфилософский контекст духовных исканий в России рубежа XIX—XX вв.;

2) выявить причины и формы обращения мыслителей начала XX в. к опыту духовного становления Сергия Радонежского.

Методологические подходы к исследуемой проблеме основываются на теоретической базе современного научного знания, которая включает в себя концепции и приемы философии (Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Вл. С. Соловьев); культурологии (И. А. Едошина, М. С. Каган, Ю. М. Лотман, Н. О. Осипова); искусствоведения (И. А. Азизян, А. Пайман, А. А. Русакова, Д. В. Сарабьянов), интеллигентоведения (В. С. Меметов, С. М. Усманов).

Ключевые слова: рубеж XIX—XX вв., интеллигенция, христианство, «национальный характер», Сергей Радонежский.

Самодетельные объединения интеллигенции в позднем СССР: клубы любителей фантастики / публ. В. В. Комиссарова // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 82—97.
ББК 63.3(2)63-283.2

В публикации представлен архивный документ из фондов Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ). Текст представляет собой докладную записку, подготовленную главным редактором журнала «Техника — молодежи» для ЦК ВЛКСМ. Здесь обобщены результаты анкетирования клубов любителей фантастики (КЛФ), которую журнал проводил в 1982—1983 гг.

В документе описывается социальная и возрастная структура КЛФ, их задачи, проблемы, с которыми они сталкиваются в своей деятельности. В комментариях дано описание документа, его атрибуция. Анализируются обстоятельства создания докладной записки. Описаны идейно-политические условия, высказаны предположения по авторству документа. Также предпринята попытка определить источниковедческое значение публикуемой записки.

Выделены три проблемы, при изучении которых данный документ может быть полезен исследователям. Во-первых, это степень независимости КЛФ от властей; во-вторых, это оценка организационного единства советского фэн-движения; в-третьих, значение, которое придавало научной фантастике советское идеологическое руководство. Также в комментариях описываются события, последовавшие за созданием этого документа. Речь идет о репрессивных кампаниях против редакции «Техники — молодежи» и против клубов любителей фантастики, которые произошли в 1984 г. И хотя связь этих событий с публикуемым документом более чем опосредованная, все эти факты лежат в рамках проблемы идеологического контроля над научной фантастикой. В подробных примечаниях даются пояснения терминам, аббревиатурам, именам собственным, упоминаемым в докладной записке.

Ключевые слова: интеллигенция, научная фантастика, клубы любителей фантастики, партийные органы, идеология.

Кирюхин Д. В. «История жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре как источник биографических сведений о членах королевской семьи и представителях придворной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 98—103.
ББК 63.211

Статья посвящена анализу пока что малоизвестного в отечественной историографии манускрипта «Истории жизни и достижений Генриха VII» придворного автора Бернара Андре, написанного в начале 1500-х гг. Этот текст содержит не только подробную информацию об английском правителе, включая вопросы его родословной, восшествия на престол после победоносного завершения гражданской Войны Алой и Белой Роз и правления до подавления восстания Перкина Уорбека, но и сведения о самом авторе манускрипта и окружавшей его придворной среде в лице его коллег по перу.

Биография короля Генриха VII, написанная Бернаром Андре, отражает несколько тем, которые впоследствии были активно популяризированы пропагандой Тюдоров: сюжет о предсказании восшествия на престол Генриха Ричмонда, богоизбранность нового монарха, олицетворение первенца короля с легендарным королем Артуром. Небезынтересен труд Андре будет и для исследователей, занимающихся вопросами истории английской придворной интеллигенции — автор иногда достаточно подробно пишет не только о себе, но и других придворных авторах, например прибывших ко двору короля Генриха VII итальянцев Пьетро Кармелиано, Джованни Джильи и Корнелио Вителли, что делает «Историю жизни...» одним из важных источников сведений о них. Обращение к тексту манускрипта позволяет подтвердить некоторые детали биографии самого Андре, занимавшего не только должности придворного поэта и королевского историографа, но и отвечавшего за обучение и воспитание наследников английского престола принцев Артура и Генри, а также утвердительно ответить на вопрос о его возможной слепоте.

Ключевые слова: эпоха первых Тюдоров, Бернар Андре, «История жизни и достижений Генриха VII», придворная культура, придворная интеллигенция.

Литовченко Е. В., Болгова А. М. «Слово против меча»: позднеримская школа в новых исторических условиях: рец. на кн.: Тюленев В. М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе: (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново, 2019 // Интеллигенция и мир. 2019. № 4. С. 104—110. ББК 74.03(0)32

В рецензии дается оценка монографии В. М. Тюленева «Римская школа на позднеантичном латинском Западе» (Иваново, 2019). Отмечается вклад исследователя в изучение античной педагогической мысли и школьных практик. Сквозь призму изучения школы показаны основные социальные и культурные изменения, затронувшие общество на рубеже Античности и Средневековья. Главным достоинством рецензируемой работы авторы считают создание объемной и детализированной картины функционирования римской школы на позднеантичном латинском Западе, обоснование неразрывной связи школьного образования с классической литературой на всех его ступенях.

Ключевые слова: поздняя Античность, история педагогики, римская школа, В. М. Тюленев.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Yurkin N. G. Professional schools of Peter I: innovation or continuation of traditions?, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 9—30.

The article analyses the peculiarities of logistics, organizational and personnel support of the first professional schools in Russia. Chronological framework of a research covers the period from 1700 to 1725. The author leans on standard and legal sources, sources of personal origin. Historical-comparative and comparative-legal methods of research are mainly used.

It has been shown that since the formation of professional schools, the State has paid great attention to the creation of their material base. Schools were housed in state buildings, and the state purchased educational equipment. The publication of educational literature was also financed significantly from the State budget. It was noted that, although the first teachers were foreigners, the State had tried to control their activities. Moreover, the reliance was placed on the gradual displacement of Western specialists by Russian teachers. At the same time, the State determined the composition of the disciplines studied, although teachers were free in the teaching methodology. It is shown that in the first quarter of the 18th century the demand for education among Russian people remains extremely low. Therefore, most vocational schools are built on an all-line basis. Although the analysis of the composition of students of the Naval Academy, in which officers were trained, shows a tendency to maintain the aristocratic nature of the public service.

It is concluded that the professional education of Russia in the first quarter of the 18th century differs in a number of ways from Western education, for which the independence of educational institutions from the state was characteristic. This brings professional schools of the first quarter of the 18th century closer to the few educational institutions that existed in the Moscow state. Therefore, Peter I can be seen as a continuer of the traditions of the 17th century in the field of education.

Keywords: public policy in the field of education, Peter I, navigation school, artillery school, engineering school, Naval Academy, logistics and personnel support of educational institutions.

References

1. Akopov A. I. *Obshchiy kurs izdatelskogo dela: Uchebnoye posobiye dlya studentov-zhurnalystov* (Voronezh, 2004).
2. Andreyev A. Yu. O «novom prochtenii» istorii rossiyskikh universitetov, *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*, no. 3, 2009.
3. Arifmetika, sirech nauka chislitel'naya, s raznykh dialektov na Slavyanskoy yazyk perevedennaya, i vo edino sobrana, i na dve knigi razdelena, *Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka dlya molodezhi*. Available at: <http://www.rgub.ru/ebook/?id=81#page/6> (accessed: 03.05.2019).
4. Benda V. N. Vklad voenno-spetsialnykh artilleriyskikh i inzhenernykh shkol v ukrepleniye oboronosposobnosti Rossii v pervoy polovine XVIII stoletiya, *Istoricheskiye, filosofskiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye: Voprosy teorii i praktiki*, no. 8, pt. 2, 2012.
5. Benda V. N. *Sozdanie i deyatelnost artilleriyskikh shkol (konets XVII veka — 1725 god): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* (St. Petersburg, 2004).
6. Borodin A. V. Moskovskaya grazhdanskaya tipografiya i bibliotekari Kiprianovy, *Trudy Instituta knigi, dokumenta, pisma*, iss. 5, 1936.
7. Chernaya L. A. *Russkaya kultura perekhodnogo perioda ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni* (Moscow, 1990).
8. Danilov M. V. Zapiski artillerii mayora, napisannye im v 1771 godu (1722—1762), *Bezvremenyie i vremenshchiki: vospominaniya ob «epokhe dvortsovykh perevorotov» (1720-e — 1760-e gody)* (Leningrad, 1991).
9. Devyatova S. V., Kuptsov V. I. Obrazovaniye i nauka v Rossii v epokhu pravleniya Petra Velikogo, *Chelovecheskiy capital*, no. 1, 2013.
10. Durov I. G. Podgotovka spetsialistov dlya flota pri Petre Velikom, *Voennistoricheskiy zhurnal*, no. 7, 2014. Available at: <http://history.milportal.ru/2014/07/podgotovka-specialistov-dlya-flota-pri-petre-velikom/> (accessed: 14.10.2018).
11. Golikov I. I. *Deyaniya Petra Velikago, mudrago preobrazovatelya Rossii, sobrannyya iz dostovernnykh istochnikov i raspolozhennyya po godam*, vol. 1 (Moscow, 1837).
12. Grabar V. K. *Morskaya shkola Rossii*, pt. 5. Available at: <https://flot.com/blog/historyofNVMU/morskaya-shkola-rossii-grabar-vladimir-chast-5.php> (accessed: 07.05.2019).
13. Grazhdanskaya tipografiya Kiprianovykh, comp. T. G. Kupriyanova, *Rossiyskiy arkhiv*, vol. 9 (Moscow, 1999).
14. Grigoryev V. V. *Istoricheskiy ocherk russkoy shkoly* (Moscow, 1900).

15. Grishin A. V., Grishin V. A. Obrazovatel'naya politika pervoy chetverti XVIII veka, *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2010.
16. Guzevich D. Yu. Diplomaticeskaya tsel Velikogo posolstva 1697—1698/99, *Izvestiya Saratovskogo universiteta: Novaya seriya*, seriya Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, vol. 13, no. 2, 2013. Available at: <http://elibrary.ru/download/81376473.pdf> (accessed: 04.05.2015).
17. Kameneva T. N. K istorii izdaniya «Arifmetiki» Magnitskogo, *Kniga: Issledovaniya i materialy*, iss. 48, 1984.
18. Kapralova Ye. V., Golovanova V. F. Politiko-pravovoe regulirovaniye vysshikh uchebnykh zavedeniy v dorevolutsionnoy Rossii, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta*, no. 4, 2011.
19. Kharlamov V. I. Stanovleniye sistemy podgotovki ofiterskikh kadrov dlya regulyarnoy armii i pogranichnoy okhrany Rossii v XVIII stoletii, *Prostranstvo i vremya: Elektronnoye nauchnoye izdaniye*, vol. 3, iss. 1, 2013. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-sistemy-podgotovki-ofiterskih-kadrov-dlya-regulyarnoy-armii-i-pogranichnoy-okhrany-rossii-v-xviii-stoletii> (accessed: 15.03.2014).
20. Kizevetter A. A. *Russkoye obshchestvo v vosemnadtsatom stoletii*, 2nd ed. (Rostov-on-Don, 1905).
21. Klyuchevskiy V. O. *Aforizmy i mysli ob istorii: Aforizmy. Istoricheskiye portrety i ocherki. Dnevniky* (Moscow, 2007).
22. Knyazkov S. *Ocherki iz istorii Petra Velikogo i ego vremeni* (Moscow, 1909). Available at: <http://books.e-heritage.ru/book/10079647> (accessed: 13.09.2018).
23. Lavrentyev A. V. K istorii sozdaniya uchilishcha v moskovskoy Bronnoy slobode v XVII veke, *Istoriya SSSR*, no. 3, 1991.
24. Leshkov V. N. *Narodnoye prosveshcheniye po ukazam Petra Velikogo* (Moscow, 2012).
25. *Materialy dlya istorii Russkogo flota*, pt. 3 (St. Petersburg, 1866).
26. Modzalevskiy L. N. *Ocherk istorii vospitaniya i obucheniya s drevneyshikh do nashikh vremen*, pt. 1 (St. Petersburg, 2000).
27. *Ocherk istorii narodnogo obrazovaniya v Rossii do epokhi reform Aleksandra II*, comp. S. A. Knyazkov, N. I. Serebrov, ed. by S. V. Rozhdestvenskiy (Moscow, 1910).
28. Pekarskiy P. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom*, vol. 1 (St. Petersburg, 1862).
29. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, vol. 4 (St. Petersburg, 1900); vol. 5 (St. Petersburg, 1907); vol. 6 (St. Petersburg, 1912); vol. 9, iss. 1 (Moscow, 1950); vol. 10 (Moscow, 1956).

30. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii*: Sobraniye 1, vol. 4—6, 9 (St. Petersburg, 1830).
31. Primernyy perechen voprosov, vynosimykh na ekzamen v Morskoy akademii, in: Alekhin I. A. *Razvitiye teorii i praktiki voennogo obrazovaniya v Rossii XVIII — nachala XX veka*: Dis. ... d-ra ped. nauk, suppl. 15 (Moscow, 2004).
32. Simonov R. A., Kuzakov V. K., Kuzmin M. K. Yestestvenno-nauchnyye znaniya, in: *Ocherki russkoy kultury XVII veka*, pt. 2 (Moscow, 1979).
33. Sokolovskiy I. *Petr Velikiy kak vospitatel i uchitel naroda* (Kazan, 1873).
34. Storozhev V. N. *K istorii russkogo prosveshcheniya XVII v.* (Kiev, 1890).
35. Strukov D. P. Moskovskaya Pushkarskaya shkola: k istorii pervogo voyennogo uchilishcha Rossii vremeni Petra Velikogo, *Voennyy sbornik*, no. 1, 1892.
36. Ulanov V. Ya. Kulturnyye reformy Petrovskoy epokhi, in: *Tri veka: Rossiya ot Smuty do nashego vremeni*: in 6 vols, vol. 4 (Moscow, 2006).
37. Veselago F. *Ocherk istorii Morskogo kadetskogo korpusa s prilozheniyem spiska vospitannikov za 100 let* (St. Petersburg, 1842).
38. Vlast i intellekt v imperatorskoy Rossii: Diskussii i obsuzhdeniya, *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, 2005.
39. Voytekhovskaya M. P., Kupert Yu. V. Zarozhdeniye gosudarstvennoy sistemy obrazovaniya v Rossiyskoy imperii, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, 2012. Available at: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/vojtehovskaya_m_p_39_45_2_17_2012.pdf (accessed: 20.09.2012).
40. Yurkin N. G. «Revolyutsioner na trone»? iz istorii razvitiya dvoryanskogo sosloviya, *Nauchniyat potentsial na sveta — 2012: Materialy 8-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, vol. 6 (Sophia, 2012).
41. Yurkin N. G. Opyt sravnitel'nogo analiza razvitiya rossiyskoy i zarubezhnykh sistem obrazovaniya do XVIII v., *Intelligentsiya i mir*, no. 4, 2012.
42. Yurkin N. G. Professionalnyye uchilishcha Petra I: tseli sozdaniya i otnoshenie v obshchestve, *Nauchno-teoreticheskiye i metodologicheskkiye osnovy izucheniya zhiznedeyatel'nosti intelligentsii: Materialy XXIX Natsionalnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* (Ivanovo, 2018).
43. Yurkin N. G. Tseli obrazovatel'noy politiki Petra I v sfere professional'nogo obucheniya, *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2019.
44. Zapiski Braunshneygskago rezidenta Vebera o Petre Velikom i ob ego preobrazovaniyakh, *Russkiy arkhiv*, no. 7, 8, 1872.
45. Zuev G. I. *Istoricheskaya khronika Morskogo korpusa, 1701—1925 gg.* (Moscow, 2005).

Guseva M. A. Medieval municipal officials as a type of administrative protointelligentsia: (On the example of England of the 14th — 15th cc.), *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 31—38.

In its development, the intelligentsia has come a long way in formation. However, at all times, the presence of education, the close connection of activity with intellectual work, as well as moral behavior and the ability to bear responsibility for one's decisions were significant characteristics of it. The mentioned characteristics in our opinion allow considering the category of medieval municipal officials as a certain type of protointelligentsia.

The article describes the main officials of the English town of the 14th — 15th centuries, shows the mechanisms of formation of the local administrative apparatus, the selection criteria for its members. Separately, we note that in the history of England of the 14th — 15th centuries — this is the time of the formation of municipal self-government, the definition of its structure. The study showed that in the mentioned centuries the English municipal servants were a rather closed community. This was facilitated both by the requirements of local legislation, which presented their criteria for candidates for municipal posts, and the limited circle of people with the status of a full-fledged citizen. In particular, the applicant for a municipal post was required: financial solvency, a certain education, the ability to bear responsibility for the decisions made, and decent behavior of both the official and his relatives. The professional affiliation of the applicant was also taken into account here. Separately, we note that in the study period, the concept of «a municipal official» did not mean his main professional occupation. These were full-fledged citizens elected to the magistrate for a fixed term. They did not interrupt their craft or trading activities.

Keywords: medieval town, officials, protointelligentsia, mechanism of formation, selection criterion.

References

1. *Beverly Town Documents*, ed. by A. Leach (London, 1900).
2. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*, vol. 10 (Moscow, 1972).
3. Chernova L. P. *Pod sen'yu svyatogo Pavla: delovoy mir Londona XIV—XVI vv.* (Moscow, St. Petersburg, 2016).
4. Cooper Ch. H. *Annals of Cambridge*, vol. 1 (Cambridge, 1842).
5. Green A. *Town Life in the Fifteenth Century*, vol. 1—2 (London, 1907).
6. Guseva M. A. *Stanovleniye munitsipalnogo samoupravleniya v angliyskikh gorodakh v XIV—XV vekakh: struktura i funktsii: (Na primere svetskikh i tserkovnykh gorodov):* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Ivanovo, 2005).

7. Mosolkina T. V. *Gorod Bristol v XIV—XV vekakh: Ekonomika, obshchestvennyye otnosheniya, sotsialnaya psikhologiya* (Saratov, 1997).
8. Mosolkina T. V. Traditsii samoupravleniya v gorodakh Anglii, in: *Sredniye veka*, iss. 6 (Moscow, 2000).
9. Owen H., Brickdale J. B. *A History of Shrewsbury* (London, 1825).
10. Tait J. *The Medieval English Borough. Studied on Its Origins and Constitutional History* (Manchester, 1936).
11. *The Coventry Leet Book; or mayor's register, 1420—1555*, ed. by M. D. Harris, pt. 1—4 (London, 1907—1913).
12. *The Records of the Borough of Leicester*, ed. by M. Bateson, vol. 2 (London, 1899—1908).
13. Yevseyev V. A. *Ocherki po istorii angliyskogo goroda rannego Novogo vremeni* (Ivanovo, 2010).
14. Yurkin N. G. Upravlencheskaya intelligentsiya i stanovleniye gosudarstvennoy (grazhdanskoj) sluzhby v Rossii XVI—XVII vv., *Intelligentsiya i mir*, no. 1, 2004.

Yevseyev V. A., Kuchin Ya. S. The image of European nations in the journals «The Spectator» and «The Free-holder», *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 39—60.

The article is devoted to the extremely urgent problem of national identity; the authors consider a development of relations between European peoples. The journalism of Britain at the beginning of the 18th century (namely, Joseph Addison and Richard Steele's vision of a foreigner) was chosen as the subject of the research. These persons were creators of the famous journals «Spectator» and «Free-holder». The purpose of the article is to identify Addison and Steel's relationship to various peoples of Europe. The researchers have the following tasks: to consider the image of France as the main Britain opponent; analysis images of recent significant «enemies» (on the Spain and Scotland examples); characteristic of allied and neutral countries for Britain. The authors conclude that a vision of foreigners in those journals is founded for the personal objections of publicists as proponents of wig politics. Addison and Steele gave their assessment to representatives of some neighboring European peoples, different in meaning and status for the Englishman. The centuries-old confrontation with France reflected the political priorities of the authors. They showed how the power of French tyrants was vicious (in the person of Louis XIV). Other peoples of Europe were also endowed with certain qualities. The image of Spain is a critique of tyranny; Holland is an example of a trading power; Germany plays a significant role in the «legitimization» of the King George I's figure; the image

of Italy is tied to the traditions of Antiquity; Russia is an example of the enlightened monarch's rule.

Keywords: English journalism of the Modern Era, Richard Steele, Joseph Addison, the relation to the neighboring European peoples.

References

1. Addison J. *The Free-holder* (Glasgow, 1752). Available at: <https://books.google.ru/books?id=9LUuAAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q=4&f=false> (accessed: 27.08.2019).
2. Addison J., Steele R. *The Spectator* (Cincinnati, 1856). Available at: https://books.google.ru/books?id=XPkyAQAAMAAJ&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s (accessed: 27.08.2019).
3. Carry B. Accounts of savage nations: «The Spectator» and the Americas, in: «*The Spectator*»: *Emerging Discourses*, ed. by D. J. Newman (Delaware, 2005).
4. Knight Ch. A. *A Political Biography of Richard Steele* (Routledge, 2009).
5. Labutina T. L. Politicheskiye partii Anglii v otsenkakh rannikh prosvetiteley, *Zhurnal regionalnoy istorii*, vol. 1, no. 2, 2017.
6. Lazurskiy V. F. *Satiriko-nravouchitelnyye zhurnaly Stilya i Addisona: Iz istorii angliyskoy zhurnalistiki XVIII v.*, vol. 2 (Odessa, 1916).
7. Meyers C. *Advisors of the Age of Reason: The Periodical Essays of Steele, Addison, Johnson, and Goldsmith* (Illinois, 1962).
8. Newman D. J. Introduction, in: «*The Spectator*»: *Emerging Discourses*, ed. by D. J. Newman (Delaware, 2005).
9. Rak V. D. *Satiriko-nravouchitelnyye zhurnaly Addisona i Stilya i literaturnaya polemika ikh vremeni* (Leningrad, 1967).
10. Shaytanov I. O. «Stoletye bezumno i mudro...», in: *Angliya v pamflete: Angliyskaya publitsisticheskaya proza nachala XVIII veka* (Moscow, 1987).
11. Smithers P. *The Life of Joseph Addison* (Oxford, 1954).
12. Sokolov A. B. *Politicheskaya borba v Anglii po voprosam vneshney i kolonialnoy politiki v XVIII veke*: Dis. ... d-ra ist. nauk (Moscow, 1995).
13. Turner Z. I. *An analysis of the styles of Addison and Steele in «The Spectator» papers* (Atlanta, 1949).
14. Yevseyev V. A. Obrazy sosednikh narodov v izobrazhenii literaturnykh geroyev Shekspira, in: *Natsionalnyy/sotsialnyy kharakter: Arkhetipy idey i sovremennoye nasledstvo*: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Moscow, 2010).

Kislitsyn S. V. Contemporary transatlantic relations in the ideology of US Republican Party, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 61—72.

This article examines the contemporary ideological approaches of the US Republican Party to the issue of transatlantic relations. Republicans, as well as democrats, traditionally support the idea of Washington's global primacy, but their strategies are different. The former primarily focus their attention on various power approaches, while the latter turn to economic instruments of influence.

By identifying contemporary challenges directly with Russia's foreign policy, republican ideologists are skeptical of Europeans not paying enough attention to security issues.

Supporting the expansion and strengthening of NATO, the Republicans see it as the basis for American regional leadership. Today, they are inclined to identify modern challenges in the transatlantic space with the revitalization of Russian foreign policy. At the same time, their attitude to the problem of Britain's withdrawal from the European Union or to the cooling of US-German relations is not unambiguous. Republicans are in favor of maintaining close cooperation with both countries, considering the emerging difficulties in their relations with the US as a temporary phenomenon. At the same time, among the supporters of the party there is an understanding of the difference between Europe, united within NATO and the European Union. They focus their attention exactly on the North Atlantic Alliance, as an instrument of influence on their regional allies.

Keywords: Republican Party, realism, neo-conservatism, NATO, US-European Relations.

References

1. Bennett B. Trump lashes out at Germany over NATO Spending and Trade after Merkel Questions the U.S. Commitment to its Allies, *Los Angeles Times*, May 30, 2017. Available at: <http://www.latimes.com/politics/washington/la-na-essential-washington-updates-trump-lashes-out-at-germany-over-nato-1496153358-htmlstory.html> (accessed: 28.06.2019).
2. Bolton J. Europe's Election, *Pittsburgh Tribune Review*, May 13, 2017. Available at: <http://triblive.com/opinion/featuredcommentary/12277158-74/europe-elections> (accessed: 30.06.2019).
3. Boot M. Will Trump be the end of the Pax Americana? *Los Angeles Times*, January 22, 2017. Available at: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-boot-trump-reorients-us-foreign-policy-20170122-story.html> (accessed: 28.06.2019).

4. Burt R. Trump and Europe, *The National Interest*, no. 147, January — February, 2017.
5. Edelman E., McNamara W.M. U.S. Strategy for Maintaining a Europe Whole and Free, *Center for Strategic and Budgetary Assessments*, February 16, 2017. Available at: <http://csbaonline.org/research/publications/u.s.-strategy-for-maintaining-a-europe-whole-and-free> (accessed: 03.07.2019).
6. Foreign Policy 2017, *Foreign Policy Initiative*. Available at: http://www.foreignpolicyi.org/files/uploads/images/2017-05-24-Foreign%20Policy%202017_0.pdf (accessed: 03.07.2019).
7. FPI Conference Call Wrap-Up: the Brexit Vote, *Foreign Policy Initiative*, June 22, 2016. Available at: <http://foreignpolicyi.org/content/fpi-conference-call-wrap-brexit-vote> (accessed: 10.06.2019).
8. Kagan R. *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order* (New York, 2006).
9. Kirchick J. Britain will live to regret leaving the E.U.: the European Union is imperfect, but it has worked better than any alternative, *New York Daily News*, June 24, 2016. Available at: <http://www.nydailynews.com/opinion/james-kirchick-britain-live-regret-leaving-e-u-article-1.2686841> (accessed: 04.06.2019).
10. Kirchick J. *The End of Europe: Dictators, Demagogues and the Coming Dark Age* (New Haven, 2017).
11. Kirchick J. The end of Europe's dangerous delusion: the continent is paying a painful price for its arrogance and naivete about supposed immunity from Islamist terrorism, *New York Daily News*, March 23, 2016. Available at: <http://www.nydailynews.com/opinion/james-kirchick-europe-dangerous-delusion-article-1.2573893> (accessed: 04.06.2019).
12. Kochis D., Coffey L. Brussels Mini-Summit: Understanding Key Issues Facing the NATO Alliance, *The Heritage Foundation*, May 22, 2017. Available at: <http://www.heritage.org/global-politics/report/brussels-mini-summit-understanding-key-issues-facing-the-nato-alliance> (accessed: 30.06.2019).
13. Moore E. FPI Bulletin: Ukraine's Independence Under Threat, *Foreign Policy Initiative*, August 24, 2016. Available at: <http://foreignpolicyi.org/content/fpi-bulletin-ukraine%E2%80%99s-independence-under-threat> (accessed: 03.07.2019).
14. Porter T. Trump's America is «No Friend» Says Germany's Angela Merkel Ahead of «Thorny» G20 Summit, *Newsweek*, July 4, 2017. Available at: <http://www.newsweek.com/germany-angela-merkel-donald-trump-friends-g20-631516> (accessed: 28.06.2019).
15. Rohac D. The UK's global engagement begins in Europe, *American Enterprise Institute*, February 22, 2016. Available at: <http://www.aei.org/publication/the-uks-global-engagement-begins-in-europe/> (accessed: 09.06.2019).

Akhunzyanova F. T., Abbot Peter (Eryshalov). The search for «national character» in the context of socio-cultural reality of Russia at the turn of the 19th — 20th centuries: (On the figure of St. Sergius Radonezhski's example), *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 73—81.

The authors of the article set a goal of presenting the main directions of the quest for a «national character» in the context of the socio-cultural reality of Russia at the turn of the 19th — 20th centuries. This theme is relevant for several reasons. First, the solution of questions about the formative principles of the Russian cultural-historical type brought together representatives of the intelligentsia of the beginning of the 20th century to a correlating understanding of the real — inward — nature of the Russian people, and, accordingly, the cultural phenomena created by this consciousness. This led, among other things, to a peculiar dialogue of cultures — the culture of Ancient Russia and the culture of the turn of the 19th — 20th centuries, reflected in various forms of art: literature, painting, music. Secondly, the apocalyptic sentiments that prevailed at the end of the 19th century in Russia demanded the revival of such values, images and signs that they were able to rediscover the acquired the God's grace on the Russian land. There is a real discovery by the intellectual elite of the world of the Russian holiness: thinkers of the turn of the 19th — 20th centuries actively convey their subjective perception of the orthodox experience. Something similar is happening in modern Russia — hence the keen interest in the «frontier stages» of cultural development, in the diversity of trends and the meaningful semantic searches of a century ago.

According to the authors of the article, a number of metaphysical, spiritual and religious foundations of Russian culture are historically personified in the image of Sergius Radonezhsky. In the conditions of intense spiritual searches for thinkers of the turn of the century, it was important to know not a private fragment of conditional life, but a real, overgrown struggle to restore the integrity and fullness of a human being. In this sense, the history of Sergius Radonezhsky, as the history transformed by the feat and grace of the Holy Spirit of the human person, becomes both the embodiment of the ideological complex of Orthodoxy, and the realization of the ideological and aesthetic concept of deification as a movement to the highest point of spiritual development.

In connection with the foregoing, the following tasks are set in the article.

1. To determine the historical and cultural-philosophical context of spiritual quest in Russia at the turn of the 19th — 20th centuries;

2. To identify the causes and forms of conversion of thinkers of the early 20th century to the experience of the spiritual formation of Sergius Radonezhsky.

Methodological approaches to the problem under study are based on the theoretical basis of modern scientific knowledge, which includes concepts and methods of philosophy (N. A. Berdyaev, P. A. Florensky, D. S. Merezhkovsky, V. V. Rozanov, Vl. S. Solovyov); cultural studies (I. A. Edoshina, M. S. Kagan, Yu. M. Lotman, N. O. Osipova); art history (I. A. Azizyan, A. Payman, A. A. Rusakova, D. V. Sarabyanov), intelligentsia studies (V. S. Memetov, S. M. Usmanov).

Keywords: The turn of the 19th — 20th centuries, intelligentsia, Christianity, «national character», Sergius Radonezhsky.

References

1. Akhunzyanova F. T. Spetsifika russkogo religioznogo soznaniya v refleksii intelligentsii nachala XX veka, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2015.
2. Berdyaev N. A. *Smysl istorii* (Moscow, 1990).
3. Ivanov Vyach. O znachenii Vl. Solovyeva v sud`bakh nashego religioznogo soznaniya, *Sbornik statey o V. Solovyeve* (Brussels, 1994).
4. Klyuchevskiy V. O. *Znachenie prepodobnogo Sergiya dlya russkogo naroda i gosudarstva: Rech na sobranii Moskovskoy Dukhovnoy Akademii v pamyat prep. Sergiya*. Available at: http://dugward.ru/library/klyuchevskiy/klyuchevskiy_znachenie_prepodobnogo_sergiya.html (accessed: 04.04.2019).
5. Losskiy N. O. Prepodobnyy Sergiy Radonezhskiy i Serafim Sarovskiy: (Po povodu knigi B. Zaytseva i Vl. Ilina), *Put: Organ russkoy religioznoy mysli*, no. 2, 1926.
6. Merezhkovskiy D. S. Nemoy prorok, *Vl. Solovyev: pro et contra*, vol. 2 (St. Petersburg, 2002).
7. Rozanov V. V. Avtoportret Vl. S. Solovyeva. Tserkovnyye zanyatiya ego i ego lichnost, in: Rozanov V. V. *Sobraniye sochineniy*: in 30 vols, vol. 16: Okolo narodnoy dushi: (Stat`i 1906—1908 gg.) (Moscow, 2003).
8. Solovyev V. S. Velikiy spor i khristianskaya politika, in: *Polnoe sobraniye sochineniy*, vol. 4 (St. Petersburg, 1914).
9. Shubart V. *Evropa i dusha Vostoka* (Moscow, 2000).

Informal associations of intelligentsia in the late Soviet Union: clubs of fans of science fiction, publ. by V. V. Komissarov, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 82—97.

The publication presents an archival document of the funds of the Russian archive of socio-political history (RGASPI). The document is a report prepared by the editor-in-chief of the journal «Technology — to the youth» for the Komsomol Central Committee. The report summarizes the results of the survey of Clubs of fans of science fiction (CFSF), which the journal conducted in 1982—1983.

The document describes the social and age structure of the CFSF, tasks, problems that they experience in their activities. The comments give a description of the document, its attribution. The circumstances of the creation of the report are analyzed. Ideological and political conditions are described; assumptions on authorship of the document are expressed. An attempt is also made to determine the source knowledge of the published report.

Three problems are identified, in the study of which this document can be useful to researchers. First, it is the degree of independence of the CFSF from the authorities; second, it is an assessment of the organizational unity of the Soviet fan movement; third, the importance that the Soviet ideological leadership attached to science fiction. The comments also describe the events that followed the creation of this document. We are talking about repressive campaigns against the journal «Technology — to the youth» and against the clubs of science fiction fans, which occurred in 1984. And although the connection of these events with the published document is more than indirect, all these events are within the framework of ideological control over science fiction. The detailed notes explain the terms, abbreviations, proper names mentioned in the report.

Keywords: intelligentsia, science fiction, clubs of fans of science fiction, party organs, ideology.

References

1. Skalandis A. *Brat'ya Strugatskiye* (Moscow, 2008).
2. Ivashnikov K. V. *Neformalnyye samodeyatelnyye obyedineniya v SSSR: istoriko-kulturnyy aspekt: dis. ... kand. ist. nauk* (Moscow, 2008).
3. K svedeniyu chitateley, *Tekhnika — molodezhi*, no. 7, 1982.
4. KLF rasskazyvayut o sebe, *Tekhnika — molodezhi*, no. 1, 1983.
5. Komissarov V. V. Kluby lyubiteley fantastiki kak proyavleniye obshchestvennoy aktivnosti sovetskoy intelligentsii 1960—1980-kh gg.: k probleme izucheniya, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2010.

6. Komissarov V. V. Dvizheniye lyubiteley fantastiki v provintsialnom so-vetskom gorode v 1980-e gody, *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta*, ser. Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki, no. 2, 2015.
7. Komissarov V. V. *Nauchno-fantasticheskaya literatura v zhizni so-vetskoj intelligentsii 1940—1980-kh gg.: nekotoryye sotsialno-istoricheskiye aspekty* (Ivanovo, 2010).
8. Osipov A. *Miry na ladonyakh: Fantastika v tvorchestve pisateley-sibiryakov* (Krasnoyarsk, 1988).
9. Osipov A. Ot Kaliningrada do Khabarovska: (O klubakh lyubiteley fantastiki v SSSR), *Tekhnika — molodezhi*, no. 11, 1981.
10. Osipov A. N. *Bibliografiya fantastiki* (Moscow, 1990).

Kiryukhin D. V. «The History of Life and Achievements of Henry VII» by Bernard Andre as a source of biographical information about members of the royal family and representatives of the court intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 98—103.

The article is devoted to the analysis of the still little-known manuscript in the Russian historiography, «The History of Life and Achievements of Henry VII» by the court author Bernard André, written in the early 1500-s, which contains not only detailed information about the English King, including facts of his bloodline, accession to the throne after the victorious conclusion of the civil War of the Roses and reign until the suppression of the Perkin Warbeck uprising, but also information about the author of the manuscript and the surrounding court colleagues.

The biography of King Henry VII, written by B. André, reflects several topics that were later popularized by Tudor propaganda: a story about the prediction of the accession to the throne of Henry Richmond, the God-chosen new monarch, the personification of the King's first-born with the legendary King Arthur. Andre's work will also be interesting for researchers working on the history of the English court intelligentsia — the author sometimes writes in sufficient detail not only about himself, but also other court authors, such as the Italians Pietro Carmeliano, Giovanni Gigli and Cornelio Vitelli, who arrived at the court of King Henry VII, which makes «The History of Life...» one of the important sources of information about them. An appeal to the text of the manuscript also confirms certain details of the biography of Andre himself, who held not only the posts of court poet and royal historiographer, but also was responsible for the training and education of the heirs of the English throne, Princes Arthur and Henry, in particular, affirmatively answer the question about his possible blindness.

Keywords: the first Tudors epoch, Bernard Andre, «The History of Life and Achievements of Henry VII», court culture, the court intelligentsia.

References

1. Andre B. *Istoriya zhizni i dostizheniy Genrikha VII* (Moscow; St. Petersburg, 2017).
2. Kiryukhin D. V. Pridvornyy poet Petro Karmeliano i politika gosudarstvennogo metsenatstva dvora rannikh Tyudorov, in: *Sobiratelstvo i metsenatstvo v epokhu Vozrozhdeniya* (Moscow, 2015).
3. Kiryukhin D. V. Uchastiye ital'yanskoy intelligentsii v migratsionnykh protsessakh rannego Novogo vremeni: sem'ya Dzhili, *Intelligentsiya i mir*, no. 2, 2016.
4. Mor T. Na nekoyego, kto napisal gimny o bogakh, nedostatochno umelo zasvidetelstvovav v predislovii, chto on napisal ikh ekspromtom i ne soblyudal zakonov stikha, i chto izlozheniye ne obeshchayet krasnorechiya, in: Mor T. *Epigrammy. Istoriya Richarda III* (Moscow, 1973).
5. André B. *De vita atque gestis Henrici Septimi historia*, Library of Humanistic texts, the Shakespeare Institute of the University of Birmingham, 2010. Available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (accessed: 05.08.2019).
6. André B. *Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia* (London, 1858).
7. André B. *The Life of Henry VII*, transl., introd. D. Hobbins (New York, 2011).
8. Carlson D. Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response, *Studies in Philology*, vol. 85, no. 3, 1988.
9. Hobbins D. Introduction, in: André B. *The Life of Henry VII* (New York, 2011).
10. Sutton D. Introduction, in: André B. *De vita atque gestis Henrici Septimi historia*, Library of Humanistic texts, the Shakespeare Institute of the University of Birmingham, 2010. Available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (accessed: 05.08.2019).
11. Tournoy G. Two poems written by Erasmus for Bernard Andre, in: *Humanistica Lovaniensia*, vol. 27 (Leuven, 1978).
12. Vergil Polydore. *Anglica Historia: Latin text and English translation*, book 26 (Birmingham, 2005). Available at: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/26lat.html> (accessed: 05.08.2019).
13. Weiss R. Cornelio Vitelli in France and England, *Journal of the Warburg Institute*, no. 2, 1939.

Litovchenko E. V., Bolgova A. M. «A word against a sword»: the late Roman school in new historical conditions. Review to: Tyulenev V. M. Roman School in the Late Antique Latin West: (Southern Gallia in the 5th — first half of the 6th century) (Ivanovo, 2019), *Intelligentsia and the World*, no. 4, 2019, pp. 104—110.

The review evaluates the monograph by V. M. Tyulenev «Roman School in the Late Antique Latin West: (Southern Gallia in the 5th — first half of the 6th century)». The contribution of the researcher to the study of ancient pedagogical thought and school practices is noted. The main social and cultural changes that affected society at the turn of Antiquity and the Middle Ages are shown through the prism of studying the school. As the main merit of the reviewed work the authors consider the creation of a voluminous and detailed picture of the functioning of the Roman school in the Late Antique Latin West, the justification of the close link of school education with classical literature on all its steps.

Keywords: Late Antiquity, history of pedagogy, Roman school, V. M. Tyulenev.

References

1. Leonhardt J. *Latin. Story of a World Language* (The Belknap Press, 2016).
2. *Hypothekai*: Zhurnal po istorii antichnoy pedagogicheskoy kultury, no. 3 (Moscow, 2019).
3. Bolgova A. M. *Rannevizantiyskiye portrety: ritory, sofisty, filosofy* (Belgorod, 2018).
4. Perfilova T. B. *Vyssheye obrazovaniye v Rimskoy imperii: (Kulturologicheskiy aspekt)*: Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk (Moscow, 2005).
5. Tyulenev V. M. *Rimskaya shkola na pozdneantichnom latinskom Zapade: (Yuzhnaya Galliya v V — pervoy polovine VI v.)* (Ivanovo, 2019).
6. *Vozlyublyu slovo kak blizhnego: uchebnyy tekst v pozdnyuyu Antichnost' i ranneye Srednevekovye: Issledovaniye sostava shkol'nogo kanona III—XI vv.* (Moscow, 2017).

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Балдин К. Е.</i> Интеллигенты в деревне: земские агрономы Костромской губернии в начале XX в.	1
<i>Гусева М. А.</i> Средневековые муниципальные чиновники как тип управленческой протоинтеллигенции (На примере Англии XIV—XV вв.)	4
<i>Евсеев В. А., Кучин Я. С.</i> Образ европейских народов в журналах «Зритель» и «Фригольдер»	4
<i>Зябликов А. В.</i> Российская художественная интеллигенция и думская практика 1906—1907 гг.	2
<i>Комиссаров В. В.</i> Советская интеллигенция в условиях де-сталинизации 1950—1960-х гг.: «Детская энциклопедия» на пути к читателю	2
<i>Соловьев А. А.</i> Интеллигенция Верхнего Поволжья в деле создания и развития специальных и общедоступных библиотек во второй половине XIX — начале XX в.	2
<i>Фортуатов В. В., Платова Е. Э.</i> Интеллигенты в составе Коммунистической партии: фантазии и реальность (1917—1940)	1
<i>Юркин Н. Г.</i> Цели образовательной политики Петра I в сфере профессионального обучения	1
<i>Юркин Н. Г.</i> Профессиональные школы Петра I: новаторство или продолжение традиций?	4

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Ахунзянова Ф. Т., игумен Петр (Ерышалов).* Поиски «национального характера» в контексте социокультурной реальности России рубежа XIX—XX вв. (На примере образа Сергея Радонежского) 4
- Буданова Д. С.* Символы власти и их интерпретация в живописи Здзислава Бексиньского 3
- Корников А. А., Хрипунов А. С.* Революция и Гражданская война 1917—1922 гг. в восприятии русского интеллигента (По запискам И. Ф. Наживина) 2
- Смирнов Д. А.* Политические проблемы послевоенной Германии в отражении интеллектуальных исканий Эрнста Юнгера начала 1950-х гг. 3
- Тимашева О. В.* Критика как роман, или Жердочка для попугая 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Корнилов А. А.* Религиозные настроения послевоенной русской эмиграции в «Докладной записке» 1950 г. профессора И. П. Четверикова 3
- Усманов С. М.* Потенциальное православие vs варварство: «Русская идея» Н. Бердяева в зеркале историко-культурной концепции П. Сорокина 3

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Осинский И. И., Добрынина М. И.* Русская интеллигенция в республиках Сибири (Некоторые проблемы формирования и развития) 1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Ашмарина А. А.* Позиция интеллектуалов Европейского союза по отношению к мигрантам: Ален Финкелькраут и Юлиан Нида-Рюмелин 3
- Кислицын С. В.* Современные трансатлантические отношения в идеологии Республиканской партии США 4
- Шимельфениг О. В.* Интеллигенция Саратова на рубеже тысячелетий 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Шевчук И. И.* Белорусская историография о кадровом потенциале академической науки в начале ее институализации (1921—1924) 1

ДИСКУССИЯ

- Возилов В. В.* Принцип «цель оправдывает средства» в деятельности российской интеллигенции (XIX — начало XX в.) 1
- Коваленко С. В.* Интеллигенция как субъект социально-культурного творчества: философско-антропологические аспекты 2
- Порозов В. А.* Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте 1
- Ревакина Н. В.* Культура Возрождения и мы 3

ДЕБЮТ

- Будучев В. А.* Интеллигенция в перспективе межкультурных взаимоотношений: роль философии просвещения и Французской революции в формировании русской интеллигенции 1

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Балахонова М. А., Околотин В. С.* Паломнические дневники как источники о духовном развитии русской интеллигенции в XIX — начале XX в. 2
- Кирюхин Д. В.* «История жизни и достижений Генриха VII» Бернара Андре как источник биографических сведений о членах королевской семьи и представителях придворной интеллигенции 4
- Самарцева Е. И.* Интеллигенция и военно-исторические музеи русского зарубежья 2
- Самодетельные объединения интеллигенции в позднем СССР: клубы любителей фантастики (публ. *В. В. Комиссарова*) 4

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Литовченко Е. В., Болгова А. М.* «Слово против меча»: позднеримская школа в новых исторических условиях. Рец. на кн.: *Тюленев В. М.* Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия в V — первой половине VI в.). Иваново, 2019 4

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ И ДРУГИХ ДИСЦИПЛИН СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА

- Бунин А. О., Дряблова Е. Е., Жуколина М. В., Реутова А. Д.* Методы контроля результатов обучения при компетентностном подходе в рамках преподавания гуманитарных дисциплин в медицинской академии 2

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2019 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, М. В. Серебрякова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 26.12.2019 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 6,9. Тираж 40 экз.
Заказ № 142. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru